

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
КОММУНИКАЦИЙ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Эльдар Гуртуев
Адам Гутов
Ахмат Гыллыев
Хачим Кауфов
Валентин Кузьмин
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Моттаева
Ахмат Мусукаев
Ахмат Созаев
Зейтун Толгуров
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Анатолий Туркинов
Юрий Тхагазитов
Аслан Урусбамбетов
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

2. 2008

МАРТ-АПРЕЛЬ

Танзиле Зумакуловой

Умеренно скоро Сд. С. Чалоева

А в Балкарии нет непогоды,
Благодатная зреет земля.
И повсюду под звуки мелодий
Слышу имя твое Танзиля.

Прпев: Танзиля, Танзиля,
Слышу имя твое – Танзиля.

Ты у гор, у высоких и снежных
Все приемлешь, но только не ложь.
Ты среди женщин и мудрых и нежных
Самой мудрой и нежной слывешь.

Прпев.

Испытала ты беды и горе,
Был жесток и коварен твой враг.
Но ты знала, что ждут тебя горы,
Гирхожан, где твой дом и очаг.

Прпев.

И ты шла, возрождаясь из пепла,
О спасенье народа моля.
Ты в невзгодах мужала и крепла,
Танзиля, Танзиля, Танзиля!

Прпев: Танзиля, Танзиля,
Слышу имя твое – Танзиля.

К 70-летию Сафарби Хахова

От редакции

Сафарби Гидович Хахов – известный кабардинский поэт, прозаик, публицист, журналист, переводчик, автор 20 книг стихов; поэтических и прозаических произведений на кабардинском и русском языках, из которых стали популярными «Свежесть», «Толькъун Исэ», («Тихая волна»), «Махуэм дунейр и КЫгъбашъц» («День, длиною в жизнь»), «Дадкъуапэ» («Маленький мудрец»), «Си хъурегъкІэ» («Вокруг меня»), «МахуэщІэр кІадащхъ течаш» («Новый день») и др. Автор более сотни очерков, эссе, басен, рассказов и повестей. Он перевел на кабардинский язык автобиографическую повесть для детей Кайсына Кулиева «Скачи, мой ослик» и издал отдельной книгой. Переводил стихи и прозу многих других балкарских поэтов и писателей, произведения адыгейца П. Кошубаева, абхазца М. Лакербая, турецкого писателя адыгского происхождения Омара Сейфедина (Умара Хатукова), нидерландца Кармиггелта Симона и других авторов. Многие произведения Хахова включены в школьную программу, по его творчеству часто пишут дипломные работы выпускники филологического факультета КБГУ.

Он выпускник Московского Литературного института им. М. Горького, член Союзов писателей и журналистов РФ. Многие годы работал корреспондентом, затем – заведующим отделом культуры газеты «Адыгэ псальэ», входил в состав ее редколлегии.

В данное время С. Г. Хахов работает в аппарате Союза писателей КБР, является членом правления этой организации.

Сафарби Хахов вот уже около двадцати лет много и плодотворно работает с начинающими поэтами и прозаиками в литературном объединении «Млечный путь» (Литхасэ «Шыхульагъуэ»). Многие известные теперь кабардинские поэты и прозаики начинали свой творческий путь именно в этом литобъединении. Литературная хаса «Шыхульагъуэ» стала своеобразной школой адыгской творческой молодежи.

За многолетнюю плодотворную работу в печати и успехи в литературном творчестве он награжден Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КБАССР (1984) и Правления Союза журналистов нашей республики (1988), стал Лауреатом премии журналистов КБР (1977), а в 1999 году ему присвоено высокое звание «Заслуженный работник культуры КБР».

Барасби ТХАМОКОВ

Сафарби Хахов – один из ярких представителей «могучей кучки» кабардинских писателей, пришедших в литературу в 60-х годах истекшего столетия. Человек нелегкой судьбы, щедро наделенный своеобразным талантом литератора, умеющего показывать различные жизненные ситуации живо, динамично, правдиво и поэтично.

Характерны в этом плане многие произведения, вошедшие в поэтические сборники «Утренняя роса», «Ручей», «Мое Лето», стихи и поэмы «Осеннее небо», «Осенние голоса», повести «Тихая Волна», «Мир длиною в день» и др.

Творчество Хахова становится в последние годы все более жизненным, страстным, целенаправленным, оно светится яркими, только ему присущими красками, живыми образами, типичными характерами «героев» нового времени.

Книги Сафарби Хахова радуют читателя новизной, современностью, полезностью. Во многом поучителен сборник эссе под названием «Вокруг меня», где автор не поучает, с сожалением описывает различного рода «мелкие» явления, события и факты, умело, используя элементы сатиры, юмора, различные поэтические средства.

Тематика писателя обширна и разнообразна. Но автор остается верным себе в главном: он воспевает человека труда, подлинную дружбу, патриотизм и другие нравственные ценности.

Абдуллах БЕГИЕВ

Впервые за многие годы я реально познакомился с Сафарби Хаховым, когда переводил на балкарский язык его повесть «Незаконнорожденный». На мой взгляд, это одно из значительных явлений в национальной прозе, которое требует серьезного осмысления как литературоведами, так и широким читателем.

Первое – повесть написана талантливым человеком. В ней своя интонация, стиль, тема.

Второе – она отражает, художественно исследует современность, что в нашей литературе встречается редко.

Третье – в повести вылеплены подлинно национальные характеры, образы.

После прочтения данного произведения, и прочтения основательного, для меня лично приоткрылось и своеобразие его дара, и то, что обнадеживает, мучает, тревожит этого открытого человека.

Сам процесс работы над переводом был одновременно сложным и легким. Повесть захватывает, поглощает сразу. И сюжетом, и полнокровием, психологической тонкостью в изображении героев, и рядом острых этических и социальных проблем, заложенных в ней.

Сразу ощущается, что написана она поэтом, остро чувствующим

глубины человеческой психики, меты времени, возможности национального языка.

Сафарби Хахов многие годы работает литературным консультантом в Союзе писателей КБР и занимается проблемами творческой молодежи. Учит их понимать и ценить слово, приобщает к атмосфере творчества, и эта деятельность является важной составляющей его жизни.

Поскольку данная публикация приурочена к юбилею автора, воспользовавшись случаем (к большому сожалению, почему-то мы прибегаем к одобрительным словам и оценкам друг друга в связи с датами), я хочу выразить Сафарби Хахову благодарность за его умение слышать другого, за честность и ясность позиций, и конечно, за талант. Пожелать ему многих лет, книг, благодарных читателей. Силы на поддерживающий юмор и иронию, которые свойственны ему и которые отогревают его друзей и близких. Здоровья тебе, понимания и всяческих благ, дорогой друг!

Саладин ЖИЛТЕЖЕВ

Сафарби Хахов – поэт от природы, истинно кабардинский поэт. Его поэзия не только всегда приятна уху кабардинца, она звучит, как трель соловья, неугомонно и напористо, подкупая тебя своей мелодичностью, льющей, как горный родник.

Как просто все гениальное, так и доступна и понятна поэзия Сафарби каждому, кто только возьмет в руки любой из его поэтических сборников. Строки С. Хахова нередко перекликаются с устным поэтическим творчеством нашего народа – они порою похожи не скороговорки, пословицы, поговорки или же напоминают фразеологические выражения, которые, единожды произнесенные, запоминаются тут же наизусть и часто просекаются на кончик языка, как любимая песенка, невольно напеваемая нами про себя. Порою кажется, что этими красивыми мелодичными строками автор хочет отобразить какие-то легковесные темы и не очень серьезные мысли, но это далеко не так: они часто претендуют на глубокие и оригинальные идеи, даже на драму.

Борис ГАУНОВ

Писатель-новатор

Меня удивляют многие стихи Сафарби Хахова. Они чисты, свежи, немногословны. Каждая его новая поэтическая книга для меня хороший подарок. Но мне больше нравятся его рассказы и повести. Они под стать той почве, тому времени, в котором выросли.

Да, настоящее художественное произведение возникает из любви ко всему сущему, из испытанного, словом, из пережитого. Судьба не баловала Сафарби Хахова праздной и веселой жизнью. Вот это трудное, тяжелейшее время в его судьбе показано писателем как истинным художником слова.

Военная тематика его стала для меня страданием и восторгом моей души, потому что жизнь в холоде, жизнь в голоде, жизнь в лохмотьях, которую он описывает, мне знакома не понаслышке. Коротенькие его рассказы (на полторы-три страницы) я считаю маленькими шедеврами. В одном из них я вижу мальчика, осиротевшего мальчика, ждущего своего отца, которого он никогда не видел...

Без глубокого душевного волнения невозможно читать эти рассказы. Как настоящий мастер слова показывает Сафарби Хахов психологию детей погибших. Они временами молчаливы, с глубокой грустью на лицах и со слезами на глазах. Они безответны, когда их унижают и оскорбляют. Да, нарушена их психика. Они жертвы войны и социального гнета. Война кончилась! Будь она проклята! Но война продолжается и в мирное время для детей погибших... Сила воздействия произведений Сафарби Хахова на читателя велика, ибо его слово есть слово истинного художника. Такие произведения, в которых чувствуется запах пороха, будут жить долго и служить формированию у подрастающего поколения патриотического чувства. В них – надежда детей на лучшее будущее.

Приятно отметить, что у Сафарби нет стереотипных, банальных произведений. Вся его проза характеризуется и очень интересной разработкой фабулы, и острыми, неожиданными сюжетами. Сафарби Хахов – писатель-новатор, язык его богат, прост и доступен каждому читателю. От души я желаю ему новых успехов в творческих исканиях.

Ахмед МИЗОВ

Без усталы

Всегда восхищаюсь людьми, преданными своему делу, работающими без усталы. Теми, кто живут не праздно. К таким я отношу своего друга Сафарби. Он работает много и плодотворно. Особенно в последние годы. Знаю, у него нет выходных. Он единственный из кабардинских писателей, кто серьезно занимается молодыми дарованиями. Как говорится, честь и хвала ему за это!

Творчество Хахова – тема для отдельного разговора, на которое, к сожалению, критика не обратила должного внимания. Но один момент, характерный для его прозы, хотелось бы отметить особо. Перед героями его произведений встают вопросы философского характера, вызывающие вечный спор: для чего человек рождается? Как ему прожить в этом бренном мире тот отрезок, краткий миг, называемый жизнью?..

У Хахова есть такие строки: «В маленьком сердце, величиной с кулак, происходит больше событий, чем во всем мире». Лучше не скажешь. Удары судьбы в первую очередь принимает на себя сердце. И еще он добавляет: «С черными волосами и со светлым сердцем я пришел в этот мир, но ухожу с почерневшим сердцем и с поседевшей головой».

...Многие лета тебе, дорогой друг!

Сафарби ХАХОВ

ВЕЛГА

Глава из повести *

...На второй день я поехал к Борису. Взял после работы пару бутылок водки и отправился прямо к нему домой. Видно было, что он ждал меня: открыл дверь и просиял, тут же пригласил за стол.

Посидели. Довольно долго говорили о постороннем, перетекая из темы в тему, наконец, как бы невзначай, я сказал, что у меня есть кое-кто на примете. Он, конечно же, сразу понял, о чем речь. Еще бы не понять: моя «артподготовка» в ресторане сделала свое дело – мой друг явно усвоил идею супружества, и если раньше она была несколько отвлеченной, теперь для него принимала реальные очертания. Впрочем, поначалу я описал Велгу туманно, не называя имени, более того – в моем рассказе она предстала не столь красивой, как на самом деле, и гораздо старше возрастом.

– Словом, – подвел я итог, – женщина она хорошая, хозяйственная, то, что тебе нужно. Правда, я не знаю, как там у нее с личной жизнью, была ли замужем, дети... Да это и не важно, согласишься, – говорю, а сам смотрю на Бориса: как ему мой рассказ.

Он слушал, не перебивая, но в глазах уже отчетливо проступил отблеск затаенной надежды, мое участие, видимо, тоже было ему по душе. Я, во всяком случае, постарался придать этой незнакомой пока ему женщине качества, привлекательные для любого мужчины. Кажется, он клюнул. То ли будет, когда он своими глазами увидит Велгу! Влюбится, как мальчишка, и будет думать только о ней.

Однако спешить с таким делом я не стал. Нужно было все обдумать, заранее предусмотреть все возможные недоразумения, сгладить все острые углы, а лучше и вовсе от них избавиться. Мы договорились встретиться у меня на работе, чтобы потом вместе пойти на «смотрины». Как это устроить с наименьшим неудобством для всех сторон, я не знал. Главное, никоим образом не навести на мысль о моей длительной связи с Велгой, заставить поверить, что мной руководит исключительно забота о нем, моем добром приятеле. Как раз накануне его прихода, опережая минут на пять, пришла мысль, и я решил, что не стоит сразу же знакомить Бориса с Велгой, пусть пока ее неясный образ таким и остается, от этого она станет еще желаннее. Борису же сказал, встретив и усадив на редакционный диванчик:

– Извини, но, кажется, с этим делом ничего не получится...

Он как-то сразу потускнел.

– ...понимаешь, – продолжал я, – оказалось, что это не тот человек, который тебе нужен. Нет, с ней все в порядке, все при ней. Но она ищет простачка, которому можно сесть на шею и погонять. С такой ты не будешь

* Окончание (см. № 1, 2008).

счастлив. Тебе нужна жена, которая будет любить, уважать, заботиться... А без этого какая семья?

Мой друг сидел на диване с таким несчастным видом, что мне стало немного не по себе из-за своих выдумок. Но делать нечего, в конце концов, я все это делал ради него, ради них...

Мы еще немного посидели в редакционном кабинете, благо, там уже никого из коллег не было, затем вышли на улицу. Борис по-прежнему подавленно молчал. Я говорил о делах обыденных, как бы отвлекая его от тяжелых раздумий, в какой-то момент внезапно остановился, как бы вспомнив что-то очень важное.

– Борис, – придержал его за рукав, – а ты знаешь, не все так плохо, как это ты себе вообразил. Есть у меня одна знакомая... правда, она намного моложе тебя... ей около двадцати пяти... Ну и что? Чем ты не мужчина! Это именно то, что надо! Ты не крути головой, послушай. В общем, я знаю, что она училась, получила диплом учителя, успела поработать в сельской школе, сейчас – сотрудница музея. Я ее знаю по делам редакционным, и достаточно давно. Она точно не замужем, и не была, а насчет... как бы это сказать... увлечений. У такой красавицы не может не быть поклонников. Может, кто-то и был, в смысле – близкий человек... Но у меня такой информации нет, врать не буду. Главное – узнать, есть ли у нее жених. Немедленно узнать! И я займусь этим, а ты... перезвони мне завтра.

– Во сколько? – В голосе моего друга появилась заинтересованность. Но, видимо, не желая еще раз испытать разочарования, он добавил: – Может, не стоит?

– Даже не сомневайся. Если уж за дело берусь я, а ты меня знаешь! Позвони завтра после обеда. К тому времени я узнаю все, что касается этой девушки. В крайнем случае я не постесняюсь спросить у нее самой: мы давно знакомы, можно сказать, друзья. Я несколько раз публиковал ее статьи... Представляешь, она неплохо пишет, умница! В общем, звони...

Кажется, дело пошло именно в том направлении, которое определил я. Что-то будет дальше? И чего я только не натерпелся с моей любовью. Ничего не поделаешь, бывает в жизни и такое. Со мной ладно, как-нибудь переживу. Лишь бы у бедняжки Велги все наладилось, чтобы жила спокойно, исправив ошибку. Чью ошибку – это тоже вопрос. В любом случае, я пытаюсь сделать так, чтобы хорошо было всем: и не слишком сообразительному, но доброму Борису, и ей, конечно же, заслуживающей более счастливой доли. А ведь они даже не видели друг друга. Не слишком ли самонадеянно я взялся за устроение их судеб. Кто знает, что у них в мыслях... Но если я хочу чего-то добиться, нужно, чтобы этого захотели и они.

Борис, как и условились, позвонил на следующий день после обеда. В голосе его явно звучало нетерпение. К этому моменту в кабинете оставался только один наш сотрудник, однако и он, забрав какие-то бумаги, очень скоро исчез за дверью, в его случае это всегда называлось – «по заданию редакции». Поэтому я говорил свободно, не оглядываясь по сторонам, и более определенно: в конце концов – пора бы им уже и встретиться.

– ...Я рад, что ты сегодня настроен так решительно – по голосу слышу. Теперь слушай сюда: девушку зовут Велга...

– Как ты сказал?

– Я сказал – Велга! Так вот, мы не дадим раскусить себя сразу. Встреча должна быть случайной, понимаешь? Как бы случайной. Что? Не волнуйся, об этом я уже позаботился. Она должна была подготовить набольшую статью и принести ее в редакцию к четырем часам. Завтра, Борис! Алло, ты хорошо слышишь? Да, теперь дальше. Я выйду ее встретить, и в это время – в четыре – совершенно случайно мимо будешь проходить ты! Понятно?

– Ну да, завтра в четыре – возле редакции.

– Тогда все. Не опаздывай, об остальном позабочусь я.

Этим же вечером я был у Велги. Она довольно прохладно выслушивала мои резоны в пользу затеянного дела. Но лучше моего понимала, что надо ломать привычный и опостылевший, как она сама не раз говорила, порядок вещей. Надо как-то устраивать жизнь, и кто, если не я, самый близкий ей человек, приму в этом участие. В конце концов, она сама не раз просила меня об этом. Не сказать, что Борис – самая лучшая партия, но выбирать не приходилось, тем более, что состояние, в котором она пребывала в последнее время – смесь тоски и отчаяния, – могло толкнуть ее на поступки, в которых потом пришлось бы горько раскаиваться. Слава богу, что до сих пор у нее хватило рассудительности, а у меня – терпения, чтобы решать нашу общую проблему хотя бы с внешним спокойствием.

– Значит, завтра в четыре твой Борис подойдет к редакции...

При слове «твой» она как-то нехорошо улыбнулась.

– ...не знаю, что означает эта улыбка, но у тебя есть возможность прийти в это же время и посмотреть. Оценить, так сказать, кандидатуру... Но учти: я ему ничего не говорил о тебе. У нас свои дела, у тебя – свои. Подойдешь, отдашь свои сочинения и уйдешь. Все должно быть естественно и – случайно.

– Я понимаю, милый, и ценю твою заботу, серьезно. Кто знает, может, ты действительно сумеешь устроить счастье всей моей жизни. Только почему у редакции? А если нас кто-нибудь увидит вместе? Ты понимаешь, кого я имею в виду.

Она имела в виду своего чертова родственника, который работал вместе со мной и давно сидел у меня в печенках со своими подозрениями и хамскими намеками.

– Да, ты права, это не самое лучшее для нас место... Что ж, тогда... знаешь тот переулочек, справа от входа. Вот там и жди. Нет, ты должна будешь идти по переулку в нашу сторону. Туда-то я и заверну с моим гостем.

Велга кивнула, а я подумал, что все это походит на какое-то нелепое кино, в котором мне отведена не самая привлекательная роль. При том, что я его режиссер, да и сценарий написан мной. Возможно, это показалось бы смешным, наблюдай я все из темноты зрительного зала. Но я был еще и персонажем. Думать же, как выгляжу со стороны, у меня просто не было времени. Все происходило как будто по взаимному уговору, однако меня

не покидало ощущение, что действие развивается помимо моей воли. Все смешалось в моей душе: и любовь к этой девушке, и устоявшиеся предрассудки, перешагнуть которые у меня просто не было сил, и желание помочь ей, – словом, если бы я не был так деятелен, события последнего времени могли бы выбить меня из колеи – депрессией и отсутствием интереса к чему бы то ни было.

Утром я долго брился, побрызгался одеколоном, подаренным Велгой, надел свой лучший костюм и – на работу, конечно, опоздал. Впрочем, это не было столь заметно, в отличие от моего настроения, – об этом высказался один из коллег: «Ты сегодня точно свататься идешь. Только веселья что-то не вижу». Я ответил в том же духе, изобразив на лице независимую улыбку, но весь день меня держало напряжение, возросшее к четырем часам до нервной дрожи. К счастью, этого – внутреннего – трепета никто не заметил, все занимались обычной редакционной рутинной... Меж тем, глянув на часы, я заторопился к выходу.

Борис помахал мне рукой, радостно улыбаясь...

– Пошли, пошли... Она идет по тому переулку, по времени уже должна подойти. Пстой немного на углу, пока я остановлю ее и заведу разговор, потом сворачивай и иди в нашу сторону. Не забудь: ты встретишь нас случайно...

Все шло по моему сценарию. И Велга успела вовремя, и Борис очень натурально изобразил радость и удивление от «неожиданной встречи».

– Кого я вижу! – в свою очередь, удивился и обрадовался я. – Борис! Какая встреча, какими судьбами?!

Оба они знали, что и удивление мое, и встреча – спланированы и разыграны. Но Борису не следовало знать, что Велга осведомлена и подготовлена к этой случайности... Как-то все запутанно и странно...

Как бы то ни было, я продолжал широко улыбаться.

– Знакомьтесь, – сказал после того, как они сдержанно кивнули друг другу, – это Велга... не замужем, между прочим... Это Борис, и – если уж я почему-то об этом заговорил, – тоже холостой. – Далее последовал мой деланный веселый смех и неловкая пауза... которую разрядила Велга:

– Вот, Жамал, как и обещала, – и она протянула мне исписанные бумажные листы.

– Да-да, конечно, – я положил бумаги в свою кожаную папку. – Не сомневаюсь, что, как и всегда, написано интересно. Следи за газетами – думаю, опубликуем в ближайшем же номере.

Велга довольно церемонно поблагодарила меня, мельком взглянула на Бориса, тут же потупила взор и попрощалась с обоими.

«Какая же она красивая, – думал я, глядя ей вслед. – Особенно сегодня. Такой я ее еще не видел. И новое платье очень ей к лицу. Может, в нем она и придет на свидание со мной? Придет, мы ведь должны встретиться сегодня вечером, и переодеться не будет. Как же повезло Борису... Интересно, что он думает?..»

– Ну, как тебе?

– Красавица, уаллаги, настоящая красавица! Но захочет ли она со мной... Ты уверен, что она польстится на такого старика?

Признаться, уверенности у меня не было. Да, Борис был видным мужчиной, природа его ничем не обделила. К тому – темный костюм, ладно сидевший на фигуре, которую никак не назовешь стариковской; белоснежный воротничок, галстук – явно из дорогого магазина и удачно подобран, – словом – готовый жених. Другое дело – как его восприняла Велга? Я опасался, что она передумает...

Вечером я подждал ее в нашей укрошной «беседке». Едва подошла, подхватил на руки, стал целовать... Потом, словно натолкнулся на препятствие, отпустил ее, сказал, протянув ладонь:

– Поздравляю!

– С чем? Ах, да, конечно... Знаешь, мне кажется, он немного староват...

– А я? – мне вдруг до боли в сердце захотелось, чтобы она ответила «нет» или что-нибудь в этом духе.

– Вы разные люди...

– Конечно, разные. Борис красивее, энергичнее, лучше...

Велга посмотрела на меня, улыбаясь, как это бывало раньше, когда мы встречались и парили над миром, не замечая никого вокруг...

– А я понравилась ему? Как ты думаешь? Он так пронзительно смотрел на меня...

– Понравилась – не то слово! Но он боится, что ты не захочешь, то есть не захочешь продолжить это знакомство, случайное, как все мы понимаем. – На этот раз я улыбался вполне искренне, устав уже от собственной игры, может – чуточку иронизируя в свой адрес. – Благословенный случай! Думаю, Борис будет просто счастлив. Да и тебе повезло: и муж, и дом, и честные трудовые накопления... – Я снова сжал ее в объятиях.

– Прекрати! Сейчас же перестань, – возмутилась Велга, между тем прижимаясь ко мне так, словно долго таила в себе страсть и только теперь дала ей волю...

Утро, как я и ожидал, началось с нетерпеливого звонка Бориса.

– Ну что там? Ты видел ее, разговаривал? Что она сказала? Получится у нас что-нибудь, нет?..

– Получится, Борис, не переживай, все получится. Да, я виделся с ней. И разговор, конечно, был. Прямо не сказала, ну да все женщины таковы – с их кокетством и самомнением. Думаю, что ты ей все-таки понравился.

– Нет, серьезно!

– Не сомневаюсь, вы поладите. И дальше – все в твоих руках. Встречайтесь, влюбляйтесь. Совет, как говорится, да любовь...

Борис какое-то время только сопел в трубку, усваивая услышанное, затем сказал:

– А телефон? Ты дашь мне ее номер?

– Пиши...

После того я быстро перезвонил Велге.

– Здравствуй. Как ты? Слышишь? Клынул. Боюсь, что я никогда не знал его таким счастливым. Только и говорит о твоей небесной красоте, заставляет восхищаться вместе, других разговоров, кроме как о тебе, и слышать не хочет...

Моя собеседница польщенно захихикала.

– ...только что звонил, попросил твой телефон. Жди звонка. И будь умницей.

Все рады, всем весело. И Велге, и Борису. Но я-то чего хохочу? Может, с ума уже свихнулся из-за этих переживаний? Или из-за того, что теряю любимую – единственную радость всей моей жизни, дарованную свыше? Я сам ее отдаю. Но как, как я буду без нее жить?! Думал ли я об этом, когда выступал в роли свата, если не сказать сводника? Нет. Я думал только о Велге. Я сделал невозможное, чтобы она была счастлива... Надеюсь, она будет счастлива. Как бы это ни выглядело со стороны, каким бы глупцом я ни казался, я должен был сделать это, ибо меня вело внутреннее чувство справедливости. Я мог бы продолжать наши отношения, пользоваться и ее красотой, и молодостью, и простодушием. Все мое существо желало этого, кричало, настаивало. Но надо же когда-то научиться и голос разума слышать. Тихий, спокойный голос, который внушал мне, что нельзя топтать жизнь девушки, полюбившей меня и желавшей остаться со мной несмотря ни на что. Все правильно, пусть строит свою жизнь и будет счастлива. Многие ли на моем месте поступили бы так? Я смог. И это не проявление слабости, это – мое понимание мужественности.

Вскоре они начали встречаться. Я стремительно отдалился в сторону, стал лишним. Впрочем, не совсем: время от времени звонил Борис, рассказывал о своих встречах, о достоинствах, которые он обнаруживал в своей возлюбленной, о разговорах... О чем только не пел мне мой восторженный приятель. Я терпеливо слушал, давал советы, когда он в них нуждался. Велга – то же самое: «Скажи, а как?.. а что?.. а каким образом?..» Звонили каждый сам по себе, но стремились к одному, а я... Оставался наставником, которому они верили и подчинялись.

Потом Велге показалось, что телефонных звонков маловато, и мы возобновили встречи в «беседке». Время, оставшееся от нашего личного общения, она использовала на разговоры о Борисе. Я был посвящен в каждый их шаг, знал каждое слово, произнесенное ими во время свиданий...

– Знаешь, когда вечером он проводил меня до дома, постоял немного, потом хотел поцеловать. Но я вырвалась и убежала.

– Правильно. Он не должен... Не дай себя поймать, это все погубит. Пускай за руку держит. Это ничего. Но не более! Не позволяй ни за что!

– ...Когда в кино он взял меня за руку, я ничего не сказала... Оказывается, дом его матери – по соседству с ними. Приглашал туда, чтобы познакомиться со своими, но я не согласилась...

– И правильно сделала. Домашние не должны вмешиваться. И еще: никогда не подавай виду, что ты в него влюблена...

Спустя какое-то время, ближе к концу рабочего дня, позвонил Борис и попросил: «Приезжай ко мне, посидим немного...» Сославшись на срочное дело, я отказался. Но мне хотелось знать, что он скажет о Велге, поэтому

я пригласил его в кафе, неподалеку, где в это время почти не бывает посетителей, и пообещал, что обязательно закончу работу к его приходу.

– Я хотел познакомиться ее со своими, – едва усевшись, сказал он, – но Велга не согласилась...

– Вот как? Да ты отдышись сначала, выпьем как полагается. Куда-нибудь спешим?..

После первой рюмки он продолжил прерванный разговор:

– Я не знаю, что она подумала, но, по-моему, поступила правильно. Ничем не объяснила свой отказ, но она права. Никогда не встречал такую умную женщину...

Я промолчал. Мы пили, закусывали чем-то подгорелым, снова пили. Я слушал его излияния, и неприятное чувство разливалось во мне. Да разве может быть так, чтобы моя Велга не пленила сердце любого! Моя Кармен, она сделает безумным самого бессердечного мужчину. Нет такого мужчины, который, хоть раз увидев ее улыбку, не захотел бы увидеть ее вновь. И она уходит от меня. К нему. Я посмотрел на Бориса. Вот уж кому повезло... От выпитого в сознание поднялась всякая муть, мысли, которые я старательно гнал от себя, и Велга показалась мне еще дороже, еще желанней. Меня разбирала злость: почему мой приятель не хлопает в ладоши, не пляшет от радости, не кричит, смотрите на меня, люди, нет на свете человека счастливее меня! Я снова посмотрел на него, снова налил в рюмки, затем совершенно серьезно сказал:

– Борис, сейчас же вставай и танцуй! Вставай и ори, пой песни, что угодно! Ты понимаешь, о чем я говорю? Вставай и танцуй, если хочешь получить Велгу!

Борис с недоумением уставился на меня. Затем стал оглядывать кафе, пропахшее кухней, которому больше подходило название «забегаловка». За соседним столиком тихо беседовала пожилая чета. Чуть дальше сморщенная старушка, облизывая ложку, ела из алюминиевой тарелки что-то непонятное, совершенно отвратительное на вид. На посетителей с презрением поглядывала пухлая кассирша, иногда переводя взгляд на карманное зеркальце, в этот момент ее губы сворачивались в трубку, свободная рука поднималась, чтобы поправить обесцвеченную прядь волос, выбившуюся из-под белого колпака.

– Ты знаешь, – снова начал я шепотом, – какое счастье тебе привалило? – По мере того, как я говорил, голос мой повышался, пока не сорвался в крик: – Дебил! Встань и пляши!

Кассирша приподнялась на своем насесте за кассовым аппаратом и выпучила нарисованные глаза. Пожилая чета смолкла. Старушка вообще решила убраться от греха подальше, с сожалением оставив на тарелке недоеденный кусок. Вдруг вся эта картина качнулась и мягко поплыла в сторону... Что было дальше – не помню.

Утром жена молча приготовила завтрак. Никаких высказываний, ни плохих, ни хороших – и когда я одевался, и когда выходил. Тут что-то не то, понял я, и ощущение вины усилило обычное в таких случаях недоумение. По дороге я вспоминал все подробности вчерашнего вечера... какие-то нестыковки. Встретился с Борисом, взяли две бутылки водки,

сели в кафешке, сидели... Что же было потом?.. Я попробовал сосредоточиться на работе. Разложил на столе бумаги... сдвинул их в сторону и снова задумался, остановив взгляд на своем «профкомовском» сейфе. Хорошо было бы вдруг обнаружить в нем бутылочку холодного пива, только кто бы ее туда поставил... Мысли путались, хождения и разговоры коллег раздражали... «Жамал, это тебя!» Я взял трубку...

– Как дела, герой!

– Кто это?

– Как кто? Не очухался еще. Борис это. Не помнишь, вчера...

– Почему не помню, все прекрасно помню... – неуверенно начал я.

Он меня перебил:

– Тогда объясни, как понимать твоё вчерашнее поведение? Твои слова? Выходит, ты самый умный, а мы так, куклы на веревочках...

– Почему, уаллахи, нет, извини, если что-то не так... Я перебрал немного...

– Есть много способов пить. Но дело не в этом. Просто ты меня сильно удивил, если не сказать больше...

«Чем же я все-таки задел моего обычно тихого и доброжелательного приятеля? – думал я в унынии, уже повесив трубку. – Может, сболтнул что-нибудь о наших отношениях с Велгой? Это плохо. Вот идиот...»

Через некоторое время – снова звонок. Теперь на меня набросилась Велга:

– Ты что за кино вчера устроил?!

Я огляделся по сторонам, промямлил едва слышно:

– Вечером поговорим...

Слышу – грохот брошенной трубки. Она тоже чем-то рассержена. Все умные, все такие умные. Куда мне до них, они никогда не пьянеют, не ошибаются. Всегда помнят, что делают, что говорят...

Вечером встретил ее у нашей достопамятной беседки. Она появилась внезапно, уклонила от моих обычных объятий, отошла чуть в сторону и только тогда повернулась ко мне. Я подумал, что сейчас она похожа на кобру, распустившую воротник и готовую к броску.

– Разве обязательно было позорить меня?!

– О каком позоре ты говоришь? Милая, да что с тобой.

– Ах, оставь, пожалуйста, свои руки при себе! Я так и знала, что напьешься и будешь болтать всякую чушь. Что ты наговорил вчера Борису?

– Да ничего такого...

Ее напор вдруг истощился, она оглядела меня беспомощным взглядом и – заплакала, тихо, закрывая лицо руками.

У меня отлегло от души. Если спрашивает, о чем говорил, значит – не знает. Значит, ничего такого и в самом деле не было, в противном случае Борис тут же бы ей все и пересказал.

Она снова заговорила, теперь совсем другим тоном:

– Одного я не могу понять: почему ты позволяешь себе напиваться до такого состояния. Если бы не Борис, сидеть бы тебе сейчас в кузукке. Зачем ты орал на милиционеров? Говорят, таких крикунов, как ты, там быстро учат вежливости. Посинел бы от такого урока, как слива.

– Кто это тебе сказал?

– Все говорят. Отдубасили бы разок, может, и поумнел бы.

– Ты этому веришь?

– Чему? Что поумнел бы? Нет, в это мне как-то не верится...

Я попытался обхватить ее за талию, она выскользнула. Отбежала на несколько шагов и, гримасничая, залилась смехом.

– Слава Богу! Солнце взошло опять! А я уже и не надеялся разогнать черные тучи над моей головой. Иди сюда, радость моя, иди же...

Она покачала головой, лицо ее словно окаменело. Странная, если хочет сказать что-то серьезное, обязательно скроит несуразную, но соответствующую, по ее понятиям, мину. Обязательно. Иначе не поверят. Суть не в словах, а в выражении лица.

– Ну что, что ты собралась сказать? Чем еще хочешь уязвить. Или решила погонять, как мячик?

– Жамал, не шути. Довольно мы играли друг другом. Так нельзя. Нельзя нам так больше жить. Я и раньше говорила это. Но сейчас иного выхода нет. Ты, как никто другой, знаешь меня, должен понять. Не могу я больше встречаться с тобой. Это нечестно по отношению к Борису, человеку, который мне полностью доверился. Когда я была с тобой, других мужчин просто не замечала. Сейчас, с ним, – то же самое. Я не хочу, чтобы ты обижался, не хочу ссориться. Я виновата столько же, сколько и ты. На обоих поровну. Будь здоров!

Она повернулась и пошла. Все более удаляясь, а я думал, что так и должно быть. Не может эта чистая душа быть подлой, встречаться с двумя мужчинами одновременно. Я не окликнул ее, не пошел вслед. Все по справедливости. Лето кончилось, начиналась затяжная слякотная осень.

С той встречи прошел год. Какую бы погоду ни приносило время, жизнь моя была одинаково пасмурной. Я существовал отдельно от Велги. Бывало, сталкивались на улице, – теперь уж действительно случайно, – кивали друг другу, как чужие, и шли каждый в свою сторону. Я знал, что она еще не замужем.

Борис заходил и звонил все реже, а однажды просто пропал из виду. Наверное, тот случай в кафе забыть не смог. Что ж, у них своя жизнь, свои радости и заботы. Я им больше не нужен. Нужны ли мне они? Она? Все получилось так, как я и хотел. Как мы оба хотели. Почему же никак не успокоится мое сердце? Оно питало надежду, что Велга по-прежнему любит меня, и однажды... Нет, охлаждал меня рассудок, она не такая...

Дни и ночи тянулись как годы. Я утешался тем, что вспоминал время, проведенное с ней, каждую встречу, каждый жест, движение губ, когда она хочет сказать что-то серьезное, ее по-детски залихватистый смех. Утешение слабое. Прокрутив в голове насыщенную цветом ленту, я впадал в еще большее уныние. Иногда представлял их вместе. Вместе. Это слово имело рваные края, как у снарядного осколка, оно пробивало сердце навывлет, оставляя в нем зияющую пустоту. Велга обнимает Бориса, целует, как когда-то меня... Она помнит слова, которые когда-то с нежностью гово-

рила мне? Она говорит их ему? Думает обо мне, когда – с ним? Я сходил с ума, иногда порывался устроить за ними слежку. Где они встречаются? На нашем старом месте?

Пришел однажды, кляня себя, и туда. Деревья качались от ветра, под ногами – плотный снег, на котором прыгала растрепанная ворона, кося в мою сторону настороженным глазом. Кроны темнели уродливыми силуэтами на белом фоне, я был виден сквозь них всей округе. Нет больше нашей кизиловой беседки. Исчезла вслед за нашей любовью. Редкий прохожий проскрипит, торопясь по тропинке, и – никого.

Я стал ходить туда каждый день. Постою немного, – даже вороны уже не обращали на меня внимания: привыкли, – и уйду, уношу свою тоску. Почему не удастся заставить себя забыть? Ее, его, все, что с ними связано. Откуда эта тревога в душе?..

Как-то позвонил Борис. Я как раз собирался проведать ворон, там, на развалинах нашей любви.

– Ты не занят? Я внизу, у входа...

– Поднимайся...

Хоть один объявился. Интересно, зачем? Уж точно – не за советом. А-а, должно быть, на свадьбу пришел пригласить старого друга. Дай Бог выдержки, терпения, чтобы не выплеснуть то, что накопилось в душе.

– Салам алейкум!

– Алейкум салам! Давненько тебя не видел. Наверное, все еще обижаешься за тот случай в кафе?

– Нет. Ничего обидного ты не говорил. Просто был пьян. Забудь, с кем не бывает...

– В чем же тогда дело?

Он молчал, очевидно, собираясь с мыслями, а я смотрел на руку, которую вчера держала Велга... она смотрела в эти глаза, целовала эти губы... что-то темное поднялось в душе, и я поспешил отвести взгляд. Между тем он все-таки подыскал слова, тюфяк, чтобы сказать:

– Ничего у меня с Велгой не получается.

От неожиданности я чуть не расплылся в широкой улыбке. Вот такие пироги! Изо всех сил удерживая рвущуюся из груди радость, спросил:

– Как... Почему не получается? А я был уверен, что у вас все прекрасно.

– Знаешь, до сих пор все шло нормально. Встречались, гуляли. Все как положено. Но я не понимаю... С ней что-то происходит. Начинаю спрашивать – плачет. А вчера, когда мы прощались, она убежала, крикнув: «Не приходи больше...» Я не могу так, понимаешь, не могу.

– Она просто обиделась, какой-нибудь пустяк. С женщинами такое бывает...

– Нет, все кончено. Я был сегодня у нее на работе. Ничего не получилось. Извини, что говорю это тебе, я просто хотел поделиться... Я полюбил ее...

Что я мог ему сказать? Однако на следующий день позвонил Велге. Без долгих объяснений сказал, что буду ждать вечером на старом месте.

Пришла, повесив голову.

– Здравствуй.

Я подошел, взял ее холодную ладонь.

– Ну что там у вас такое случилось? Вчера он чуть ли не плакал...

Велга подняла взгляд. Внезапно бросилась ко мне, крепко обняла, прижалась всем телом.

– Жамал, милый мой! Не нужен нам этот спектакль! Я знаю, что ты думаешь только обо мне, в моих мыслях тоже – только ты. Я не знала своих сил... Или бессилия, если угодно. Мне казалось, что смогу все забыть, получается же это у других. Я даже обрадовалась Борису. Думала, буду жить с ним, пусть без любви, но уважая, заботясь... Он хороший человек. Но я не смогу. Единственное, что я поняла в общении с ним: никого кроме тебя не люблю! И обманывать его я не могу. Пускай пропадает только один из нас... Ты не представляешь, чего я натерпелась за то время, пока не видела тебя. Ты не знаешь, сколько раз я приходила на наше место и убегала, когда чувствовала на себе посторонний взгляд. Наш город – одно сплошное напоминание о тебе. Я стояла у твоего дома, ходила мимо редакции, но я не хотела, чтобы ты это заметил. Мне хотелось плакать, но я смеялась и делала вид, что у меня замечательные отношения с Борисом. Я искренне хотела полюбить его, но чем думала о старалась, тем чаще думала о тебе...

– Велга, милая! Моя Кармен, райская моя птичка! Ты ошибаешься, если думаешь, что мне было хоть чуточку легче. Но я не смогу бросить семью... У нас не должно быть иллюзий...

– Я знаю, – порывисто, почти выкрикнула она, – знаю и ни на что такое не рассчитываю. Я сама не позволю, чтобы ты бросил ее. Не желаю другим испытать то, что испытала я. Все будет так, как прежде. Большего мне не надо...

Я впервые увидел закат над морем.

Мне приходилось видеть, как солнце заходит за горы. Потом, когда переехал в город, видел, как – отработав свой день – солнце прячется за высокие дома. И вот теперь оно медленно погружалось в воду, прокладывая на ней зыбкую золотую дорожку, по которой можно было подняться к небесам, где скоро заблещут звезды. Мы стояли с Жамалом у полосы прибой, смотрели на переливы золотых бликов...

– Вот такая, – завершил он свой рассказ, – у нас с Велгой любовь.

– Сильная любовь. А ты говоришь, что настоящей любви не бывает.

– Я говорю, что она – настоящее чудо, а чудеса в нашей жизни настолько редки...

– Ну и что же дальше? Какое будущее ждет вашу любовь?

– Этого я не знаю. Я просто не могу жить без Велги. А решит все любовь.

Юрмала, 1986
Перевел Л. Местич

К 70-летию Салиха Гуртуева

Салих Султанбекович Гуртуев родился 28 мая 1938 года в сел. Белая Речка, КБР, – балкарский поэт. В марте 1944 г. Салих – сын погибшего на фронте защитника Отечества, как и весь балкарский народ, был депортирован в Среднюю Азию. В 1956 г. он закончил среднюю школу в сел. Ленин-Джал Ленинского района Джалал-Абадской области Киргизской ССР.

После реабилитации балкарцев в 1957 г. Гуртуев вернулся на родину. В 1963 г. окончил историко-филологический факультет КБГУ. В 1965–1968 гг. Гуртуев – редактор Советской районной газеты. С 1970 г. работает в редакции газеты «Коммунизмге жол». В 80-е гг. Салих Султанбекович возглавлял Комитет КБР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, являлся членом правительства республики. Гуртуев – член Союза писателей СССР (1968), заслуженный работник культуры КБАССР (1988).

Литературной деятельностью Салих начал заниматься с 1953 г. Печатался в центральной и местной печати. Первая книга его стихов «Эртден» (Утро) вышла в 1961 г.

Поэтическая судьба Салиха Султанбековича сложилась удачно. За много лет плодотворной литературной деятельности им издано большое количество книг на балкарском и русском языках. Среди них: «Эртден» (Утро, 1961), «Синий ливень» (1967), «Ныхытла» (Кручи, 1970), «Кюн орта» (Полдень, 1974), «Терт алма терек» (Четыре яблони 1978), «Песня птицы» (1990) и др.

Первая книга Гуртуева на русском языке «Грызет мой конь удила» вышла в 1972 г. в издательстве «Советский писатель» в Москве.

Опираясь на опыт своих предшественников, Салих с самого начала своего творчества стремился найти свой путь в литературе: «Тебе вослед веду коня / Хотя иду / Своим путем» – пишет он в стихотворении, посвященном Кязиму Мечиеву.

Молодого поэта поддерживал и напутствовал в творчестве Кайсын Кулиев. В 1966 г. он писал о нем: «Судя по стихам С. Гуртуева, по их свежей и яркой образности, значительности содержания, верности лучшим традициям родной и русской поэзии, можно смело верить в его будущность».

В начале творческого пути Салиха Султанбековича, когда взгляд поэта на жизнь еще не был отягощен сомнениями и разочарованиями, когда у него все еще было впереди, его поэзия отражала мироощущение на уровне чувствований и описания впечатлений. Но с приобретением зрелости появляются тревожные раздумья, с годами в его поэзии нарастает драматизм от столкновения человеческих судеб, от событий в историческом развитии страны.

Мужественные слова находит поэт, говоря о судьбе своего народа. О его трагической депортации, когда «был горек час прощания и скор с родной землей перед дорогой дальней», он пишет сам, познавший это горе: «На мой народ обрушилась беда / Тот год, как черный призрак, навсегда / Навеки в нашей памяти застыл / Забыть его ни права нет, ни сил». Его стихи о трагедии балкарского народа преисполнены не только горечи и боли, но и гордости за свой народ: «Я славлю народ мой, / Не сдавшийся бедам...» («Камни»).

В стихах Гуртуева чувствуются энергия, порывистость, твердый характер поэта. Он имеет свой самостоятельный взгляд на события. Сквозь внешне спокойную форму повествования в стихах Салиха Султанбековича ощущается обостренное чувство тревоги не только за судьбы родины, народа, но каждого отдельного человека, стремление отразить конкретные человеческие чувства. Для него поэзия – это «дитя любви, добра и света». Ненависть ко лжи, стремление к глубокому постижению сути вещей, к воссозданию всего, чем богата жизнь, составляют суть поэзии Гуртуева. Поэт проявляет интерес ко всему происходящему на земле, он готов поделиться с людьми открывшейся ему красотой и правдой жизни.

Стихи Гуртуева отличаются многообразием поднимаемых поэтом нравственных проблем, они разнообразны по тематике.

Много теплых слов отнесено поэтом мастерам поэзии, своим великим соотечественникам. В стихотворении «Горень», посвященном Алиму Кешокову, отдавая должное кабардинскому поэту, Салих Султанбекович пишет: «Вперед ты скачешь, / И всегда готов / Сгореть, / Сердца людские согревая».

Он нашел точный, емкий образ, характеризуя необыкновенную щедрость души, значительность личности и творчества Кайсына Кулиева: «Вся доброта земли – / Твое наследство» («Салам алейкум»).

Гуртуев влюблен в свою землю. Он пишет о величии гор, о негасимом свете ярких звезд в небе Балкарии. Природа ее приковывает внимание поэта, будто впервые открывая ему свою величественную красоту. Тема родины – лейтмотив его творчества.

Салих не только владеет традиционными формами стиха, но и расширяет образную структуру, арсенал поэтических форм стихосложения: «Я – земля, / На мне моря и горы / Реки, травы, рощи и леса. / Я держу их в радости и в горе, / Все их краски, все их голоса» («Я – земля...»). Так образно, и в то же время глубоко осмысливая свое восприятие действительности, пишет Гуртуев о родной земле.

Хотя Салих Султанбекович сам не был участником войны, он посвятил военной тематике много взволнованных строк. Это его стихи «Погибли на войне», «До, во время, после войны», поэма «Хмурое утро» и др. А в стихотворении «Ребенок греется у Вечного огня», ему удается добиться трагической точности образа: «Ребенок греется у Вечного огня, / У сердца неизвестного солдата».

Он много пишет о поэтах и поэзии. В этом плане интересна его книга литературных статей и очерков «Свет звезд». В сборник вошли литературно-критические очерки и статьи о жизни и творчестве таких

известных поэтов и писателей, как Юлиан Тувим, Иоганнес Бехер, Константин Симонов, Чингиз Айтматов, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Мустай Карим и др.

Сказал свое слово Салих Гуртуев и в области поэтического перевода. Он перевел на родной язык стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, К. Хетагурова, С. Есенина, М. Джалиля, А. Кешокова, М. Карима, Р. Гамзатова и др. Им осуществлен перевод на балкарский язык поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Этот перевод высоко оценил Кайсын Кулиев, считая, что Гуртуев «взял на себя большую ответственность, решив переводить Руставели, но ...трудная задача решена им успешно». За эту работу поэт награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР. Он создал антологию кабардинской поэзии на балкарском языке в своем переводе.

«Я был очень рад, что мой молодой сородич, мой племянник Салих Гуртуев закончил перевод на мой родной балкарский язык великой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Я ее прочитал основательно в Дубултах, куда я забрал этот перевод в рукописи. При всей моей пристрастности, я смог сделать только одну поправку. Об этом я уже сказал Салиху. Перевод замечательный. Это не только культурное событие для моего народа, это еще и показатель высокого уровня развития моей литературы, нашего балкарского языка. Я благодарен моему младшему собрату за это».

Кайсын Кулиев
(из передачи ТВ
«Самое знаменательное событие 1981 г.»)

Дорогой Салих!

Ваше письмо и стихи, посвященные нашей дружбе, доставили мне большое удовольствие.

Вы совершили подвиг – перевели на родной язык бессмертную поэму Руставели.

Мы знаем от незабвенного Кайсына и от других тоже, что Ваш перевод один из лучших среди всех переводов поэмы Руставели на разные языки.

Мы в долгу перед Вами, так как такой перевод заслуживает всяческих похвал и поощрений.

То, что Вы пишете стихи о Грузии и переводите современных поэтов Грузии, это еще больше наполняет наши сердца чувством благодарности и особого уважения к Вам.

У нас готовится Ваш сборник в переводе на грузинский язык. Когда будете у нас? Надеюсь, Ваше новое посещение Грузии и моего дома еще больше укрепят нашу дружбу.

Прошу писать мне, когда найдете время, о Ваших делах, об успехах балкарской литературы.

Ламара шлет искреннюю благодарность и лучшие пожелания Вам и Вашей семье.

Дружески обнимаю,

*Ваш Григол Абашидзе
1986, июль*

Здравствуйте, дорогой Салих Султанбекович!

Как живете, что нового у вас? Мы, я, и Вахтанг, и Мзия сдали часть Вашей книги в коллегую. Просим прислать нам Вашу книгу – сборник стихов на балкарском языке. Жду Вашу книгу и новые подстрочники. Пожалуйста, пришлите побыстрее. Очень нужно. Сообщите, когда приедете.

С уважением –

*Маквала Гонашвили
27.10.86*

Милый Салих, мир твой кажется мне довольно сложным, не элементарным, так я и стараюсь переводить. Это поэзия, по-моему, не облегченная.

Ю. Ряшенцев

Дорогой Салих!

Должен сказать Вам, что над переводами я работал с большим удовлетворением, – стихи Ваши пронизаны искренним и глубоким чувством.

Получил газеты с опубликованным венком. Спасибо и Вам, и редакции!

Будем двигаться дальше. В журнале «Дон» сонеты тоже получены, Долинский обещал известить меня и Вас, как и когда сможет напечатать.

Я потихоньку (не потому, что ленив, а потому, что замотан делами) перевожу и другие Ваши вещи. Переведу – пришлю. Летом, вероятно, снова буду в Нальчике, там поговорим и о дальнейших планах.

Сердечно приветствую Вас и желаю всех благ!

*Ваш Шерешевский
Москва, 10 апреля 1984 года*

P.S. Галя сердечно благодарит Вас за поздравление!

Дорогой Салих Султанбекович!

Увы, лето прошло, но, к сожалению, так и не получил Вашего (в подстрочнике) сборника. Виталий Коротич очень доброжелательно отнесся к моей идее – издать сборник Ваших стихов на украинском языке.

Но, думаю, сие даже не единственное решение: издать может и «Днипро», и издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь» (в прошлом году издали азербайджанского поэта Джабира Новруза; и хотя, «двигателем» или «движителем» книги был Борис Олейник, но перспектива сотворческого перевода с В. Коротичем вполне реальна). Дело за Вами.

Жду Вашего письма и книгу подстрочников.

Искренне Ваш

Дмитро Кремень
г. Николаев, 03.12.84

Поэзия Салиха Гуртуева постоянно нацелена на злободневные проблемы современности, в ней сочетаются острая публицистичность и художественное обобщение. Синхронность и одновременность творческих действий не приводит этого поэта к однотипности, вторичности в создании художественных образов. Наоборот, этими действиями обеспечивается динамичное развитие поэзии, ее единство в существенных чертах, а именно – в обращенности к современности.

Среди успехов в литературной деятельности Салиха Гуртуева есть еще один, о котором мы должны говорить с особым достоинством. Я имею в виду перевод на балкарский язык великой грузинской поэмы «Витязь в тигровой шкуре», осуществленный им. Без преувеличения можно сказать, что Салих Гуртуев совершил творческий подвиг, заставив заговорить Шота Руставели на родном балкарском языке. Обращение Салиха Гуртуева к этой всемирно известной поэме, которая, кажется, уже переведена на все языки мира, не может объясняться одним лишь дерзким порывом поэта, взявшегося за титанический труд. Дело обстоит иначе, и оно, дело это, заключается в радостной для нас закономерности нашего культурного развития. Потребность иметь на своем родном языке инациональный художественный шедевр возникает только тогда, когда народ твой созрел для постижения такого шедевра, культурный уровень которого располагает к этому. Определенно можно сказать, что издание этого перевода возвысит наше достоинство среди развитых культур.

Алим Тенгеев
(из содоклада по поэзии на VIII съезде писателей КБАССР)

Обращение Президента Республики Калмыкия – Хальмг Тангч Кирсана Илюмжинова к балкарскому народу

В этот траурный день памяти разделяю со всем балкарским народом его скорбь.

Пятьдесят лет назад на каждый из репрессированных народов ставили одно клеймо – врагов и предателей. К счастью, история беспристрастна, она все расставляет по местам. Хотя, конечно, боль и горечь утрат от этого не становится меньше, а память – милосерднее. Как будто кале-

ным железом выжжены в ней и черекская бойня, и страшные эшелоны, и унижения, и рабский труд, и бессмысленные жертвы.

Очень точно об этом сказал балкарский поэт Салих Гуртуев:

Мы были виноваты без вины,
И с женщинами плакала природа.
С тех пор восьмой веселый день весны
Болит в сердцах у целого народа.

Ваша книга «Уроки добра» (Москва, изд-во «Современник», 1987 г. – *Ред.*) – удивительно добросердечная, светлая лира. Вот отповедь тем, кто злопыхает на нашу, якобы, тощую советскую поэзию.

Всего Вам доброго.

С уважением –

Аркадий Плотников

*Московская область, Щелковский район,
г. Лосино-Петровский, ул. Ленина, 2, кв. 103
19.08.87*

Салих!

Лучший подарок к новому году – стихи. Посылаю их тебе. Будет еще портрет. Обнимаю крепко.

*Твой Вадим (Рахманов)
Журнал «Дружба народов»*

Органный романс

Салиху Гуртуеву

Расцветайте лазоревым дымом,
Повидавшие горе глаза.
Прикоснись голубая лоза
Да к моим синеватым сединам.
Обнадежь одинокость мою,
Приласкай мои руки и губы.
Под органа таежные трубы
Я про море тебе пропою.
Ты услышишь, я в этом уверен,
Ведь исправна душевная связь:
Ничего, что в морях я затерян,
А тебя занесло на Кавказ.

*Сергей Баруздин, Теракопян, Руденко, Рахманов
28.12. 1982*

Здравствуй, дорогой Салих!

Шлю газету со стихами о твоей земле, о выселении балкарцев. Одно стихотворение о тебе, помнишь, ты рассказывал о деде, а я взял твоё имя....

Донской поклон всем моим друзьям в Кабардино-Балкарии.
Всех благ и здоровья!

*Виктор Петров,
главн. редактор журнала «Дон».
Июнь 1988 г.*

Виктор ПЕТРОВ

Горский сюжет

Салиху Гуртуеву

Нет Чегема без Салиха,
И Салиха без Чегема нет:
Умыкал красавиц лихо,
Не страшился кровной мести,
Выводил на промысел коня.
Чтобы двое были вместе,
Хоть и против этого родня.
Промысел его опасен –
Пулю так и жди из-за угла.
Промысел его прекрасен –
Чье-то счастье поперек седла.
Не было б легенды горской,
И Кавказом не был бы Кавказ,
Если б в ночь с абреков горсткой
Девушку не выкрал как-то раз.
Вслед погоня – в кои веки! –
И уже почти настигла их.
Дрогнули тогда абреки:
«Лучше бросить девушку, Салих!»
Но в ответ: «Ее не брошу –

Опозорим, дешево цена...»
И напуганную ношу
Осторожно снял Салих с коня.
Так при ней и стал добычей
Для кинжального кольца зарниц.
Кровь пролить велит обычай,
И лихой Салих повержен ниц.
Но горянка не сдержалась:
«Он ведь сдался, честь мою храня,
Братья поимейте жалость,
Кровью опозорите меня!...»
Напоследок лишь зарница,
Чтобы знал, прожгла ему ладонь.
Сгнули во мраке лица –
Вновь под ним летучий конь.
Прискакал домой к рассвету,
Ахнул в изумлении аул:
Вновь Салих горянку эту,
Пусть и раненый, умыкнул.

1988, апрель

*Евгений ЛЕБКОВ,
поэт (Сахалин)*

Стихия

Салиху Гуртуеву

Ну что же, что землетрясенье,
И что проснулся вдруг вулкан,

Всему нужно раскрепощенье –
И мыслям и материкам.

Глаза мои нашли свободу,
 Куда ни глянь – везде простор.
 То – море прыгнет к небосводу,
 То – столб огня из чрева гор.
 Я не стыжусь сказать открыто,
 Что там, во мгле моей души,
 Такая тайна мной открыта,
 Раздол – без края, без межи.
 Я возгордился от восторга,
 Заплакал, сам себя стыдя.
 Но не спасла самопроборка.
 И весь, до капли, вот он – я.

Люблю широкие движения:
 Руки, ума, стези, волны,
 И – сладкий страх земли трясения,
 И страх претительной стены.
 Я знаю, говорят, и – скажут:
 «Ему-то что, ведь он – поэт».
 И пальцем на висок укажут,
 Мол, там от роду толку нет.
 Да ладно уж, не стану больше
 Дразнить гусей, надувших зоб...
 Как говорится, дай мне, боже,
 Самим собою быть по гроб.

Дорогой друг Салих, я жду Ваши произведения. Если есть рассказ до 11 машинописных страниц, мы можем с удовольствием напечатать в нашем женском журнале «Женщины Советского Туркменистана». Стихи бы тоже прозвучали хорошо на родственном туркменском языке. Переводчика найдем – у нас более 120 членов, большинство поэты.

Салих, только не забудьте, пожалуйста, написать коротко о себе: сколько книг, их названия и т. д., фото. Желательно прислать книгу, откуда будут переводиться стихи.

Салих, приезжайте, пожалуйста, к нам в Ашхабад в командировку. Можно организовать обменные страницы с нашими газетами. Редактор газеты «Октябрынг ялкыны» («Свет Октября») мой родственник – родной брат моей жены. Я ему при каждой встрече говорю о Вас, напоминаю очень часто.

Нам надо потеснее дружить народами.

С нетерпением жду от Вас вестей.

С приветом –

Байрам Тачмамедов
 г. Ашхабад, 19.02.91

Здравствуйте, уважаемый джигит Салих!

Вся власть сонетам!

Только что переписал из взятой в библиотеке книги «Шесть писем совести» Ваш новый венок сонетов «Ни слова не таю» в переводе Ильи Фаликова. Тысячу раз благодарен Вам за то, что Вы продолжаете писать венки (это ли не молодость поэта?!).

Желаю Вам хорошего здоровья и дальнейших венков.

Ваш Георгий Мелентьев
 г. Саранск, 14.04.91

Дорогой Салих!

Я еще под впечатлением встреч, которые останутся в памяти как один из лучших периодов моей жизни. Моя искренняя привязанность к тебе и ко всем моим ребятам балкарской группы неповторима и тем глубока. К тебе отношение особое, потому что ты талантлив и талант свой приносишь на алтарь культуры своего народа. Я могу гордиться такими личностями, каким являешься ты.

Обнимаю вас. Жду вас.

Ваша Л. (ейли) М. (ихайловна) Айуни
г. Ереван, 29.08.84

Дорогой друг Салих!

Пламенный привет Вам из Грузии. Ваш перевод «Витязя в тигровой шкуре» я уже получил, об этом я Вам сообщил в письме от 31 марта. Еще раз выражаю искреннюю благодарность за внимание. В этот же день книгу я послал в Англию проф. Гульского университета. Но сейчас у меня еще одна просьба: тот самый профессор хочет иметь и кабардинский перевод «Витязя...». Может быть, Вы поможете нам в этом деле? Вы знаете переводчика, поэтому попросите у него экз. от имени того проф. Он занимается и абхазско-кабардинскими языками.

С глубоким уважением –

Серго Турнава
г. Тбилиси, 02.04.84

Уважаемый Салих Султанбекович!

В государственную Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина от одной зарубежной организации, с которой мы поддерживаем книгообменные связи, поступил запрос на Вашу книгу «У Белой Речки на виду» – книга стихов. Нальчик: Эльбрус, 1983.

Поскольку в книготорговой сети Ваша книга уже распродана, обращаемся к Вам лично.

Если у Вас не имеется возражений, просим выслать 2 экз. Вашей книги в адрес нашей библиотеки. Книгу можно выслать наложенным платежом.

Заранее Вам благодарны.

Зав. отделом комплектования –

И. Ф. Григорьева
г. Ленинград, 13.09.83

Глубокоуважаемый Салих!

Получил Ваши книги, за что приношу сердечную благодарность.

С искренним уважением –

*А. Г. Барамидзе,
академик Академии наук Груз. ССР.
институт истории грузинской литературы им. Шота Руставели*

Уважаемый Салих Султанбекович!

Из переданных в отдел литературы и искусства стихов отобраны «Летит с горы...» и «Какая-то птица». Они будут опубликованы в газете.

Остальные стихи возвращаем.

С уважением,

зам. редактора «Правды» по отделу литературы и искусства –

*С. Кошечкин
29 мая 1983 г.*

Дорогой брат Салих!

Спасибо тебе за память и за подарок!

С удовольствием прочитал твои стихи и поэмы. Ты – поэт, и этим я сказал свое одобрение. Судить о мере таланта всегда зряшно. Тем более, когда поэт в полном расцвете своих возможностей. А дело читателя, а я в данном случае прежде всего читатель, почувствовать, с кем его свела судьба – с поэтом или с рифмованными строчками. Вот я и чувствую в твоих стихах – сердце, добрую душу, богатое воображение и ищущую, страдающую, сочувствующую мысль поэта. Это меня радует, тем более, что ты мой друг и брат.

Спасибо тебе еще раз за эту радость!

Стихи переведены хорошо. Разумеется, я не могу судить ни о стилистической адекватности переводов, но как русские стихи – они на уровне современного русского стиха.

Предисловие Кайсына тоже прекрасно – просто, дружески доброжелательно и мудро.

Поздравляю тебя и обнимаю!

*Твой Нафи Джусойты
16.04.83*

Здравствуйте, Салих Султанбекович!

Из-во «Современник» попросило меня перевести часть из Вашей книги. Что я и сделал, ибо стихи Ваши показались заслуживающими внимания. В них есть судьба. Есть Человек. А это, я считаю, главное в поэзии. Высылаю Вам второй экз. Думаю, что Вам их нужно будет срочно разослать по редакциям – стихи, главным образом о войне и всем, что связано с ней и в преддверии 40-летия на них большой спрос.

Я бы и сам кое-что сделал здесь (и, может, сделаю), но сейчас болен,

у меня серьезная травма ноги, а с 1-го апреля уезжаю в Крым долечиваться.

Напишите мне о Вашем мнении о качестве перевода.
Всего Вам доброго.

Анатолий Передреев
15.03.85

В поэзии Салиха прослеживается стремление говорить о злободневных проблемах современности, поэтически обобщать их. И тогда произведения его становятся по-настоящему публицистичными, острыми. И все же самые яркие и меткие образы, точные сравнения, самые теплые слова поэта адресованы землякам, будь это односельчане из Белой Речки, жители Хулама, шахтеры Тырнауза или Герой Советского Союза Алим Байсултанов, которому посвящена одна из поэм. С неподдельной любовью, очень деликатно рассказывает автор о своем соседе Мусе, потерявшем на войне и слух, и голос, о его большой любви к Айшат. И хотя поэма названа современной сказкой, читатели прекрасно понимают, что перед ними – не сказочные герои, а живые люди, и воспринимают их боль и их горе, как свои.

Ирина Мезова
«Кабардино-Балкарская правда»,
7.12.83 г.

Дорогой Салих!

Мы благодарны тебе за перевод наших стихотворений на Твой родной язык. Экземпляры газеты мы получили. Постараемся оказать услугу за услугу и напечатаем переводы Твоих стихов в газете «Надодже».

В конце сентября или в начале октября мы будем в Москве. Ты бы мог прислать несколько своих стихотворений в Союз Советских Писателей в Москву в Зарубежную комиссию на имя Николая Плишки – это руководитель польской секции.

Газету «Надодже» с Твоими стихами получишь вскоре.

С приветом –

Шилкин, Навроцки
Зелена Гура (Польша)
11.09.86

Дорогой друг и собрат по перу! Я знаю тебя как талантливую поэта и переводчика. Имя твое известно во многих странах. В творчестве и в жизни ты разделил боль и радости своего народа и в этом твое величие. Желаю здоровья, счастья и новых поэтических вершин!

Твой Саид Чахкиев
Назарь, 16.12.1989

Дорогой Салих Султанбекович!

От души поздравляю Вас с выходом подборки Ваших стихов «Мой дом открыт в любое время года» во втором номере нашей «ДН»!

Искренне рад за Вас!

Не забывайте нас!

Да, и пришлите мне, пожалуйста, в редакцию одну-две книги своих – можно на балкарском, включая Ваш перевод «Витязя...», с автографами для нашего подшефного Нурека: «Интернациональной дружинской библиотеке на Нурекской ГЭС им. Л.И. Брежнева от одного из дружинцев...» и т. д.

Хорошо? Жду! Всего Вам самого-самого доброго!

Искренне Ваш –

*Сергей Баруздин,
гл. редактор журнала «Дружба народов»
Москва, 25 февраля 1983 года*

P.S. Книги посланы.

Эзиз Салих, салам!

«Лучше поздно, чем никогда», говорят. У меня на сей раз получилось именно так. Ну, ничего. Искушим свою вину, дорогой Салих.

Теперь посылаю Вам два номера нашей газеты с напечатанными переводами твоих стихов и несколько слов о переводчике Шота Руставели на балкарский язык. Переводы стихов Имира Мамедова получились отменными.

Салих, жаль, что и тогда, когда ты был в Тбилиси, мало беседовали, и тогда, когда я был в Нальчике, – тоже. Пусть Аллах даст нам возможность в дальнейшем встречаться больше.

Творческих удач тебе! До встречи. Обнимаю.

*Твой Сулейманов,
гл. редактор «Совет Кюрджюстаны»
Тбилиси, 15.04.87*

Дорогой Салих!

Благодарю тебя за то, что не забываешь, за то, что мой балкарский брат жив и здоров.

Жаль, что мы так редко встречаемся. Издательские дела отнимают у меня очень много времени, из Баку я редко выезжаю.

Хочу сообщить, что твою книгу мы учли в плане редподготовки на 1989 год. Как будет окончательное решение, я тебе сообщу дополнительно. Она пройдет без усилий и препятствий.

Напиши, пожалуйста, какие новости у тебя, как живут твои дети.

Надеюсь, что когда книгу подготовим, мы пригласим тебя в Баку. Увидимся.

Успехов и счастья тебе.

*Твой Сабир Рустамханлы
Лето, 1988 г.*

Уважаемый друг Гуртуев!

Будет в мае год тому назад, когда мы познакомились в Сараево. Вы, наверно, забыли мой адрес, от Вас ни письма, ни Ваших стихов для детей.

Пожалуйста, пошлите мне Ваши и Ваших друзей стихи для детей на русском языке (подстрочный перевод). Мой адрес: СФР Югославия, г. Титоград, 81000, Стари аэродром, д. 14.

Сердечный привет!

*Душан
г. Титоград, Югославия.*

Уважаемый Салих Султанбекович!

Давненько мы не общались. Последняя наша книга «С. Руданский. «Повея, ветер, на Украину». Переводы на языки народов мира» вышла в 2003 году. Получили ли этот сборник?

Сейчас мы работаем над новым проектом. Это «Поэма «Кавказ» Т. Шевченко на языках народов мира». С издательством «Этнос» все обусловлено. Они уже нас поторапливают. Имеем более 50 переводов. Среди них чеченский, осетинский, ингушский, кабардинский А. Шогенцукова. Очень хотелось бы иметь и балкарский. Имеем карачаевский. Как писал А. Суюнчев, карачаевский и балкарский почти один и тот же язык.

Если Вы согласны принять участие в нашем проекте, сообщите. Вышлю украинский текст и русский подстрочник. Книга обязательно выйдет. Она приурочена к 195-летию со дня рождения Кобзаря.

С уважением –

*Конст. Хоменко
г. Винница (Украина), 20.11. 2006*

Уважаемый Салих Султанбекович!

Получил Вашу телеграмму (телеграмма – ответ на просьбу перевести на балкарский язык поэму Тараса Шевченко «Кавказ» – *Ред.*). Высылаю художественный перевод и русский подстрочник «Кавказа». К знаменательным датам нашего Кобзаря (195 и 200 лет со дня рождения) в Украине готовится много изданий, в т. ч. полное собрание его поэтического и художественного наследия.

Киевское издательство «Этнос» готовит «Кавказ». Думаем подготовить 80 переводов. Есть уже более 50.

Будем Вам благодарны за помощь. «Кавказ» всегда был актуален. Особенно сейчас.

Получили ли Вы книгу «С. Руданский. «Повій вітре, на Україну». Переводы на языки народов мира». Сообщите. Поинтересуйтесь и у Петра Кажарова.

С уважением –

Конст. Хоменко
г. Винница (Украина), 12. 2006 г.

Уважаемый Салих Султанбекович!

Пишу Вам от имени своего брата Костантина, вместе с которым составляем антологию «Тарас Шевченко. «Кавказ» на языках народов мира».

Ваш перевод поэмы «Кавказ» мы получили и от души благодарим за участие в готовящемся издании, за ознакомление своего народа с одним из глубочайших по содержанию произведений великого Кобзаря.

Если Вам удастся опубликовать свой перевод, сообщите, пожалуйста, библиографические данные об этой публикации. А если можно будет, то и издание, в котором будет напечатана поэма «Кавказ». Я передам его в Национальный музей Тараса Шевченко в Киеве.

Доброго Вам здоровья и плодотворной работы на ниве родной литературы.

С уважением –

Б. В. Хоменко.
г. Винница (Украина), 3 июня 2007 г.

Раиса ИДИГОВА,
ингушская поэтесса

Вы – плоть от плоти своего народа

Салиху Гуртуеву

Храню я в сердце памятную встречу,
Вы творческий расцвет мне предсказали,
Звучавшие напутственные речи
Изяществом и мудростью блистали.

Творений Ваших дар воспринимаю
Как знаковый посыл для постижения,
И в этом благозвучье обитаю,
Вникая в сущность самовыражения.

Я погружаюсь в исповедь живую,
Сознание в сюжетах растворяю,

Где глубиной смысловой волнуют
Все строфы, Вашу душу изливая;

Вы, следуя лишь истинным заветам,
О сути человеческой вещая,
Добро отождествляете с рассветом,
Закату черный путь уподобляя.

Полны неисчислимых бедствий годы,
Застывшие в непреходящей боли,
Когда ввергались целые народы
В пучину затянувшейся неволи.

Присуща мне та боль, что не проходит,
У гибельной черты и мы стояли;
Но до сих пор по судьбам призрак ходит...
Насколько черен он – не представляли...

Вы правы! Небосвод высок и светел,
Струится вечно высший свет над нами;
Он наше место на земле отметил,
Чтобы святыми озарять лучами.

Вы просветлить сумели разум многих
Своею родниковой чистотою;
Всяляя дух кавказских нравов строгих,
Не дорожить учили суетою.

Философ и поэт, воспевший скалы,
Что сто веков незыблемо взирали,
Как двигались лавины и обвалы,
И люди в безысходности крепчали.

И сплачивались с песнями народы,
Восходы за закатами встречая...
Вы тоже восходили сквозь невзгоды,
Высот непокоренных достигая.

Вы – плоть от плоти своего народа,
Признание планеты всей снискали,
И так судьбу направила природа,
Что время и пространство Вы объяли.

1 июля 2007 года

КУНИЖЕВА ХАЙШАТ МУРАДИНОВНА

Родилась 10 мая 1948 года в сел. Шалушка Чегемского р-на КБР, – кабардинская поэтесса.

В 1969 г. после окончания Шалушкинской средней школы поступила в Литературный институт им. Горького Союза писателей СССР на отделение поэзии в семинар Е. Долматовского. В 1974 г. завершила учебу по специальности «Литературная работа». Работала редактором ряда издательств, в радиокомитете в Москве и Подмоскowie; затем редактором литературных передач в Кабардино-Балкарском радиокомитете.

Писать начала со школьных лет. Первые публикации появились в 1968 году в газете «Ленин гъуэгу». В последующие годы стихи Кунижевой «Песня, мечта и любовь» были напечатаны в Москве в серии «Поэтессы Советского Союза» (1972). В 1975 г. отдельной книгой вышел сборник стихов «Япэ уэс» (Первый снег). В том же году сочинения Хайшат появились в альманахе «Истоки» (Москва).

Один из самых примечательных сборников ее стихов – «Къру гъуэгу» (Журавлиный путь. 1984). Затем появились и другие сборники – «ГъащӀм и сурэт» (Картины жизни. 1991), «Горсть солнца» (1993). В 1996 г. Хайшат Мурадиновна заявила о себе талантливой книгой для детей «Хьэрэхьуп» (Удод).

Кунижева относится к плеяде талантливых поэтов, вошедших в кабардинскую литературу в 70-х гг. XX в. В стихах Хайшат Мурадиновна воспекает свою землю, родителей, тех, кто защитил родину во время Великой Отечественной войны, созидательный труд современников, верных друзей и многое другое. Но ценность поэзии Кунижевой не в разнообразии тем или их обширности, а в том, каким новым, сугубо личностным мировидением может передать их читателю. Мысли и чувства, содержащиеся в ее поэзии, светлы и глубоки, у поэтессы – острый взгляд, которым она замечает то, что другому недоступно. Она беспокойна, ее душа и сердце в вечном смятении, понимая и чувствуя, что пустое слово подобно пустому, ничего не содержащему кувшину, но она не берется судить о вещах, в которых не смыслит, в то же время не скрывает своих сомнений от читателя, все ее желания и помыслы обнажены, очевидны. Поэтесса не стремится завоевать для себя одной похвалы, незаслуженных почестей, ее волнует и преследует одна и та же мысль: стихами, которые она слагает, всем сердцем возвысить, возвеличить свою землю, свой народ.

Хайшат относится к числу тех авторов, в ком нуждалась кабардинская поэзия и кто сумел привнести в нее новое слово. На примере поэзии Кунижевой очевидно, что истинный талант не измеряется количеством изданных поэтических сборников, как и состояние самой литературы не исчисляется количеством писателей и поэтов.

Саладин ЖИЛТЕЖЕВ

МУХАДЖИРСТВО *

Поэма

1

Зеркало истории

Война пылала на Кавказе...
Царю нет дела до утрат,
И он, свирепствуя в указе,
Шлет в пламя тысячи солдат.
Пусть славы вкус не сладок нынче,
Гяуры мчатся во всю прыть,
И в их речах, и в грозном кличе
Звенит надежда победить.
– Соратники! Ничтожный выкуп
Нам платят горцы до поры,
К чему тогда стрельба и крики,
К чему бивачные костры?
К чему напрасно тратим силы?
К чему ведем джигитов в плен?
А семьи от нужды постылой
Не поднимаются с колен.
Где вы, любители трофеев?!
Кто молод весел и горяч,
Пусть горный ветер нас овеет
Пьянящим запахом удач.
Когда б вы знали, сколько злата
Дадут нам склоны этих гор...
Клянемся же Христом распятым
Хранить наш тайный договор!
Солдаты клятву повторяли,
Так научила их война:
За все обиды и печали
Чужая смерть воздаст сполна!
– Собратья, порохом и потом

Лихие дни спаяли нас,
Чтоб русским кесарям в угоду
Покорным стал седой Кавказ.
Довольно тратить время даром,
Зазря разбрасывать слова,
Ведь завтра может стать товаром
Отрубленная голова.
Дорога к золоту открыта
На этой гибельной войне,
Коль можно голову джигита
Продать по выгодной цене.
В каком прописано законе
Жалеть чужих детей и вдов?
Я знаю, горцы не хоронят
Своих собратьев без голов.
Нам столько раз бывало тяжело
В объятьях этих страшных гор!
И тем, кто даст врагу поблажку,
Мое проклятье и позор!
Слова жестокого солдата
Разили разом наповал,
Как будто бы посланец ада
Свой голос к людям обращал.

Того, кто в мир явился смелым,
Не зря джигитом нарекли.
И становилась главным делом
Защита собственной земли.
А на войне взрослеют рано,
И юный воин рвался в бой,
Смеялся он над первой раной,
И над проказницей-судьбой.
Он вырастал с войною ровень,

* Здесь – массовая эмиграция коренного населения Северного Кавказа – в результате Кавказской войны (1830–1864 гг.) – в Турцию и страны Ближнего Востока.

Степям бескрайним был своим,
 И запах пороха и крови
 Носился всюду вслед за ним.
 Но вдруг, не совладав с врагами,
 Он падал в пыльную траву,
 Большое небо с облаками
 Над ним склонялось наяву,
 И не было конца печали,
 Входило горе в каждый дом,
 Когда героя провожали
 В поход последний всем селом.
 Но слез одних бывает мало,
 Мужчина вскакивал в седло,
 И начиналось все сначала –
 За муку – мукой, злом – за зло.
 К отмщению зывали деды,
 И, исполняя сей наказ,
 Не для беды, а для победы
 Он дрался как в последний раз.
 Мужской закон не преумножит
 Презренной злобы без лица,
 И сын старался быть похожим
 В бою на своего отца.
 Но гнет крепчал, и год от года
 Надежды таяли как дым,
 А недоступная свобода
 Теперь во сне являлась к ним.

Гяуры алчною ордою
 В края чудесные пришли,
 И вести, полные бедою,
 Неслись во все концы земли.
 Расширить русскую державу
 Хотел на Юге государь,
 А тем, кто сеет смерть во славу –
 Неведом мирный календарь.
 Полки послушные без счета
 Он посылал в огонь и дым,
 Чтобы покорные народы
 Склонялись молча перед ним.
 Так, в день затишья после брани
 Самоуверенный монарх
 Явился к жителям Кубани,
 Надеясь в них посеять страх,
 Но он не знал: слова джигита
 Разят острее, чем кинжал,
 И вскоре старец именитый
 Перед царем ответ держал.

– Пускай меня Аллах осудит,
 Но ложь сегодня не нужна.
 Здесь будут гибнуть Ваши люди,
 Пока не кончится война.
 Перед российской порфирой,
 Как перед поступью зимы,
 Склоняют голову полмира –
 Готовы к этому и мы.
 Мне ведом вкус и запах боя,
 Но только мой народ устал.
 Готов ответить головою
 За это старый аксакал!
 Стоял российский кесарь прямо,
 Спиною к старцу и молчал,
 Но слово каждое упрямо
 В нем поднимало мутный вал.
 И не желая, как обычно,
 Скрывать презрения и зла
 Ответил холодно и зычно,
 Не обернувшись на посла.
 – Джигиты старшим не перечат
 И власть земную признают.
 Ужель всерьез такие речи
 Ты производишь, старый шут?!
 Мои слова прочнее стали,
 Вам не спасти свою страну,
 Вы до сих пор войны не знали,
 Так я устрою вам войну!
 Ищите мира за Кубанью,
 На это вам даю три дня
 Тот, кто проявит послушанье,
 Спасти сумеет от меня.
 – Но за рекой земля худая,
 Туман болотный, смрад и хмарь.
 За что же нам судьба такая?
 Ответь, российский государь!
 – Болтать о трудностях охота?
 Но лень доводит до беды,
 Вам нужно превратить болота
 В благоуханные сады.
 Займитесь, наконец, делами,
 Постройте мост, найдите брод...
 – Вы издеваетесь над нами?!
 Но мы – не стадо, мы – народ.
 – Старик, я вас не пожалею,
 И армию не разверну.
 Ведь вы считаете свою
 Таковую дивную страну.

Здесь не дает скучать о лете
Коротких зим веретено...
Здесь свежий воздух на рассвете
Пьянит сильнее, чем вино.
Здесь все как в сказках и былинах,
И струи ваших бурных рек
На свет родятся на вершинах,
Где никогда не тает снег.
Дано адыгам слишком много –
Самим себе присвоить рай.
Так знайте, из земных чертогов
Я выбираю этот край!
Своих ошибок Бог не прячет,
И я ошибку устранию,
А тех, кто думает иначе,
Предам всесильному огню.
– О чем вы, царь! Имейте разум!
Ведь это родина моя.
Встречают смерть не по приказу
На поле наши сыновья. –
Старик не выдержал насмешек
Высокомерного царя
И закричал:
– Хватайте, режьте!
Я прожил эту жизнь не зря!
Что вы готовите мне, плаху?
Петлю на шее поутру?!
Клянусь, я без тоски и страха
Со словом «Родина» умру!
– Охрана! Увести злодея!
И пусть запомнит старый хам:
Страну, что он зовет своею,
Я скоро приберу к рукам.
Когда б он думал о народе
И не желал ему невзгод,
То понял бы, что путь к свободе
Их через Турцию ведет.

Любой глагол, что пуля в спину,
И нет надежды впереди.
Готова русская лавина
Народ адыгский прочь смести.
Но безымянные герои
Встречали вражескую рать,
И поклялись промеж собою
Без боя землю не сдавать.
Но злобой полнились солдаты
И убивали всех подряд,

А села, мирные когда-то,
Рядились в траурный наряд.
Дрались адыги не для славы
И не за сладкий звон монет,
Но тщетно: в северной державе
Солдатским жизням счета нет.
Стекала кровь с холодной стали,
Звенели острые мечи,
А супостаты прибывали,
Как тучи черной саранчи.
Их били, гнали прочь с Кавказа,
Как обезумевших собак,
Но Петербург строчил приказы
И новых требовал атак.
Не совладать с числом и силой
Как с вешним паводком в горах,
И сколько слез в ту пору было,
Об этом ведал лишь Аллах.

Война крепчала, матерела,
Мы прокляли судьбу свою,
Когда трофеем стало тело
Адыга, павшего в бою.
С тех пор мы всякий раз платили,
Лишь только завершался бой,
И у дороги находили
Котомку с мертвой головой.
Так наши силы иссякали,
Надежды на победу нет.
И мудрые адыги стали
Промеж собой держать совет.
– Чернеют женщины от горя,
А северяне все сильней,
Нам никогда не выпить моря,
Не отстоять земли своей.
Привыкли брать числом гяуры,
Что доблесть против их числа?
Их генералы-самодуры
Дрожат от алчности и зла.
Адыгам северная бездна
Готовит тысячу смертей,
И, чтобы вовсе не исчезнуть,
Пора спасать своих детей.
Обычай нашего народа
Повелевает: мы должны
Подумать о продленье рода
В глубоком сумраке войны.
А враг, теряя честь и разум,

Чтоб переделать мир скорей,
 Вонзал в живую плоть Кавказа
 Гнилые зубы крепостей.
 Нам пели пули: «Час настанет,
 И царь российский победит,
 А где-то в голубом тумане
 Земля турецкая лежит».
 Клинки свистели: «В путь скорее!»
 Но мысль оставить отчий дом
 Удавкой стягивала шею
 И обдавала кипятком.
 Сомнением воздух был отравлен,
 Что лучше – за море бежать
 Или в сражении неравном
 Свой род навеки оборвать.
 Для Родины живет мужчина,
 Затем чтобы мужчиной быть,
 И в целом мире нет причины
 Порядок этот изменить.
 Но только враг решил иначе,
 Просторы солнечных степей
 Наполнились тоской и плачем
 Адыгских жен и матерей.
 На земли, краше нет которых,
 На гордый и живой Кавказ
 Вдруг положил коварный ворог
 Свой алчный ненасытный глаз.
 И царь твердил:
 – Пускай забудут
 Адыги Родину отцов,
 Расскажут пусть они повсюду
 Как с бунтарями я суров.
 Последний срок уже назначен,
 Остались считанные дни,
 Пускай же за морем удачу
 Найти попробуют они.
 Что делать? Ветер точит скалы,
 А жизнь у каждого одна.
 В тоске умолкли аксакалы.
 Повсюду траур... Тишина...
 И вдруг раздался голос:
 – Хватит!
 Сильней гяуров высший суд.
 Когда-нибудь они заплатят
 За то, что натворили тут.
 Бросайте древние аулы,
 Их нам не унести с собой,
 Но в шумных гаванях Стамбула

Нас ждет спасенье и покой.
 Не все из нас, наверно, смогут
 Осилить тяготы пути.
 И к бухте Золотого Рога
 Нам стариков не довести,
 Но их тоска пускай не гложет,
 Ведь смерть приходит только раз,
 А детям нужно род продолжить
 И быть счастливыми за нас.
 Решились горцы, и об этом
 Царю немедля донесли,
 А тот спокойно за обедом
 Вершил судьбу чужой земли.
 Он встал и тут же сел на место,
 Не веря собственным ушам.
 Когда царям в границах тесно,
 То льется кровь и тут, и там.

На помощь горцам шли французы,
 Британцы курс держали к нам,
 И лодки со смертельным грузом
 Спешили по морским волнам.
 Соседи слали пароходы,
 Метали молнии и гром,
 А попросту была охота
 За нашим родовым добром.
 В боях тогда нуждалась Порта,
 Османь знали, что джигит
 Своей воинственностью гордой
 На всю Европу знаменит.
 Они сулили рай небесный,
 Надели, деньги и стада,
 Лишь наша искренность и честность
 Их веселила иногда.
 Но только это не свобода,
 Обман, изгнание, исход...
 О том, что нужно для народа,
 Понять способен сам народ.
 Аллах адыгов в мир отправил
 На труд, на подвиг, на борьбу,
 А значит, им наказ оставил
 Самим вершить свою судьбу.
 А что сосед? – себе лишь служит,
 И тысячи незримых глаз
 То с алчностью, то с равнодушьем
 Взирали, изучая нас.
 Они считали наши беды,
 Которым не было числа,

А мир решил на нас изведать
Всю мощь накопленного зла.

С утра в ауле было тихо,
Но встали все – и стар, и мал,
И как ведется у адыгов,
К ним обратился аскакал:
– Друзья! У нас плохие вести,
Мы в западне, и хода нет.
Джигит боится лишь бесчестья,
А смерти для джигита нет.
Мне ничего не жаль для братьев,
За наш сияющий Кавказ
Всего себя готов отдать я,
Но что изменится для нас?
Давно бескрайняя Россия
Готовит нам кромешный ад,
Об этом говорят живые,
Об этом мертвые молчат.
Я слишком долго ждал иного,
Терпел, пока хватало сил,
И всякий раз в узде суровой
Держал свой неумный пыл.
В плену надежды бестолковой
Добро я звал день ото дня,
Но беды приходили снова
И обескровили меня.
Конец приходит всяким срокам,
Пора свой жребий выбирать,
Сюда грохочущим потоком
Несется вражеская рать.
В родных степях гуляет лихо,
А у гяуров скорый суд –
Они придут, и всех адыгов
Без сожаленья перебьют.
А между тем турецкий берег
В туманном мареве лежит,
За морем ждут, за морем верят,
Что род адыгский будет жить.
Османь сдержат обещанье,
Дадут нам землю, стол и кров,
А здесь останутся стенанья
От горя почерневших вдов.
Быть может, дети на чужбине
Простят меня когда-нибудь.
Уже гяуры дышат в спину,
И нам пора в далекий путь.
Адыги! Горько звать в дорогу,

Но нет дороги нам другой
Давайте уповать на Бога,
Я отправляюсь, кто со мной?!

Волы послушные готовы,
Зубами заскрипел старик,
Но удержал с последним словом
Уже срывающийся крик.
Другой джигит поднялся с места
И молча посмотрел вокруг.
– Когда грядущее известно,
Судить и спорить недосуг, –
У горца задрожали губы.
– Мой род перечеркнула Русь,
Бьют барабаны, воют трубы,
Но я на месте остаюсь.
Исход – другого нет исхода,
Старик душою не кривит,
И под родным небесным сводом
Я буду связан, буду бит.
Меня, наверное, изрубят
На сотню маленьких кусков,
Но я умру, и боль отступит
Под улюлюканье врагов.
Зато меня запомнят люди
На древней Родине отцов,
И степь вовеки не забудет
Моих последних, главных слов.
Коль повезет – я жить останусь
Неверной тенью от луны, –
Ведь человек, такая малость
Для огнедышащей войны.
Я буду здесь встречать рассветы,
Когда в траве блестит роса...
Я не один, я знаю это:
Со мной мой верный друг Муса.
Прощайтесь же без громких криков
Навеки с Родиной сейчас,
А мы исполним долг адыгов
И сохраним ее для вас.
Рыдало древнее селенье,
Был воздух с привкусом золы,
Топтали собственные тени
От страха старые волы.
Собаки выли вслед обозам
Шум, ржанье, визг стоял кругом,
И дети растирали слезы
Дорожной пылью и песком.
В дорогу двинулись адыги,

Спасая жизни, стар и мал,
 А мир большой и многоликий
 На них без радости взирал.
 Они в пути крепились духом,
 Но только вряд ли взяли в толк:
 В долг можно деньги брать у друга,
 Но Родины не примешь в долг.
 Мучения ломали спины,
 От боли лопались сердца,
 Был день необычайно длинным,
 И ночь не ведала конца.
 Адыги шли, сбивая ноги
 И о прощении моля,
 Их провожала в путь далекий
 Своя и не своя земля.
 Разлуки горькая отрава
 Мешала мысли и слова,
 А Родина рядилась в траур,
 Как безутешная вдова.
 На пастбищах увяли травы,
 Лучи утратили тепло,
 Сполна изведав бед кровавых,
 Земля дышала тяжело.
 Далекий путь приводит к морю,
 И к иноземным кораблям,
 Там, где прибор печально вторит
 Стенаньям, плачам и мольбам.
 Здесь нынче даже ветру тесно
 От человеческой беды.
 Уже сойти не в силах в места,
 Стоят адыги у воды.
 Но в них еще жива надежда,
 Что страшный сон не навсегда,
 Что не остались в жизни прежней
 Черкесия и Кабарда,
 Не будет войн, не будет браней,
 И скоро эти корабли
 Растают в розовом тумане
 Подальше от родной земли...
 Их окрик возвратил на землю,
 Какой-то бравый капитан
 Держался важно надо всеми,
 Как полагалось у осман.
 Он напевал мотив известный
 Под скрежетание снастей:
 – Вещей не брать! Здесь
 слишком тесно!
 Бросайте все и побыстрей!

Его корабль был грузом полон,
 Но шторм – на шалости мастак.
 Разбушевавшиеся волны
 Корабль швыряли так и сяк.
 – Готовьте поскорее плату!
 Вам не отделаться рублем.
 По три с души, и будьте рады,
 Что мы с собою вас берем.
 Не слышал турок тяжких стонов
 Детей и немощных старух:
 Ему монеты сладким звоном
 Затмили зрение и слух.
 – Корабль вмещает лишь полсотни,
 Но это просто ерунда.
 Клянусь владыкой преисподней,
 Я не люблю считать до ста!
 Разгонит прочь тоску и скуку
 Волны стремительный разбег,
 Садитесь поплотней друг к другу,
 Мне нужно двести человек!
 Детей на судно брать негоже,
 Но коли нет пути назад,
 Я за детей возьму дороже,
 Ведь дети плачут и кричат.
 И день, и ночь терпеть такое
 Кому захочется в пути,
 Уж если взял детей с собою
 Вдвойне за это заплаги!
 Морская даль с людьми жестока,
 И я скажу вам наперед:
 Тот, кто умрет в пути до срока,
 Тотчас отправится за борт.
 Штормило. Даже смелый воин
 Не в силах был умерить дрожь,
 И только турок был спокоен,
 Кривой поглаживая нож.
 Плечом к плечу они сидели
 На мокрых досках кое-как.
 Выл ветер, волны сатанели,
 И пеной становился страх.
 Корабль, в конце концов, отчалил,
 И все поднялись в полный рост,
 Пытаясь из своей печали
 К родной земле построить мост.
 Ведь это явь! Им не проснуться,
 Не сбросить смертную тоску,
 И никогда не прикоснуться
 Ладонью к мокрому песку.

Напротив тоже было море
Людей с изломанной судьбой,
И волны в траурном уборе
Там пронеслись над толпой.
Но сын свободного народа
Рабом не станет без борьбы,
И каждый рвался на свободу
Из обезумевшей толпы.
У горизонта в синей мути
Корабль терялся и бледнел,
И в этом разглядели люди
Свой скорый горестный удел.
Боль непосильной оказалась:
Изгнанники валились с ног,
И словно черви зарывались
В пропитанный водой песок.
Они работали упрямо,
Они боялись не поспеть,
И ожидали, лежа в ямах,
Что им Аллах дарует смерть.
Был счастлив тот, кто верил слепо,
Кто, от надежды не дыша,
Ждал, как отправится на небо
Его бессмертная душа,
Взмывая с берега родного,
Как будто вовсе нет войны,
Не зная языка иного,
Иной не ведая страны.
Других несчастье превратило
В подобье каменных столбов:
Их на корабль тянули силой,
Не тратя времени и слов.
А кто-то бегал что есть силы,
Смеясь, разделся догола,
Потом его волна накрыла
И в даль морскую унесла.

2

Плач волны

Шумит, волнуется пучина,
Бунтует ночи напролет,
И величавая картина
Перед глазами предстает.
Волна – не просто водный странник,
Борьба – ее насущный хлеб,
И море нас зовет и манит,

Ломая линии судеб.
В смятении над Черным морем
Теряет ночь покой и сон,
Его могущества оспорить
Не в силах черный небосклон.
Во мраке волны мчатся к суше
И поднимают по пути
На гребни души малодушных,
Чтоб их к Кавказу отнести.
Волна своей гордится статью,
Готовит к берегу разбег,
Чтоб в гибельных его объятьях
Закончить свой короткий век.
Ночь лунная прибою внемлет,
Застыв у моря на плече,
И дразнит воду ожерельем
Жемчужных капелек в луче.
Глаголу моря нет запретов,
Он разгоняет тишину,
А эхо, словно эстафету,
Волна бросает на волну.
Мне ведом зов бескрайней воли,
И море Черное порой
Аукается чьей-то болью
И вековечною тоской.
Но только сила штормовая –
Пучине верная слуга,
И вот уж волны, засыпая,
Лениво гладят берега.
Волна шуршит, с камней стекая,
И берег снова молодой
От радости благоухает
В ночи блестящей чистотой.
Безмолвно властвуя над нами,
Луна крадется в облаках
И пробивается лучами,
Искрясь на вымытых камнях.
Своим любуясь отраженьем,
Она спокойно смотрит вниз,
Покуда нам несет смятенье
Неуловимый, легкий бриз.
Счастливый в бесконечном лете,
Он к нам стремится во всю прыть,
И эту ночь, и этот ветер
Никто не в силах позабыть.
Слова и песни нам приносит
Полночный бриз со всех сторон,
И сказочным разноголосьем

Мир околдован и пленен.
 Пучина собирает силы,
 Готова новые дела,
 Покуда дерзость не остыла
 И пыл не выгорел дотла.
 Вновь волнам отданы наказы
 К сырým утесам мчатся вскачь,
 И ветер налетает сразу,
 И вновь над морем слышен плач.
 Опять валы везде и всюду
 На белых гребешках своих
 Несут неведомо откуда
 То причитание, то крик.
 Рыданье на морском просторе
 Стрелой пронзает облака...
 Все знают: это голос горя,
 Порой не зная языка.
 Но нынче морю тесно с нами
 А если так, то быть беде,
 И мне встревоженная память
 Картины пишет на воде...

Не дышит море полной грудью
 От суетливых кораблей,
 На берегу рыдают люди,
 Не глядя на своих коней.
 Устав от трудностей похода,
 От крови и от бранных дел,
 Еще надеются на что-то,
 Еще не верят в свой удел.
 Беда приходит к нам со свитой,
 И часто побеждает нас...
 У моря юные джигиты
 Седыми делались на раз,
 Коням в глаза они смотрели,
 Делясь огромною бедой,
 И гривы конские блестели
 Серебряною сединой.
 И конь, и воин вспоминали,
 Застыв на мокрому берегу,
 Как воевали, как мечтали
 Уйти из жизни на скаку.
 Зима и лето шли по кругу,
 Крепчал союз день ото дня.
 Был не хозяином, а другом
 Джигит для своего коня.
 Джигит заботился о друге,
 Был конь заботливым вдвойне,

А это лучшая порука
 Победе славной на войне.
 Но только нынче в конской гриве
 Блестит серебряная нить...
 Они своею дружбой живы –
 Кто может друга заменить?
 Лишь мысль завистливою плетью
 Наотмашь человека бьет:
 Конь на чужбину не поедет,
 Он здесь, на Родине умрет.
 Слеза у моря солонее,
 Страшнее горе, громче крик...
 Здесь, рядом с лошастью своею
 Стоял задумчивый старик.
 – Мне путь на Родину отрезан,
 Мне места нет в родной стране, –
 Шептал старик и карагеза
 Ладонью гладил по спине.
 – Здесь был я счастлив от рожденья,
 А нынче за море иду,
 Чтоб стать едва заметной тенью
 У иноземцев на виду.
 Мне завистью терзает душу
 Судьба любимого коня.
 Молю, Аллах, конем послушным
 На Родину верни меня!
 Я провожу людей в изгнание,
 Я их утешу, как смогу,
 Застыв печальным изваяньем
 На этом дивном берегу.
 Потом приму нелегкий жребий,
 Узнаю, как скрипит арба,
 Как медленно плетется время
 Для молчаливого раба.
 Конь над своей судьбой не властен,
 Хозяин щелкает кнутом...
 Но, Боже мой, какое счастье
 Дожить на Родине рабом!

Какие жуткие мотивы
 Приносит к берегу прибой,
 Очнулись кони, вскинув гривы,
 Рванулись с места, словно в бой,
 Но берега людской печали
 Для скачки бешеной малы:
 Коней манили и пугали
 Белоголовые валы.
 Тревога разрывала жилы,

Носился страх поверх голов,
И, закипая белым мылом,
Стекал с натруженных боков.
Но вдруг могущество испуга
Распалось в полной пустоте,
И кони тихо друг за другом
Пошли к бушующей воде.
Как в дни рискованных походов,
Когда врагам теряешь счет,
Без суеты входили в воду,
Осознавая, что их ждет.
Как будто бы на водопое
В запале, тяжело дыша...
И белым паром над водою
Клубилась конская душа.
Смешно вытягивая шеи
Заморским чудушам под стать,
Хотели кони поскорее
Фелюги быстрые догнать.
В фелюгах люди уплывали
Куда-то от земли своей,
И слезы крупные стекали
Из глаз доверчивых коней.
В тот миг, когда рыдали кони,
Ломая волны на плаву,
Все слышали, как море стонет,
И небо плачет наяву.
Катились волны, кони плыли,
Не зная, что им суждено,
А море отнимало силы,
И увлекало их на дно.
Фелюги мчались на свободу,
Ловили ветер паруса,
И каждый конь, глотая воду,
Глядел хозяину в глаза.
Один не справился с волною,
Потом другой лишился сил...
Всех море жалует покоем
Без тихих кладбищ и могил...
Джигиты море проклинали,
И рвали волосы в сердцах,
А лодки утлые плясали
На взбаламученных волнах.
Качаясь в маленьких фелюгах,
Адыги плакали навзрыд.
– Теперь без преданного друга
К счастливой жизни путь закрыт.

Безмерна сила супостата,
И мы не совладали с ней,
Но разве кони виноваты,
Что любят до смерти людей?
Сжав в кулаках что было силы
Родной земли последний ком,
Адыги небеса просили
О чем-то самом дорогом.
Направив взоры к Ошхамахо,
Где серебрятся ледники,
В мольбах к Великому Аллаху
Слов не считали старики.
И шторм ревел охрипшей глоткой,
И откровеньем оглушал:
Чем дальше уплывает лодка,
Тем ближе к Родине душа.
Зачем отважные джигиты
Младенцев держат на руках,
Когда могли погибнуть в битвах
Врагам бесчисленным на страх.
К чему бежать за море к туркам
И шторм о милости молить,
Когда могли своею буркой
Кусок родной земли накрыть.
Тоска до смерти не отстанет,
И разъяренная волна,
Наверно, людям в наказанье
За малодушие дана.
Как на чудовищных качелях
Качало лодки так и смяк,
А ветры весело свистели,
С издевкой путаясь в снастях.
Измену отчему порогу
Не искупает страшный путь.
И люди умоляли Бога
Свой гнев умерить хоть чуть-чуть.
Но ветер позабыл про жалость,
И парус рвался на куски,
А люди в панике катались,
По мокрым доскам, как мешки.
Одну фелюгу страшным валом
Качнула темная вода
И, словно мутным одеялом,
Накрыла через два борта.
Не знает море слова «если»,
Фелюга скрылась под водой,
И все, кто плыл на ней – исчезли,
Найдя в пучине свой покой...

Свидетели заголосили:
 – Мы нынче в проклятом пути,
 Но почему волною смыло
 И тех, кто в мир хотел прийти,
 Сто нерожденных поколений
 Каким осуждены судом?..
 И в это самое мгновенье
 Унялся беспощадный шторм.
 – Друзья, – сказал старик, вставая, –
 Я жизнь свою дарую вам,
 Но в тишине чужого рая,
 Вся наша жизнь – ненужный хлам.
 Тот, кто осилит эту воду
 И этот беспощадный рок,
 По окончании похода
 Пускай исполнит наш зарок.
 Адыгам страшный жребий выпал,
 Так скажем, что на целый век
 На тех, кто прикоснется к рыбе
 Отныне ляжет тяжкий грех.
 Пропали в море наши братья,
 А, значит, рыбам будет корм,
 Прошу, о том не забывайте,
 Когда сидите за столом.
 Нас словно рыбу бьет остройгой
 Невольных странствий кутерьма,
 И эта страшная дорога –
 Дитя не нашего ума.
 Спасался каждый в одиночку
 И соглашался на исход,
 Но рок безжалостен и точен,
 И в море гибнет наш народ.
 Адыги небо вопрошали:
 – Кто проклял нас в пути морском,
 Аллах, мы не себя спасали,
 А тех, кто будет жить потом.
 Джигиты знают жизни цену,
 И жизнь заклятого врага,
 Незамутненная изменой,
 Душе адыга дорога.
 Они надеялись едва ли,
 Что путь осилят до конца,
 И на ветру морском дрожали
 В печали горские сердца.
 Вдали виднелся Ошхамахо...
 В былые годы старики
 Учили, что страшнее страха
 Ошибок собственных тиски.

Вода стенаниям не внемлет,
 Уже свершился приговор,
 Уже вдали родные земли,
 А впереди морской простор.
 И неизвестно было людям,
 Плывущим от родных степей,
 Что дети на чужбине будут
 Страдать без Родины своей,
 Что их потом ударит в спину
 Отцовский гибельный искуc,
 Что без Отечества мужчина
 Теряет к этой жизни вкус.
 Что не обрадуют веки
 И не насытят никогда
 Чужие земли человека
 Плодами тяжкого труда.
 Бог посчитал тебя достойным
 Спасти единственную жизнь,
 Но разве на чужбине стоит
 Над жизнью с жадностью трястись?
 И если нет твоей могилы
 На древней Родине отцов,
 Где будут дети черпать силы
 И клясться в верности без слов?
 В чужом краю не отогреться,
 Но только если это так,
 Где ты свое согрешье сердце
 Врагам бесчисленным на страх?
 Меня не тронула усталость,
 И сон мой канул в никуда,
 Но в мысль причудливо вплетались
 Узоры скорби и стыда.
 Я думал о своих собратях,
 Что много лет тому назад
 Потомства будущего ради
 По морю плыли наугад,
 Им выпало дойти до цели,
 Испить изгнание до дна,
 Но как же все они жалели,
 Что их не тронула волна.
 Увы, ни счастья, ни удачи
 В помине нет в чужой стране,
 Но что поделывать, время скачет,
 Как всадник на лихом коне.
 Своей короткой жизни чудо
 Мы отправляем в пустоту, –
 Лишь дома каждая минута
 Напоминает степь в цвету.

Изгнанника сухой колочкой
Гоняет ветер на пути,
И за него решает случай,
В какой земле ему расти.
Но только тот, кто с детства знает,
Что означает слово «дом»,
Свой век послушно наполняет
Удачей, счастьем и добром.
Так думал я, и сон полночный
Покорно уносился прочь,
И власть бессонницы бессрочной
Перемешала день и ночь.
Я вел беседу с Черным морем,
Я книгу прошлого читал,
И в этом долгом разговоре
Новорожденный день вставал.
День зарождался, было видно,
Что даль безбрежная чиста,
И жизнь казалась ненасытной,
И бесконечной красота.
Но разум мой сомненьем полон
Назло беспомощным словам,
И снова вздыбленные волны,
Шумя, спешат к моим ногам.
Ночь от себя не отпуская,
Зовут собратьев за собой,
И, ни на миг не умолкая,
Несутся к берегу гурьбой.
И эти водяные груды,
И этот бесконечный шторм,
Наверно, вызывают люди,
Лежащие на дне морском.
И мне с надрывом говорила
О соплеменниках волна,
Что те ворочаются в иле
И поднимаются со дна,
Они бредут во мраке зыбком
В тоске и скорби под водой,
И, осознав свою ошибку,
Все ищут в море путь домой.
Шумят встревоженные волны,
Пугая месяц в облаках,
Готовы в злобе непокорной
Смести преграды в пух и прах.
В потемках брызгами играют,
Омыв печальную луну,
И усмиряться не желают,
И проклинают тишину.

Луна лучом по морю водит,
Пытаясь отыскать края,
И я грущу, что ночь проходит,
Так, как проходит жизнь моя.

3

В далеком пути

Лодки в тумане, на палубе сыро,
Что уготовил адыгам Аллах!?
Ой, райда-райда, мы все мухаджиры,
Ой, райда-райда, над нами наш флаг.
Что за дома в этом старом Стамбуле,
Жарится где-то в подвалах билгур,
Ой, райда-райда, нас всех обманули,
Ой, райда-райда, на радость врагу.
Круглые шапки, широкие брюки,
Степи чужие, чужие холмы,
Ой, райда-райда, за что эти муки,
Ой, райда-райда, несчастные мы.
Войлок из шерсти мы

вычешем разом,

Тот, кто обычаев не признает,

Ой, райда-райда, он продал

свой разум,

Ой, райда-райда, он губит свой род.

Путь на чужбину петляет по миру,

Где-то остался родимый аул,

Ой, райда-райда, мы все мухаджиры,

Ой, райда-райда, мы едем в Стамбул.

Где-то на золки отару выводят,

Родины голос обратно зовет,

Ой, райда-райда, бескрайние воды,

Ой, райда-райда, несчастный поход.

Ивы по краю магарного поля

Разом распустятся ранней весной,

Ой, райда-райда, изгнанников доля,

Ой, райда-райда, рыдай

день-деньской.

Пуля под сердце летит из обреза,

Выстрел в ущелье огнем полоснул...
Ой, райда-райда, огнем и железом.

Ой, райда-райда, нас гонят

в Стамбул.

Молится старец, лелея надежду,

Бурку свою постелив не спеша,

Ой, райда-райда, во злате одежда,

Ой, райда-райда, в оковах душа.
 Ой, по дорогам трясутся подводы,
 Ой, по ущельям разносится гул,
 Ой, райда-райда, проклятье народа,
 Ой, райда-райда, мы едем в Стамбул.
 Годы пройдут, о делах мухаджиров
 Правнукам кто-нибудь песню споет,
 Ой, райда-райда, адыгов по миру,
 Ой, райда-райда, несчастье ведет.

Наш путь далекий,
 Путь постылый,
 Куда идем,
 Теряя силы?

Был путь пустым,
 Был путь холодным.
 На полночь полдень
 Похожим стал,
 Был путь чужим,
 Был путь бесплодным,
 В пути страдали
 И стар, и мал.
 Адыги молча
 Рядились в траур,
 Сердца под солнцем
 Сковало льдом.
 Скиталец нищий
 Кому по нраву?
 Никто не встретит
 Его с добром.
 И днем, и ночью
 Они шагали,
 Беда пускалась
 За ними вслед,
 Не расставаясь
 Во сне с печалью,
 С тоской встречая
 Чужой рассвет.
 Кто на чужбине
 Имеет силу,
 Куда не бросишь
 Случайный взгляд, —
 Изгой силу
 Давно забыли,
 И лишь со страхом
 Вперед глядят.
 Невзгоды терпят,

Бредут по свету,
 Кругом пустыня,
 Куда ни кинь,
 Здесь нет селений,
 Аулов нету,
 Лишь пыль, да неба
 Чужая синь.
 А если турка
 Случайно встретишь,
 Он не подаст вам
 Глотка воды,
 Рыдают жены,
 Страдают дети,
 Никто не видит
 Конца пути.
 Вот где-то рядом
 В песок горячий,
 Теряя силы
 Упал старик.
 Слышны повсюду
 Мольбы и плачи,
 Стал сиротой
 Родной язык.
 Дорога будто
 Идет по кругу,
 Народ теряет
 Своих детей.
 Одна надежда
 На помощь друга
 В бескрайнем пекле
 Чужих степей.
 Дневного жара
 Ночь не остудит,
 У смерти ночью
 Растет калым,
 И к смерти стали
 Привычны люди,
 И равнодушны
 К себе самим.
 Холмы, равнины,
 Земля все суше,
 Мулит от жара,
 Густеет зной.
 Куда-то люди
 Идут и души
 В мешках заплечных
 Несут с собой.
 Устали страшно,

В зените солнце,
И пышет жаром
Небесный свод.
Кто стал изгоем,
Тому придется
Своим страданиям
Утратить счет.
Заходят в села
Они порою.
У турок, курдов
Один ответ:
– Стал нынче дорог
Наш хлеб с водою,
Ступайте дальше,
Коль денег нет.
Звереет жажда,
Голодной мутью
Перед глазами
Стоит туман,
И от болезней
Сгорают люди,
Оставив детям
Пустой карман.
Ни капли влаги
В пустых колодцах,
Песком да ветром
Не будешь сыт,
Но подаянья
Не могут горцы
Просить у турок,
Утратив стыд.
Стоят все молча,
И самый старый,
Нахмурил брови
Печаль храня,
Вдруг он услышал:
– Что гибнуть даром!
Послушай, дада,
Продай меня!
Адыгский мальчик
Держался прямо.
– Решайся, дада,
Да поскорей,
Веди на рынок,
Не будь упрямым,
И купишь хлеба
На пару дней.
Старик ответил:

– Несчастный, что ты?!
Уж лучше вместе
Мы ляжем здесь.
– А как же дети,
Им жить охота,
А чтобы выжить,
Им нужно есть!
Больных и слабых
К утру прибудет,
О них подумай,
Не обо мне,
От нас с тобою
Зависят люди,
А я не сгину
В чужой стране.
Не сомневайтесь,
Аллах все знает,
Нам без Аллаха
Не жить ни дня,
А если судьбы
Аллах решает,
То не удержат
Они меня.
Я нынче, дада,
На все согласен,
Ты можешь цену
С них взять едой.
Пойдем на рынок,
Ведь мир прекрасен,
Хороший праздник
Ты всем устрой.
Поешьте вдоволь,
И путь суровый
Милее станет
В чужом краю,
Вам в путь пускаться
С рассветом снова,
Поешьте ж вдоволь
Вы в честь мою!
Тогда собрались
Вокруг подростка
Мужья и жены,
И старики,
И плач, как птица,
Легко и хлестко
В горячем небе
Чертил круги.
– Земля и небо, –

Промолвил дада, –
В глазах голодных
Стоят вверх дном,
И потому что
Нам выжить надо,
Наш милый мальчик
Пойдет рабом.
Добро поступку
Пусть будет мерой,
Отводит мальчик
От нас беду.
В исход хороший
Нам нужно верить:
Рабам хозяин
Дает еду.
Степные ветры
Свистели сухо,
И рассыпались
На голоса.
Старик спокойно
Ходил по кругу,
И всем подолгу
Смотрел в глаза.
Поникли люди,
Как будто траур
В адыгских душах
Устроил дом.
Слеза младенца –
К беде приправа,
Но дети плачут,
Забыв о том.
Цеплялись дети
В одежды старших,
И дада снова
Заговорил:
– От жертвы чистой
Мир только краше,
Себя ребенок
Нам подарил.
Нас не оставит
Аллах, я верю.
Молчит отец твой,
Не плачет мать.
Не смоят слезы
Печаль потери,
И мы не станем
Их проливать.
Когда б не жены,

Когда б не дети,
Старик бы плакал,
Что было сил –
Хлестало горе
Незримой плетью,
Вдруг кто-то рядом
Заговорил:
– Наш милый дада,
В таком походе
Покорны люди
Своей судьбе,
Но жить ли дальше
Большому роду,
Придется нынче
Решать тебе.
Отец подростка
Глядел сурово:
– Закон крепчает
Во дни беды.
Судьбу народа
Решает слово,
И это слово
Нам скажешь ты!
Сомненья старца
Терзали люто...
– Решайся, дада,
Спасай людей,
Их не накормишь
Душевной смутой,
А я хозяин
Судьбы своей! –
С улыбкой мальчик
Продолжил: – Мила!
Ведь мне свободы
Не жаль ничуть.
Спасти селенье
Я нынче в силах,
И лучшей доли
Я не хочу.
Старик подумал
Еще немного
Смотрел куда-то,
Ища ответ.
В пыли под солнцем
Вилась дорога,
И дада понял:
Надежды нет.
С мальчишкой молча

Прощались люди,
И руки жали
В последний раз,
Но боль теснилась
Под левой грудью,
Блестела в бездне
Раскрытых глаз.
То отдалялись,
То подходили,
То усмиряясь,
То вновь скорбя:
– С пустым желудком
Мы б жизнь прожили,
Но проживем ли,
Продав тебя.
Как хлеб разделим
Мы между нами,
Уж лучше гибель
В короткий срок.
Кто сможет хлеб тот
Ломать руками,
И кто проглотит
Такой кусок?
И не скрывая
Своей печали,
Которой горше
На свете нет,
В пыли дорожной
Они стояли,
В молчанье глядя
Ему вослед.
– Он был послушным,
Был добрым сыном,
Он был безгрешен,
А должен стать
Едой, товаром,
Рабом, скотиной...
За что же, люди?! –
Спросила мать.
Украдкой мужу
В глаза взглянула,
В толпу шагнула
И скрылась в ней...
Толпа безмолвно
Ряды сомкнула,
И голод снова
Скрутил людей.
А мальчик молча

Смотрел на город.
Оттуда несся
Базарный гам.
– Пойдем, мой мальчик,
Узнаем скоро,
Какую цену
Предложат нам.
И погрузился
Старик в молчанье,
Как будто продал
Он речь и слух...
На рынке турки
Его встречали
И обступили,
Собравшись в круг.
Они на парня
Смотрели долго
В пыли базарной
И толкотне,
Кричали что-то,
И все без толку,
Засомневавшись
В его цене.
Судили турки:
– Юнец пригожий,
Похож на грека,
Ни дать, ни взять. –
Смотрели в зубы,
Как будто лошадь
Несчастный старец
Решил продать.
Старик очнулся,
Промолвил тихо:
– Товар отменный,
Вам повезло.
Ведь мы – с Кавказа,
Ведь мы – адыги,
Свой облик Солнце
Нам всем дало.
Мой милый мальчик
Пока что молод,
Усов не носит
И бороды,
Но он осилит
Жару и холод
Без крохи хлеба
И без воды.
Не уставая,

Старик хвалился,
В азарте с миром
Утратив связь,
И турки шумно
Вокруг толпились,
Но торговались
Не торопясь.
Товар по нраву,
Утихли споры,
Народ торговый
Платить привык,
Но кто из турок
Хозяин добрый,
Глотая слезы
Гадал старик.
Кто на чужбине
Мальчишку примет?
Пошлет за хлебом
И за водой,
Пахать заставит,
Любовь отнимет,
А после душу
Зальет тоской.
Пусть по-турецки
Старик не знает –
Проворны пальцы
У продавца,
И цену молча
Вперед толкают,
Чтоб самый лучший
Купил юнца.
Но покупатель
Спокойно платит,
Рыдает старец
Под звон монет,
И мальчик понял,
Что сил не хватит
Тоске безбрежной
Ответить – «Нет!»
В недоуменье
Стоявший турок
Из рук у старца
Веревку взял.
– Не плачь, мальчишке
Не будет туго,
Ведь ты – мужчина,
Ты – аксакал!
Аллах свидетель,

Я покупаю
Себе не куклу
И не раба.
Он слишком долго
Ходил по краю,
И будет сладкой
Его судьба.
Мой брат в Египте
Живет – не тужит,
Богат и счастлив,
Как царь царей,
С людьми какими
Он водит дружбу!
Как угощает
Своих друзей!
Мальчишка скоро
Поедет к брату
И даст на верность
Ему обет,
А брат допустит
Его до злата,
И лучшей доли
На свете нет!
– О чем болтает
Богач дремучий? –
Печальный старец
Потупил взгляд...
Он был потерян,
Он был измучен,
То шел за ними,
То шел назад.
«В чужих чертогах
Легко исчезнуть», –
Опять подумал
Старик с тоской,
А парня турок
Рукой железной
Вел на веревке
К себе домой.
Бегом за ними
Старик помчался,
Отринув старость
Свою тотчас,
Остановился
И попрощался,
Взглянув на парня
В последний раз.
К своим вернулся,

И вновь адыги,
В пыли ступая,
Пошли вперед.
Под руку с горем
Они привыкли
Шагать, потеряв
Утратив счет.
Все дальше город
В закатном свете,
И понял старец,
Что люди ждут,
Он из кармана
Достал монеты,
– Детей пошлите
Купить еду.
Блестели деньги
В руках усталых,
Все понимая,
Старик молчал:
Жизнь человека
В цене упала,
Коль эту цену
Он вслух назвал.
Народ от страха
На месте замер.
– Продать ребенка –
Ужасный грех!
Уж лучше б умер
Он вместе с нами,
Чем стал едою,
Спасая всех.
Старик воскликнул:
– Рыдать не смейте!
Оставьте слезы
До лучших дней.
Никто на свете
Не одолеет
В бою неравном
Судьбы своей.
Уж третьи сутки,
Как вы не ели,
Сомненья ваши
Гоните прочь.
В степи турецкой,
Как на постели,
Устройте отдых
На эту ночь.
Вы слишком много

Прошли без пищи –
Жесток к адыгам
Жестокий век,
Я парня продал
На рынке нынче,
Взвалив на душу
Тяжелый грех.
Но если голод
Вернется снова,
Продать велите
Меня тотчас.
Я не желаю
Конца иного –
Все эти годы
Я жил для вас.
Скажите туркам,
Что я приучен
К любой работе,
Что я – здоров.
И пусть вас совесть
Потом не мучит,
Идите с Богом
Без лишних слов.
Но знайте, счастья
Нет в Истамбуле,
Султан турецкий
Противен мне.
Османы подло
Нас обманули,
Решив рассеять
По всей стране.
Кабальной доли
Я не приемлю
И не желаю
Своим сынам.
Нам с неохотой
Даруют землю,
И только небо
Поможет нам.
Уже неделю
В пути адыги
Без слез, без жалоб
Идут они,
И все – от мала
И до велика
Кусками хлеба
Считают дни.
Идут адыги,

Молчат угрюмо,
 Ночами снится
 Родной очаг,
 А мудрых старцев
 Терзают думы
 О детских судьбах
 В чужих краях.
 Однажды в полдень
 С тоской в обнимку
 Они сидели
 В степной пыли,
 Вдруг разглядели
 В белесой дымке:
 Какой-то странник
 Спешит вдали.
 Руками машет,
 Идет устало,
 Боясь, наверно,
 Лишь одного,
 Что скоро будет
 Конец привала,
 И не заметят
 В степи его.
 Тут все вскочили,
 Что дальше будет?
 Пыль над дорогой
 Стоит, как дым.
 Все ближе путник
 К застывшим людям...
 Вот он подходит
 Вплотную к ним.
 И обнимает
 Седого старца
 Никто не верит
 Своим глазам.
 Глаза не могут
 Так ошибаться,
 А путник волю
 Дает слезам.
 Да, он, тот самый,
 Что на базаре
 Был продан турку –
 Он снова тут.
 Сбежал на волю
 Проворный парень,
 Освободившись
 От тяжких пут.
 Ликует старец,

Хвала Аллаху!
 Объятья, радость,
 И плач в ответ...
 Вдруг он заметил,
 Что под рубахой
 На теле парня
 Багровый след.
 Тавром, которым
 Скотину метят,
 Поставил турок
 Печать на нем.
 И окружили
 Страдальца дети,
 И любовались его
 Клеймом.
 Те, кто постарше
 Шептались стоя:
 – Что, если турок
 Пойдет вдогон.
 Степь от погони
 Нас не укроет,
 За турком – сила,
 За ним – закон.
 Душа в смятенье
 Ответа хочет...
 Что вынес мальчик
 За этот срок?
 Он стал сильнее,
 Взрослей и жестче,
 Узнав, насколько
 Наш мир жесток.
 Но мать подростка
 Боится верить,
 И сердце бьется
 В ее груди.
 – Он зазевался,
 Я выбил двери
 И от погони
 Сумел уйти.
 Ленивый турок
 Ни с чем остался,
 А я боялся
 Вас потерять,
 В степи турецкой
 Пропасть боялся, –
 Беглец умолкнул,
 Взглянув на мать.
 Тут каждый понял:

Пришла удача.
– Покушай с нами,
Испей воды!
Мы посолили
Слезой горячей
Тот хлеб, который
Оставил ты!
И каждый с парнем
Куском делился,
И даже черствый
Хлеб сладок был.
Беглец покушал,
И в путь пустился,
Перед дорогой
Набравшись сил.

4

И сегодня на чужбине

Тот встречает в Турции свой
последний час,
Тот встречает в Турции свой
последний час,
Кто посмел в изгнании
позабыть Кавказ,
Кто посмел в изгнании
позабыть Кавказ.
Ой, на нашу Родину
возвратите нас,
Ой, на нашу Родину
возвратите нас,
Кто-то с турком в сговоре род
свой позабыл,
Кто-то с турком в сговоре род
свой позабыл,
О заблудших молимся нынче у могил,
О заблудших молимся нынче у могил,
Мы пойдем на родину
из последних сил,
Мы пойдем на родину
из последних сил,
Каждый бы за родину душу подарил.
Наши старцы немощны,
голод к нам суров,
Наши старцы немощны,
голод к нам суров,
Дома мы оставили крепких стариков,

Дома мы оставили крепких стариков.
Ой, пора вернуться нам
под родимый кров,
Ой, пора вернуться нам
под родимый кров.
Каждый за отечество все отдать готов.
В танце наши девушки
парами пошли,
В танце наши девушки
парами пошли,
До смерти замучил тот,
кто лишил земли,
До смерти замучил тот,
кто лишил земли.
Ждет адыгов изгнанных
родина вдали,
Ждет адыгов изгнанных
родина вдали.
Отдадим за родину душу и живот,
Отдадим за родину душу и живот,
По степи рассыпался
изгнанный народ,
По степи рассыпался
изгнанный народ.
Пусть нас наша родина
вместе соберет!
Пусть нас наша родина
вместе соберет!
Пусть нас наша родина
вместе соберет!
Светит надежда
Где-то во мгле,
Дети стремятся
К отчей земле.
Солнца чужого
Горестный лик
Утром встречает
Гордый адыг.
Он сиротою
Смотрит вокруг.
Ветер чужбины
Зол и упруг,
Как был прекрасен
Родины дым,
Горец расскажет
Внукам своим.
Губы беззвучно

Шепчут слова,
Значит, надежда
В горце жива,
В небе турецком
Плавится медь.
Был он адыгом,
Будет им впредь.
Он не изведал
Ратный позор,
Часто со смертью
Вел разговор,
Хоть на чужбине
Нынче живет –
Мужество голос
В нем подает.
Пусть этот голос
Здесь и сейчас
Людам напомним
Древний Кавказ.
Пусть он ласкает
Раненный слух,
Пусть здесь витает
Родины дух.
Я у адыгов
В Турции был,
Гостем почетным
В дом заходил,
Нежной любовью,
Будто я брат,
Каждый изгнанник
Встретить был рад.
Древний обычай
Свято храня,
Горцы хотели
Видеть меня.
«Здравствуй!» – кричали
С разных сторон,
Я же не знал их
Лиц и имен.
Счастье с тоскою,
Радость и грусть,
Ревности горькой
Легкий искус
К жаркому солнцу
Наших степей
Перемешались
В душах людей.
Как-то однажды

Юный адыг
Нежно ко мне
Головою приник,
Долго объятий
Не разжимал,
И как ребенок
Сопел и молчал.
– Ты не поверишь, –
Сказал он потом, –
Я увидел
Наш утраченный дом.
Ты из-за моря
С собою привез
Родины запах,
Любимый до слез.
Наши объятья
Ты потерял
И отнеси
Кабардинской степи,
Светоч-горе
Невеселую весть,
Как мы тоскуем
О Родине здесь.
Я на Кавказе
Не был ни дня,
Отблеск надежды
В сердце храня,
Жду с нетерпеньем,
Теря покой,
Как мы однажды
Вернемся домой.
Больше ста лет
Незаметно прошло,
Стало легендой
Вчерашнее зло,
Только мой гордый
Великий народ
Думой о доме
В изгнание живет.
Юноше вторил
Седой аксакал:
– Ждать и надеяться
Я не устал.
Братьям на Родину
Ты передай:
Мы не забыли
Отеческий край.
Помнят изгнанники

По именам
Даже животных,
Оставшихся там.
Клички собак,
Что мой прадед любил,
Мне придают
И терпенья и сил.
Каждое имя
В наследство для нас
Нам даровал
Недоступный Кавказ.
Турки в домах
По соседству живут,
Мы и не ведаем,
Как их зовут.
Но повторить
Мы готовы стократ:
Всякий адыг –
Наш возлюбленный брат.
Большого старец
Сказать мне не смог,
К горлу его
Подкатился комок,
Крепкий мужчина
Печаль не таил:
Слишком уж долго
Он слезы копил.
Мне говорили:
– Ты больше, чем гость!
В тех городах,
Где мне быть довелось.
Я удивлялся тому,
Сколько сил
Каждый из них
За народ положил.
В списках народная
Память жива.
Их составляли
Не год и не два.
В списках места,
Где селиться пришлось
Нашим изгнанникам,
Вместе и врозь.
Горцы себя
Утешают мечтой,

Как сговорятся
Они меж собой,
И сообща,
Словно в прежние дни,
Беды свои
Одолеют они.
Как-то сказал мне
При встрече старик:
– Я от недугов
Совсем уж поник.
Жить без Отечества
Не было сил,
Ты же пришел
И меня исцелил.
Кабы я знал,
Что мы встретимся здесь,
Разве меня бы
Сковала болезнь?
Кто-то подаренный
Мною кинжал
Нежно и бережно
Поцеловал.
Кто-то ругал
Наш безжалостный рок,
Бед и невзгод
Бесконечный поток.
Женщины слушали
Долгий рассказ,
Как поживает
Наш древний Кавказ.
Я и не знал,
Что случайная весть
С Родины станет
Бесценною здесь.
Эти известья
Меняют судьбу
И вдохновляют
Людей на борьбу,
Неистребимой
Народной мечтой,
Как мухаджиры
Вернутся домой.

*Перевел с кабардинского
Александр Пряжников*

Магомет КУЧИНАЕВ

ТРЕТИЙ БАТАЛЬОН

Главы из повести

*Старшему брату Омару,
всем землякам,
не вернувшимся с войны, –
посвящаю.*

I

Пшеничное поле в этом году почему-то осталось неубранным, его затоптали люди и звери, исколесили машины, поэтому не так уж и легко пробираться по нему. Пусть и не легко, но молодой муравей с утра уже в двадцатый раз возвращается к своему муравейнику, а ведь еще и полдень не настал. Ему нипочем ни трудные дороги, ни то, что пшеничное зерно тяжелее его самого, – молодой муравей доволен хорошей работой, он рад.

Муравей выбрался на Большую дорогу. Стоит перейти ее, а там уже совсем будет нетрудно. Пусть и обросли обочины густой, высокой травой, но это не препятствие для муравьев – они, петляя меж зарослей, проложили хорошо утопанные дорожки. По этим дорожкам надо спуститься вниз, в придорожную канаву, и оттуда подняться вверх – и ты у муравейника. Там, конечно, полным-полно его собратьев – один несет зерно, другой еще что-нибудь, а третий, доставив на место свой груз, вновь спешит обратно...

Молодой муравей отважно пробирался через густую пыль Большой дороги, высоко подняв драгоценную ношу – пшеничное зерно. Тут и случилась беда. Что-то темное, большое-большое придавило его в пыль. Свет померк в глазах молодого муравья, он уронил зерно...

Когда он очнулся и вновь был способен видеть белый свет, то почувствовал сразу: какой-то отвратительный запах гари властвовал над миром. Среди этой противной вони и пыли, еле-еле улавливая приятный запах пшеничного зерна, муравей все-таки отыскал свой драгоценный груз, взял его и, с большим трудом подняв, направился в сторону муравейника. Долго, очень долго преодолевал он остаток пути, но дошел...

Уж лучше бы не дошел – на месте Большого муравейника зияла громадная, все еще дымящаяся яма-воронка. А на дне ямы, по положим ее краям, вокруг – везде и повсюду на черной земле белеют пшеничные зерна, в течение многих дней с таким трудом собранные сотнями и сотнями таких, как он, неутомимых тружеников. Точно так же, разбросанные повсюду, снуют в панике совсем еще молоденькие, желтенькие муравьи, которым еще и не положено выходить на Свет. И много-много его собратьев – кто-то уже пришел в себя после катастрофы, но ничего разумного пока не может делать, как бегать туда-сюда, кто-то только сейчас с трудом выкарабкивается из-под толщи земли, кто-то бегаёт с зерном во рту, не зная, что с ним делать...

Что же случилось с прекрасным Миром, какая нагрязнула беда?

II

Уже не первый день оттуда, с запада, подминая под себя города и селения, сжигая зрелые нивы, ломая деревья, загрязняя реки и озера, заслонив собой полнеба, неотвратно надвигается Черный Буран. Беда настигает всех, кто оказывается на его пути: людей и зверей, червей и муравьев. Кажется, началось светопреставление, и все пожирает черный огонь ада.

Это – война...

Смоленск – древний русский город, гордость и слава России, и то остался там, в чреве этого чудовища. После тяжелых непрерывных боев за Смоленск обессиленные, потрепанные дивизии армии генерал-лейтенанта Лукина, еле-еле сдерживая наступающих на пятки немцев, отходили все дальше на восток. Смерть, нависшая над каждым, тяжелые бои, грязь, перебои в питании измотали, обессилили людей. От бессонных ночей, от грязного соленого пота глаза у всех красные, воспаленные... И все, от генерала до солдата, понимают: лишь на том берегу Днепра, где спешно готовится новая оборонительная линия, можно всерьез «упереться ногами», схватиться с врагом, попытаться остановить его... Как можно скорее, как можно с меньшими потерями надо форсировать реку. А не то здесь, где практически нигде укрыться, не за что зацепиться, враг, со своими танками, бронетранспортерами может запросто раздавить, растоптать обессиленные остатки армии. Но, говорят, немцы разбомбили единственный на пути армии мост. Конечно, саперные части, наверное, пытаются навести переправу, но смогут ли, а если и смогут, то – когда?

А враг не дает ни минуты на передышку – отступающие советские войска постоянно подвергаются бомбежке с воздуха, обстрелу дальнотбойной артиллерии, танковым атакам. Все настолько привыкли к взрывам бомб, к разрывам снарядов, что даже не обращают внимания, если все это не случается совсем уж рядом...

– Комбат Мисиров, к командиру полка!

– Комбат Мисиров, к командиру полка! – передается по колонне приказ и доходит до Ахмата.

Он застегивает воротник гимнастерки, отряхивается и вскакивает на подножку грузовика, который тянет пушку, – командир, конечно же, где-то впереди.

– Таварыш капытан, давай суда!

Ахмат глянул в кабину. Запыленный черноволосый сержант, отодвинувшись к шоферу, освобождает ему место. Ахмат так и застыл от удивления: этот сержант был Элиясом, Элиясом Киштиковым, балкарцем, его односельчанином!

– Элияс! Да чтоб твой дом сгорел, это же, кажется, ты?!

– Ахмат! Ты, что ли?

Так они и обнялись – Элияс, опять придвинувшись к дверце, а Ахмат – всунувшись в кабину. Шофер, улыбаясь, смотрит поочередно то на них, то на дорогу. Не успели как следует устроить друг другу «допрос»: «Какие вести из дому? А твои все живы-здоровы? А ты был в той кровавой бойне?» – как Ахмат заметил впереди в сторонке от дороги небольшую группу офицеров. Среди них был и командир полка Половцев – его первым узнал Ахмат. Еще бы, среди остальных он всегда был, «как теленок среди ягнят». Несмотря на грозный вид был очень даже добрым и душевным человеком...

– Ну, давай, Элияс! Да встретимся вновь живыми-здоровыми!

– Дай Аллах! Всего хорошего, Ахмат! Береги себя!.. Подожди, а где я тебя буду искать?

Они обменялись номерами полевой почты, и Ахмат спрыгнул с подножки. Помахал рукой высунувшемуся из кабины Элиясу.

Подбежал к командиру полка, отдал рапорт, поздоровался. Здесь же были и комиссар полка Арбатов, и начальник штаба Аланидзе.

– Вот такое дело, – сказал командир и взял из рук начальника штаба карту. – Наша дивизия вот здесь, у излучины, будет переправляться через реку. Если вот так выпрямить русло, то место, где мы начнем переправу, окажется на той стороне. Итак, с того берега, где мы закрепимся, это место будет как на ладони. Если понадобится, наша артиллерия сможет и не подпустить противника к этому месту. Понимаешь, капитан?

– Понимаю, товарищ майор, – ответил Мисиров, хотя и не догадывался, отчего именно к нему обратился с этим вопросом командир.

– Командир дивизии приказал мне так: самый крепкий свой батальон расположи здесь, чтобы он стал надежной преградой на пути противника, пока дивизия не переберется на ту сторону. Я выбрал свой, прошу прощения – твой батальон, капитан.

Майор Половцев стал командиром полка совсем недавно, после того как выбыл из строя тяжело раненный под Смоленском командир полка подполковник Московский. До этого он был командиром третьего батальона. Став командиром полка, он передал свой батальон Мисирову, командиру второй роты. Вот почему Половцев сказал по привычке «я выбрал свой батальон».

– Задачу понял, разрешите выполнять?

– Подожди, комбат. Я знаю: задача не из легких. Знает это и командир дивизии. Тебе передаются еще взвод автоматчиков, взвод противотанковых ружей и два противотанковых орудия. Сам знаешь, это уже хорошая сила. Ну что, выдержишь? И рельеф, гляжу, неплохой – и овраги есть, и высоты кое-какие...

– Выстоим, товарищ командир. Пока живы – не пропустим.

– Верю, верю, капитан. А с окопами и мы поможем. – И, повернувшись к начальнику штаба: – Вахтанг Георгиевич, прикажите, чтобы установили связь с батальоном Мисирова и штабом полка. Мы будем переходить последними. – А потом, вновь повернувшись к комбату: – А сейчас давай вместе выберем тебе позицию.

Сели в открытую «эмку» Половцева и поехали.

– Товарищ командир, сколько, интересно, осталось до реки? Если не очень далеко, здесь, кажется, можно было бы остановиться.

Машина съехала на обочину, все сошли. Начальник штаба вновь вытащил карту.

– Километров десять осталось, не более, – сказал он. Командир оглядел окрестность, остальные тоже присматривались. Действительно, трудно было выбрать более удобное место для батальона, который будет вести, конечно, нелегкие оборонительные бои. Чуть позади, поближе к реке, начинается лес. Прекрасный, метров 25–30 шириной, овраг, густо обросший кустарником. Видимо, раньше какой-то рукав реки протекал здесь. Да и весной, в период половодья, наверное, река вспоминает и этот запасной путь – на прибрежных кустарниках просматривается ее след: застрявшие клочки сена, на растениях еще видна линия подъема воды. Все это Ахмат заметил сразу же.

– Место подходящее, – сказал командир. – У леса хочешь остановиться, да? Так, наверное, лучше будет, когда начнете отходить.

– Конечно, когда отходить – так было бы лучше. Но чтобы воевать, сдерживать наступающего врага, будет лучше, по-моему, если остановиться по эту сторону оврага, – ответил Мисиров.

– Ты прав, – сказал командир полка и, повернувшись к начальнику штаба, приказал: – Остановите полк. Поможем Мисирову, нам все равно последними переправляться. Я поеду к комдиву и доложу о нашем решении. И потороплю тех, которые выделены на помощь капитану. Все.

Начальник штаба вызвал из колонны первого попавшегося офицера – молодого лейтенанта, и приказал ему:

– Лейтенант, пробежитесь немного вперед и передайте комбату Калашникову – вывести полк в сторонку и построить.

Лейтенант, рукой придерживая кобуру, побежал вперед. Вскоре полк побатальонно выстроился чуть в стороне от дороги.

Командиры батальонов Калашников, Скифский, а вместо Мисирова – командир его первой роты старший лейтенант Заветаев отдали рапорт начальнику штаба.

Аланидзе в нескольких словах объяснил стоявшую перед батальоном Мисирова задачу и приказ командира полка. У оврага он дал десять минут на отдых. Солдаты облегченно опустились на траву.

– А мы, комбат, посмотрим пока, что к чему, где копать окопы, где устанавливать пушки.

– Пушки установим по обеим сторонам дороги, наверное, – сказал Мисиров.

– Правильно. А противотанковые ружья расставишь по тем местам, где овраг более пологий, где могут пройти танки. Отличная, я скажу, позиция у тебя, комбат. Только вот при отходе будет нелегко – до леса далековато, открытое поле.

– Сперва, товарищ майор, о том, как лучше драться приходится думать, а потом уж – об отходе...

– Да-да, конечно... Ладно, давай начнем.

И вскоре все, растянувшись в цепочку по восточному берегу оврага, начали копать окопы. Дело спорится – каждый окоп копают два-три солдата попеременно. Другие готовят места для орудия.

Надо было торопиться: немцы, наверное, недолго задержатся в селении, что пришлось оставить утром, – они непременно попытаются «на спине» советских войск переправиться на ту сторону реки...

– Интересно, что это до сих пор нет фашистских самолетов? – неизвестно почему вдруг спросил Аланидзе.

– Сглазьте, товарищ майор, – не надо об этом говорить, – улыбнувшись, сказал Мисиров.

И только он это успел сказать, как послышался нарастающий гул самолетов.

– Я же говорил, что сглазите...

Все настороженно стали вглядываться в небо, туда, откуда должны были появиться немецкие самолеты. Через минуту-другую стало ясно – гул идет не с немецкой, а с нашей стороны, и вскоре высоко в небе появились два самолета.

– На разведку, наверное, полетели, – предположил начштаба... Наконец, дорога опустела. Наши, наверное, уже начали переправу. Все под-

разделения полка, за исключением батальона Мисирова, выстроившись, готовы к маршу. Прибыли и выделенные на подкрепление Мисирову два взвода – взвод автоматчиков и взвод противотанковых ружей. А артиллеристов пока нет. Остающиеся здесь «обживают» свои окопы – раскладывают гранаты, бутылки с горючей смесью, устраивают «полочки» для фляжек, «пристреливаются», многие торопливо пишут письма домой, чтобы отправить с теми, кто уходит.

Заметив, что комбат попеременно тревожно смотрит то в нашу сторону, откуда должны прибыть артиллеристы, то в сторону немцев, Половцев сказал:

– Не тревожься, капитан, артиллеристы при мне получали снаряды, так что скоро они появятся. Более двух орудий не смог вырвать. Да и ты здесь, наверное, долго не будешь. Переправа уже была готова. Танкисты, артиллеристы начали переходить. Уж завтра-то...

Командир остановился, стал настороженно прислушиваться. Гул с запада, сперва едва слышный, все нарастал и нарастал. Уже целый месяц за день несколько раз слышавшие этот гул солдаты безошибочно догадались – это немецкие бомбардировщики.

По сигналу тревоги «Воздух!» солдаты бросились врассыпную: кто – в окопы, кто – в овраг, кто – в придорожные канавы. Половцев, Аланидзе, Мисиров спрыгнули в просторный окоп, вырытый для комбата и его адьютанта.

Бомбардировщиков не так уж много – шесть штук, чуть повыше их летят четыре «охранника» – «мессершмитты». Немецкие легчики не могли не заметить окопов и солдат на восточной стороне оврага, но они почему-то полетели дальше, не стали бомбить. Солдаты провожали их удивленными взглядами. Но вскоре все поняли: немцы берегли бомбы для большого скопления войск у переправы, для моста – если он есть. Вот и слышались взрывы бомб, пальба наших зениток. Все молча следят за «пляской» немецких самолетов там, над переправой, сжимая кулаки, скрипя зубами от бессилия. Никто ничего не говорит, все знают, что там сейчас происходит.

«Эх, сволочи, разбомбят переправу», – думают и Половцев, и Аланидзе, и Мисиров, но вслух об этом не говорят, словно так можно заговорить мост, спасти его от вражеских бомб.

– Вот бы сейчас появились наши «ястребки», они бы вам показали, – вслух помечтал Мисиров.

– Появятся... Когда немцы уже отбомбятся, – ответил Половцев, глубоко вздохнув.

«Ура! Ура! Ура!» – раздалось вдруг, и все заметили немецкий самолет, из-под крыла которого тянулся густой шлейф дыма. Он летел сюда, теряя высоту. Но легчики не прыгали, они не хотели умирать: ведь повиснуть в воздухе на парашютах над красноармейцами, на головы которых они только что сыпали бомбы, – это неминуемая смерть! Но их мечте не суждено было исполниться – вскоре самолет врезался в лес, взорвался, и в небо поднялся столб черного дыма. Другие самолеты, видимо, уже сбросили все бомбы – они, выстроившись, возвращались назад. Здесь, на позиции батальона Мисирова, бойцы снова залегли, укрылись в окопы – черт их, сволочей, знает, может, кое-что и для них приберегли?

– Говорил же я! – воскликнул Половцев.

Аланидзе и Мисиров глянули туда, куда смотрел командир, – четыре точки быстро приближались издали. Конечно же, это наши истребите-

ли! А немецкие самолеты уже были над поляной, где окопался батальон Мисирова. Вот повернули назад и все четыре «мессера». Уже нисколько не таясь, все смотрели в небо. наших четверо и немцев четверо – кто же победит? словно воробышки, наши короткокрылые «ястребки» и немецкие истребители быстро приближались друг к другу. Еще не успели смешаться, как с обеих сторон затрещали пулеметы. Вот – пошла кутерьма-потасовка! И вдруг из клубка «дерущихся» самолетов вырвался один и стремглав бросился на запад.

– А-а-а, гад, испугался, бежишь?! – крикнул Аланидзе, глядя на самолет, который быстро приближался. Вот самолет стрелой пролетел над поляной и все так и остались с разинутыми от удивления ртами – это был наш «ястребок»!

– Молодец! Он погнался за бомбардировщиками! – крикнул Мисиров.

И вправду, догнав неуклюжие «юнкерсы», наш истребитель бросился сверху на них, словно коршун на зайцев. И почти тотчас же, заревев, как раненый зверь, один из бомбардировщиков, объятый дымом, пошел вниз. Послышался грохот взрыва, в небо поднялся столб дыма. А наш самолетик, словно шмель, вертится вокруг немецких бомбардировщиков. Видимо, «мессеры» тоже заметили свою оплошность – два из них кинулись сюда, на помощь бомбардировщикам. Тем более там, где они вели бой, советских истребителей тоже осталось только два: никто не видел, что случилось с одним из наших «ястребков», но его в небе уже не было. Солдаты теперь попеременно смотрят то туда, то сюда. Вот там, поближе к переправе, загорелся самолет, и вскоре раскрылся купол парашюта и довольно долго белел над лесом. А когда внимательно присмотрелись, выяснилось, что он, выпрыгнувший с парашютом летчик, конечно же, бедный, – наш: здесь, в небе, оставался только один «ястребок»... Опять ударили наши зенитки – зенитчики, видимо, теперь могли вести прицельный огонь по немецким самолетам.

– Да посмотри же вокруг, черт тебя побери, «мессеры» уже у тебя на хвосте! – кричали солдаты нашему летчику, увлеченному охотой на немецких бомбардировщиков.

И в самом деле, немецкие истребители уже приближались к тому месту, где их неуклюжие подопечные безуспешно пытались отстреливаться от юркого «ястребка». А клубок «дерущихся» самолетов все больше и больше удалялся на запад. Вот задымил еще один бомбардировщик. Но и «мессершмитты» были уже тут. И всего-то через минуту с горечью и недоумением увидели солдаты, как сразу же задымил и пошел вниз наш «ястребок» – неужели летчик так и не заметил подоспевших «мессеров»?

Трагическая гибель несомненно отважного летчика повергла солдат в такую глубокую печаль, что никто даже не обратил внимания на то, как же закончился воздушный бой там, на другом краю неба. Лишь заметили, как пролетели к себе, на запад, еще два «мессершмитта». А что случилось с нашим «ястребком» – никто не видел, никто ничего не знал.

Вновь над поляной воцарилась тишина, словно и нет войны. Никто и не заметил артиллеристов, пока они не появились на позиции. Командир артиллеристов, широколицый лейтенант невысокого роста скорым шагом приблизился к группе офицеров и доложил Половцеву:

– Товарищ майор, батарея из двух орудий прибыла в ваше распоряжение. Командир батареи лейтенант Кудайбердиев.

– Хорошо, лейтенант. Ваша батарея поступает в распоряжение капитана Мисирова. Знакомьтесь.

– Лейтенант Кудайбердиев.

– Капитан Мисиров. Позднее познакомимся поближе, а сейчас осмотрите позицию и, если все хорошо, устанавливайте орудия на подготовленные места. Все. побыстрее готовьтесь к бою!

Лейтенант повернулся к своим, крикнул:

– Сержант Киштиков! Орудия – на позицию!

Ахмат не верил своим ушам. До чего же интересна судьба: только часа два назад он расстался с Элиясом, с грустью думая о том, придется ли им еще встретиться на этом свете, и вот – пожалуйста!

Ахмат подошел к Элиясу и вновь, второй раз за этот день, обняв, поздоровался с ним. С помощью солдат Мисирова артиллеристы быстро установили орудия. Половцев, Арбатов и Аланидзе подошли к Мисирову.

– Не земляка ли встретил, комбат? – спросит командир.

– Так точно, товарищ майор! Даже односельчанин!

– Что же тогда получается, – шутливо воскликнул Половцев, – значит, мой третий батальон совсем балкарским батальоном становится? И командир балкарец, и артиллерист – балкарец. Поздравляю, комбат, поздравляю!

– Спасибо, товарищ командир.

– Ну ладно, комбат. Кажется, у тебя теперь все в порядке. Мы, пожалуй, тронемся, – с этим он крепко пожал руку комбату, а потом, не выдержав, обнял его. Ахмат, конечно, знал, что он сам считается не очень-то рослым человеком, но что в объятиях Половцева окажется совсем уж таким маленьким, и предположить не мог.

Половцев выпустил, наконец, Мисирова из своих объятий, опять крепко пожал его руку и сказал, сказал голосом не сурового командира, а человека, у которого большая личная просьба к нему, к Мисирову:

– Очень тебя прошу, брат, – держитесь!

– Не беспокойся, будем держаться, – заверил его Мисиров тоже не совсем по-военному.

И Арбатов, и Аланидзе, тоже обняв, попрощались с капитаном. Полк скорым шагом двинулся туда, к переправе.

Мисиров с комиссаром батальона Шубиным начали осмотр позиции, готовности людей к бою. По левую сторону от дороги сухое пространство тянется не более километра, потом начинается болото. Здесь будет держать оборону первая рота – рота Заветаева. А по правую сторону – местность даже несколько возвышенная. До самой реки, до обрыва над ней – километр с «гаком» в 300–400 метров. Сразу у дороги – вторая рота, рота Подопригоры, за ним третья – рота Марченко. Рота Марченко занимает позицию метров восемьсот, и там танкам не пройти – берега оврага здесь крутые. Поэтому этой роте в помощь выделено только отделение автоматчиков. Лучшие ударные силы батальона – и орудия, и минометы, и противотанковые ружья – сосредоточены у дороги, там, где могут пройти танки. Мисиров остался доволен занятой позицией, тем, как подготовился батальон к бою. Конечно, было бы еще лучше, если бы была выкопана траншея, но времени на это нет – хорошо, что даже окопы сумели выкопать, немцы долго ждать себя не заставят...

– Чем недоволен, командир? – спросил Шубин, заметив, что капитан не зря поглядывает туда-сюда, – то скользнет взглядом по позиции, то на

солнце посмотрит, то туда, откуда должны, но почему-то не появляются немцы.

– Эх, пусть неглубокую хоть, но траншею бы...

– Не успеть нам, командир. Лучше уж пусть ребята немного отдохнут, придут в себя. – Шубин посмотрел на часы. – Они уже пообедали в том селе, минут через двадцать будут здесь. Это точно – такой народ. Ведь война для них – это тоже работа, все по расписанию делают, гады...

III

Дорога через лес была извилистой, поэтому немцы появились как-то неожиданно, сразу. Как и всегда, впереди у них танки. Один, два, три. За ними мотоциклисты, машины с солдатами. Много ли, мало ли их – сейчас определить нелегко: они все еще выползают из леса.

– Не стрелять! Подпустить ближе! Боеприпасы зря не тратить! – приказал комбат, и этот приказ, переходя из окопа в окоп, дошел до обоих концов позиции.

Мисиров и Кудайбердиев находятся здесь, у дороги, возле орудия Элияса, и оба внимательно следят за немецкими танками.

– Иди, дорогой, иди. Еще поближе, еще, – уговаривает немецкие танки по-своему, по-казахски, Кудайбердиев. Видимо, он считает, что стрелять по танкам еще рановато. Если б это происходило не сейчас, когда через минуту- другую начнется смертельная схватка с сильным врагом, а во время учений, Мисиров, конечно же, засмеялся бы. Но сейчас было не до смеха.

– Может, начнешь, лейтенант?

– Сейчас начнем, товарищ капитан, пусть еще чуть-чуть.

Но немецкий танк, словно разгадав хитрость артиллериста, резко остановился, на башне открылся люк и оттуда высунулся танкист. Он поглядел в бинокль и тут же юркнул обратно.

– Заметил, собака! – воскликнул с огорчением Кудайбердиев и тут же приказал: – Огонь!

Почти сразу же выстрелила пушка Элияса, чуть погодя – и Василия на той стороне дороги. Первый снаряд разорвался правее колонны, а второй – перелетел танки и угодил в одну из машин.

– Быстро, быстро! – заторопил Кудайбердиев артиллеристов. – Скорее, пока они не распозлились! Элияс, чуть левее! Василь, молодец! Скорее, скорее!

Новые два выстрела из орудий оказались более удачными. Первый снаряд попал в танк, а второй опять угодил в машину. Оставшиеся два немецких танка, словно громадные черепахи, распозлились по обе стороны дороги, но основная масса машин и людей еще не успела рассредоточиться. Немцы поспешно спрыгивают с машин, убегают подальше от дороги. И мотоциклисты стараются съехать на обочину, автоматчики с люлек и задних сидений соскакивают на ходу. Но на дороге еще достаточно «наживы» для наших артиллеристов.

– Быстро, Элияс, быстро! – все торопит и торопит Кудайбердиев.

Но артиллеристы и сами стараются вовсю. И Кудайбердиеву, и Мисирову, которые видят, как разбегаются-рассыпаются немцы, кажется, что между выстрелами наших пушек проходит целая вечность, но на самом

деле, конечно, было не так: там, где немцы, не успеет еще осесть земля, поднятая одним снарядом, как взрывается другой.

А те два танка по обочинам дороги устремились вперед. Но их еще не подбить противотанковыми ружьями.

– Лейтенант! По танкам! По танкам стреляйте! – кричит Мисиров.

В тот же миг открыли огонь и танки. Один снаряд, пущенный ими, разорвался прямо на дороге метрах в двадцати позади, а другой – еще чуть ближе к окопам, у дороги. У танка, что несется с правой стороны, видимо, опытный водитель, трудно прицелиться по нему: постоянно маневрирует.

– Вот сволочь! – злится Элияс. Еще бы – снаряды его пушки каждый раз разрываются в стороне от танка.

Другой танк чуть-чуть поотстал. Но зато он стреляет часто. Его снаряды уже разрываются то прямо перед окопами в овраге, то совсем рядом с орудием Василия. Там, видимо, кто-то тяжело ранен – послышался душераздирающий крик. Мисиров, оглянувшийся на этот крик, увидел, как солдаты из соседних окопов кинулись к товарищу. «По-моему, там был окоп того парня из Загорска, который поджег танк, прорвавшийся прямо в наше расположение тогда, под Смоленском, – подумал Ахмат. – Как его звали? Да-да, Виктор! Бедный, неужели это он?»

Комбат пристально следит то за упорно приближающимися танками, то за немецкими автоматчиками, что, растянувшись в цепь, идут в атаку. Здесь, по правую сторону от дороги, все бронебойщики уже ведут прицельный огонь по «танцующему» танку. Но и тот всюду стреляет и из пушки, и из пулемета. И снаряды его, и пули не уходят далеко от наших окопов. Видимо, есть уже и потери. Пыль, пороховой запах, грохот танков, разрывы снарядов, пулеметные очереди, одиночные выстрелы – все смешалось в единый запах и шум войны.

Мисиров верил, знал: танк на позиции не прорвется, но чувствовал, что беду он сеет немалую, потому и злился, и кричал Элиясу:

– Не суетись, Элияс! Прицелься как следует! – и никуда он не денется!

– Подожди, Ахмат, не мешай, – словно на озорного мальчугана, путающегося под ногами, прикрикнул Элияс. – Да и отойди ты от орудия!

Танкисты, видимо, решили покончить с этой назойливой пушкой: вот танк на мгновение замедлил ход, его хобот глянул прямо на артиллеристов. Наверное, и танк, и пушка выстрелили одновременно. В тот миг, когда Ахмат заметил огонь прямо у ствола немецкого танка, он кинулся на землю. И тут же раздался гром, в лицо ударила теплая волна, на спину, на ноги, на руки, инстинктивно прикрывшие голову, посыпалась земля. И тотчас же, сквозь грохот разрывов и негромкий шум падающей земли, Ахмат услышал рядом с собой и стон, и ругань. Удивляясь тому, что остался в живых, он осмотрелся: пушка была опрокинута, она придавила правую ногу Кудайбердиеву. Заметив, что и другие живы и шевелятся, освобождаясь от засыпавшей их земли, Ахмат крикнул:

– Быстро, помогите!

Артиллеристы, видимо, тоже все еще не пришедшие в себя от такой милости смерти, что была рядышком, но никого из них не прихватила с собой, оглянулись на крик капитана, словно вопрошая: «Чего же ты кричишь, ты ведь тоже жив?» Но, увидев и опрокинутую пушку, и стонущего

Кудайбердиева, кинулись на помощь. Освободили ногу Кудайбердиева, поставили пушку на колеса.

Лейтенант был бледен, весь покрылся потом. Как ни старался, он не мог сдержаться и беспрерывно по-казахски ругал фашистов. Потом потерял сознание. Обтерли лицо водой, привели в чувство. Но, видимо, нога была поломана: чувствовалось, что ему от боли и дышать трудно.

А немецкий танк на той стороне оврага дымил, «склонив голову». Снаряд, выпущенный им, попал, наверно, в насыпь прямо перед орудием – вот почему артиллеристов лишь засыпало землей, только вот не повезло лейтенанту. Чуть позади траншеи в ложбинку санитары перенесли лейтенанта и других раненых. Уже были и убитые...

Немного оправившись, Мисиров глянул на поле боя. Другой немецкий танк, отстреливаясь, отходил назад. Но по обе стороны от дороги, довольно стройными рядами, шла немецкая пехота. С нашей стороны, кроме орудия Василия, никто не стрелял. «Это хорошо, – думает комбат. – Поближе подпускают, значит паники нет, не боятся. Это хорошо».

А Элияс и его товарищи устанавливают орудие. На помощь артиллеристам подоспели и солдаты из ближних окопов.

– Пушка не испортилась, Элияс? – спросил Мисиров.

– Нет. Сейчас начнем стрелять.

– Хорошо. Постарайтесь поскорее! Вот бы не упустить и тот танк. И – смотри! Видишь, там, у леса, что-то они закопошились.

– Вижу, кажется, пушки притащили.

– Тогда надо поскорее ударить по ним, а то, если они «заговорят», нам недобровать.

– Это мы сейчас!

Комбат в несколько прыжков перескочил на другую сторону дороги, где стояло орудие Василия, и приказал стрелять именно по тому месту, где немцы устанавливали пушки. Василий и его товарищи оставили пятившийся назад немецкий танк и перевели огонь туда, к лесной опушке, где суетились немецкие артиллеристы. Вскоре начала стрелять и пушка Элияса. Видимо, не все снаряды уходили впустую: было видно, как забегали там немцы. Но в то же время еще две немецкие машины быстро съехали с дороги, волоча за собой пушки, развернулись, и стволы немецких орудий «глянули» на наших. Немцы забегали, отцепляя пушки и стараясь скорее их установить. «Вот сволочи, сейчас начнут стрелять. Эх, зря я на тебя понадеялся, Элияс!» – мысленно попрекнул земляка комбат.

И в этот момент возле одного из немецких орудий вздыбилась земля. Вот она осела, а немецкая пушка так и стояла на месте, но все равно настроение у комбата поднялось: «Давно бы так, а то ковыряешь землю где попало, – хоть одного фашиста, но ранил, наверное», – подумал он. В это время во рву перед орудием Василия разорвался снаряд. За мгновение до взрыва ребята бросились на землю. И вот теперь, недобрым словом помяная немцев, счищают с себя вонючую болотную грязь. Ком грязи угодил Василию прямо в правое ухо, разукрасив всю щеку.

– Так вашу мать, – ругнулся Василий, – нашли кого уродовать: и без вас не ахти какая у меня была рожа!

И Ахмат, и ребята рассмеялись. У Василия лицо было немного испорчено оспой, и он, видимо, думал, что выглядит действительно безобразно. А на самом деле он был парнем хоть куда, одна только стать его

стоит, как говорят балкарцы, целого села. Но смех товарищей еще больше обозлил Василия.

– Ха-ха-ха! Чего раскудахтались? Заряжай!

Стараясь подавить смех, ребята кинулись заряжать оружие. Между тем немцы были уже близко. Ударили наши минометы. Начали стрелять снайперы, по одному «выклевывая» фашистов. Те тоже, конечно, приблизившись к огневому рубежу, уже не лезут направо, а ухищряются всячески: продвигаются перебежками, стреляют. Теперь и наши уже не ждут, открыли огонь из всех видов оружия: из пулеметов, автоматов, винтовок. Бой разгорается вовсю.

Уже ударили и немецкие пушки. Снаряды рвутся везде – и не долетая до оврага, и в самом овраге, и на наших позициях. Забегали санитары – раненых становится все больше и больше. Немецкие снаряды и пули теперь все меньше уходят «куда-то», а все чаще и чаще разрываются на позициях батальона, свистят над окопами. Но все равно, потери должны быть не так уж велики. Люди ведь в окопах как-никак.

«До вечера-то уж выстоим, – думает Ахмат, – а там и наши успеют переправиться. А когда сунутся к реке, еще посмотрим – кто кого».

Но до вечера далеко. Ахмат глянул на часы – до темноты еще часов семь. А ночью, как известно, «арийцы» не очень-то охотно воюют. Они, чертovsky рыцари, видите ли, привыкли воевать только днем, а ночью вроде бы не положено, не принято. Как, наверно, и многие наши бойцы, Ахмат тоже выбрал себе двух-трех немцев, внимательно следит за тем местом, где они залегли, ждет, когда те встанут и кинутся вперед. И тогда он стреляет короткими очередями. И немцы падают. Только поди узнай – то ли они ранены или убиты, то ли просто залегли. Уже раза два «ахматовские» немцы вставали и вновь кидались вперед, когда, казалось, он их уложил навсегда. Ахмат немного нервничал – не верилось, что он не попал еще ни в одного фашиста, и вот он опять ждет, ждет, когда поднимется кто-нибудь. Чуть в сторонке поднялся и рванулся вперед другой немец, Ахмат машинально повернул автомат и дал короткую очередь. Немец упал. А в это время быстро поднялся и, пробежав пять-шесть шагов, вновь кинулся на землю один из «его» немцев. «Ну, сволочь, лиса! Посмотрим теперь, как ты еще раз побежишь!» – подумал Ахмат. Но он никак не мог разглядеть точно то место, где упал на землю немец. Мешали несколько стебельков травы, что торчали прямо перед его окопом. Держа, автомат в правой руке, левой он потянулся, чтобы сорвать эти стебельки. И в тот же миг, почувствовав острое жжение, отдернул руку. И тут же все его тело охватило какое-то обессиливающее тепло, и он присел на дно окопа. И только теперь он почувствовал боль. То ли инстинктивно стремясь остановить кровь, то ли от боли Ахмат, сжав правой рукой раненое место, так и сидел, скорчившись в окопе. Сейчас, когда вовсю разгорелся бой, когда повсюду свистели пули, рвались снаряды, стоял сплошной грохот, гул и треск, и звать санитаров, и выходить из окопа было бессмысленно. Вот если бы была выкопана траншея – тогда другое дело: сразу же нашелся бы санитар, а так... Но копать траншею было некогда. А теперь что? Как – что? «Руку, ногу не оторвало, голова цела, глаза видят. Только из-за того, что поцарапало руку, будешь сиднем сидеть, что ли? Ничего себе – комбат! Неужели успел забыть того парня-грузина Тенгиза, который даже с оторванной ногой сумел немного подползти к фашистскому танку и бросить в него гранату? А ты – слюняй... А ну встань, возьми в руки

автомат!» – так пристыдил комбат Мисиров раненого парня-балкарца, и тот привстал, взял в руки автомат. А по всему телу разлилась какая-то теплота, отвлекающая внимание, обессиливающая. Он поправил каску и, преодолевая боль, положил левую руку на диск, придерживая автомат. «Видишь, рука работает, значит кость цела, а ты...» – сказал комбат. Парень-балкарец, видимо, и сам понял, что его рана не такая уж серьезная – он воспрянул духом и слился воедино с комбатом.

– Вот так, дорогой. Коль дашь слабинку и выйдешь из «дела», то о каком балкарском батальоне может идти речь? А что скажет Половцев? – уже вслух сказал комбат Мисиров и дал короткую очередь по приподнявшемуся немцу.

И тут же удивился: ему показалось, что немец не вперед побежал, а назад, убежал вроде бы! Не веря своим глазам, он начал следить и за другими немцами. Действительно, все они, когда приподнимались, бежали назад, отстреливаясь. И опять, когда поднимались оставшиеся в живых, вновь бежали назад, а не вперед!

Бой затихал, а когда немцы удалились достаточно далеко, и вовсе прекратился. Только то там, то здесь разрывались снаряды.

Как только Ахмат выбрался из окопа и огляделся, то сразу заметил, что батальону нанесен значительный урон. Пушка Василия была безнадежно разбита. Василия самого не видно, но два его товарища лежат мертвые, наполовину засыпанные землей. Да и пушка Элияса почему-то стреляет не так часто. Санитары, а вместе с ними солдаты, перевязывают раненых, уносят и уводят их подальше от окопов, в более безопасные места – за бугорок, за кустарник...

Возле пушки возятся Элияс и солдат из батальона. Они даже и не заметили сразу Ахмата.

– Как дела, Элияс? А почему не видать твоих товарищей? – спросил Ахмат, притронувшись к руке Элияса.

– Ты жив, Ахмат! – он был так рад, что видит земляка живым после такого боя, что и не заметил его раны.

– А где товарищи?

– О них и не спрашивай, брат, – сказал Элияс упавшим голосом. – Ты живи долго: один убит, а другой тяжело ранен. Вон они.

Мисиров посмотрел туда, куда взглядом показал Элияс, и увидел их обоих. Подошел, посмотрел – и второй, которого считали раненым, тоже был уже мертв. Подтянул шинель, закрыл и его лицо.

С правого фланга батальона подошел комиссар. И сразу же заметил, что комбат ранен. Не теряя времени на пустые расспросы, он окликнул пробежавшего мимо санитаря.

Элияс, видимо, подумав, что санитар бежит на помощь к его раненому товарищу, показал тому рукой, где лежали оба его друга. Санитар подбежал к ним, но, увидев, что лица обоих прикрыты шинелями, остолбенел, не зная, что сказать, что делать. Он, конечно же, прекрасно знал, что прикрывают лица не раненых, а только мертвых.

– Зачем стоишь, как камень – там раненый, – крикнул, не выдержав, Элияс.

– Он уже умер, Элияс, – сказал Мисиров.

– Санитар, иди сюда! – позвал комиссар, и когда тот подошел, сказал: – Командир ранен в руку. Перевяжи.

Ахмат расстегнул гимнастерку, с помощью комиссара и санитаря вытащил руку из рукава, открыл рану.

И то, что Ахмат все-таки ранен, и друг, которого считал живым, уже мертв, так расстроило Элияса, что он так и остался стоять на месте, не в силах что-то сказать, что-то сделать.

– Не беспокойтесь, товарищ комбат, рана не опасная, пуля кость не задела. Полежите с недельку в лазарете – и все будет нормально, – сказал санитар, следуя неписанному закону военных врачей – всячески поддерживать дух раненых. Но сейчас, когда неизвестно, где лазарет, где что, а здесь такое творится – никто не осмеливается сказать комбату: иди, мол, в лазарет, ты ранен, лечись.

– Комиссар, санитарная машина в целости?

– Не знаю, я тоже только что с фланга иду, чтобы узнать, как тут вы.

– Машина в лесу, невдалеке, – сказал санитар – Комиссар, раненых надо отправить, как можно скорее!

– Хотя бы обстрел прекратился...

– Товарищ санитар, раненых сколько?

– Около двадцати, товарищ капитан.

– Сколько возьмет машина за раз?

– Всех можно вывезти – многие могут сидеть.

– Алексей Егорович, – обратился Мисиров к комиссару. – Сам, пожалуйста, проследи: как можно скорее надо отправить раненых. Шоферу скажи, чтобы немедленно возвратился. Да пусть узнает, как там дела: заканчивается ли переправа.

IV

Пусть не так часто, как раньше, но немецкие снаряды продолжают падать на позиции батальона, лишая возможности полностью прийти в себя после боя, оглядеться, без суеты позаботиться о раненых товарищах.

Комиссар собрал всех из санитарного отделения и подошел к раненым. К машине, что пряталась за березками у опушки леса, побежал солдат. Видимо, и шофер был начеку: солдат еще и до леса не добежал, а машина уже мчалась к нему навстречу.

– Ахмат, ради Аллаха, поезжай ты тоже с этой машиной. Чтоб дома что-то рассказать, пусть хоть кто-то из нас в живых останется. Ты ранен, тебя никто не имеет права обвинить в чем-то, – пристал Элияс.

– Не бойся, Элияс, мы еще вместе будем дома обо всем этом рассказывать. А сейчас перетащите все снаряды, что остались на той стороне у Василия: я тебе дам сейчас двух-трех ребят. Выдержим до вечера, а там, наверное, и сами потихоньку начнем отходить...

– Ахмат, судьбу страны ты один все равно не решишь, это...

– Товарищ сержант! Исполняйте приказ! – строго скомандовал комбат по-русски, и Элияс замолчал.

Из ближайших окопов комбат вызвал трех солдат на помощь Элиясу. Элияс отправил их перетаскивать снаряды с той стороны дороги.

– Если судьбу страны не я, не ты, не эти ребята, Элияс, тогда кто же решает, а? Скажи! Не вилай: скажи честно, как солдат!

Элияс, сорокалетний зрелый мужчина, грустно глянул на Ахмата. Взгляд его говорил: «Эх ты! А ты, оказывается, все еще мальчишка-комсомолец!..» И сказал:

– И это знаю, Ахмат...

– Но, коль знаешь, к чему тогда пустые разговоры? Здесь, среди всего этого народа, ты – единственный балкарец, и я думал, что ты подойдешь ко мне и по-нашему, по-горски, как старший младшему, скажешь: «Держись, джигит! Выстоим с помощью Аллаха! Не бойся!» А ты говоришь: «У тебя есть отговорка – беги, спасай свою жизнь!» Не ожидал я от тебя такого. Обидел ты меня, Элияс, оллахий, обидел крепко!

– Если бы ты знал, сколько ребят, красивых, молодых, высоких, словно сосны, полегли на моих глазах с начала войны!.. Слышишь, я не хочу, чтоб и ты... здесь...

– Спасибо за откровенные слова. Но сам знаешь, сейчас не такое время, чтобы мы друг друга жалели. Идет смертный бой с заклятым врагом, и нам только одно должно быть жаль – бросить под его ноги нашу родную землю, нашу страну. Если не мы, мужчины, кто остановит врага: женщины, дети?

– Не надо, Ахмат, ты заходишь слишком далеко. У тебя нет никаких оснований так со мной говорить. Что я, струсил, бежал или еще что?!

– Еще чего не хватало! Рядом со мной ты – единственный балкарец. Если что-нибудь такое сотворил бы, как тогда ты мне в глаза посмотрел бы? С тех пор, как ты рядом со мной, знаешь, я стал каким-то сильным-сильным, словно рядом со мной и село все наше, и горы наши, и все, все! Честное слово, я ничего с тех пор не боюсь!

– Клянусь Аллахом, я точно так же себя чувствую!.. Правой, здоровой рукой Ахмат крепко сжал плечо Элияса:

– Я знаю, ты не способен на трусость, на подлость, Элияс. Я о другом говорю. Слышишь? Попробуй только быть раненым, попробуй только погибни – тогда и на глаза мне не попадайся! Здесь, в этот трудный час, мы, горцы-односельчане, по таким пустяковым причинам не можем оставить друг друга. Это было бы нечестно! С каким лицом тогда мы предстали бы перед людьми Большой Балкарии?

– Не бойся, Ахмат, нам нечего будет стыдиться!

– Ну, давай, Элияс, готовься! Наши «друзья» не заставят себя долго ждать. Они, наверное, мечтают сегодня же прорваться к реке. Скучать им не давай – так, хорошенько прицеливайся и, не очень-то спеша, пошлай кое-что их артиллеристам. А я пойду, посмотрю где что, – и с этим Ахмат выскочил за насыпь. Когда ушел Ахмат, Элияс вздохнул с облегчением – фрицы-гады все старались «заткнуть глотку» единственной пушке русских и поэтому сюда снаряды норовили залетать почаще.

Комиссар, отправив, наконец, машину с ранеными, предполагая застать комбата, вернулся сюда, к «владениям» Элияса. Не увидев Мисирова, спросил:

– Где комбат?

– Туда пошел, – сказал Элияс, показывая рукой на правый фланг батальона.

– Дай, если есть, водички, сержант, – комиссар присел, вытирая потное лицо.

Элияс взял с «полки» флягу и протянул комиссару.

Комиссар, видимо, был культурным человеком: он не пил, как все, опрокинув флягу, с шумом, проливая на гимнастерку, а лишь пригубил, отпил два-три глотка, потом, слегка встряхивая, ополоснул то место, куда

прикоснулся губами, не спеша, аккуратно завернул крышку и лишь потом вернул хозяину флягу:

– Спасибо, сержант!

«До войны учителем, наверное, был», – подумал Элияс. А потом, безразличным вроде бы голосом, спросил:

– Таварыш комысар, комбат ранен, зачем его не отправили в лазарет?

– Да разве ж он послушается меня, – безнадежно ответил комиссар. Потом, как бы с надеждой, глянул на сержанта: – погоди, погоди! Ты же его земляк! Почему бы тебе не поговорить с ним?

– Говорил. Нет, говорит. Воевать надо – говорит. Кто немца бить будет, говорит.

– Ладно, сержант, попытаюсь. Ну, раз комбат ушел туда, я погляжу здесь, – комиссар тоже встал и пошел на левый фланг батальона.

Ахмат Мисиров, хотя и был уроженцем Большой Балкарии, после окончания школы прожил там совсем немного. В кошмарное время, когда чуть ли не весь народ стал «врагом народа», когда раскулачивали всех не нищенствовавших, ежедневно проводились высылки и аресты, беда не обошла стороной и род Мисировых. Сперва был арестован дед Ахмата Алий Мисиров как ярый враг народа и Советской власти. Он, как и прежде, говорил то, что думал: говорил, например, что у нас в горах установилась «неправильная» Советская власть, это, мол, не та власть, за которую боролись. А он ведь был участником Суканских событий, когда вся Большая Балкария поднялась на борьбу с Деникиным, был чуть ли не героем гражданской войны. Но все это не помогло – вспомнили, что был старшиной в царское время. А о том, что он, будучи даже старшиной, был фактически организатором народного бунта против князей Жанхотовых, вспоминать не стали. После ареста Алия угроза нависла и над всем родом Мисировых. Было ясно, что теперь среди этого рода, как и у других родов, попавших в немилость к власти, будут часто выявлять и «врагов народа», и «кулаков», и всякую такую «антисоветскую нечисть», пока не изведут его под корень. Старшие рода Мисировых, как и многие тогда, лихорадочно искали способы, дабы показать начальству, что они и не думают бороться ни с Советской властью, ни с законностью, ни с порядками, установленными в стране. Они и в самом деле не собирались ни с кем и ни с чем бороться, если даже кое-что им и не нравилось. По одной простой причине, которую они прекрасно понимали: штука, которая называется государством, всеильна, как сама природа, и борьба с ней бессмысленна. Как бессмысленно кидаться навстречу горному обвалу, пытаясь остановить его. Что надо делать во время горного обвала? В первую очередь надо подумать о том, чтобы остаться в живых. Правильно – для этого надо спрятаться у выступа скалы, если есть возможность. А если обвал – это Власть, то что может служить человеку «выступом скалы»? Правильно – доказательство лояльности к этой Власти. И старейшие рода Мисировых решают: Ахмата, внука Алия, послать учиться в военное училище, пусть будет офицером армии Советской власти. Кто тогда станет косо смотреть на род красного командира? Конечно, никто! И верные люди, у которых есть знакомые в краевом центре, везут Ахмата Мисирова и устраивают его в Ростове в военное училище. Одним из этих верных людей и был Мазан Киштиков, отец Элияса.

Но беда не стала ждать, когда Ахмат Мисиров станет большим красным командиром и заслонит собой, как щитом, весь род Мисировых:

вскоре семья Исмаила Мисирова, сына Алия, была раскулачена, а сам он, как враг народа, осужден на десять лет. Казалось, не миновать участи деда и отца и Ахмату – стоило послать лишь бумажку в училище. Так, мол, и так – сын врага народа обманным путем хочет пробраться в красные командиры, у вас, мол, пригрелся. Но тогда не успели это сделать. И Ахмат закончил училище, стал офицером, стал служить красным командиром в далеком Минске. Навещал родных не так уж часто – служба не позволяла. Но в отпуск непременно приезжал домой, в горы. И в каждый свой приезд, увидев вновь выстроенный то хлев, то навес для дров, то курятник, говорил матери: «Что же вы сами мучались? Могли бы меня подождать». В таких случаях мать не успевала и рта раскрыть, как тут же наперебой сестренки и братишки говорили: «Это Мазан построил! Это все Элияс сделал. Это – Бараз!» Хотя Элияс и Бараз были старше Ахмата, но они очень уважали его, словно он был старше них...

Да и сегодня, в этот трудный час, Элияс больше думает об Ахмате, больше боится за него, чем за себя. Если б это было в его власти, он бы убрал его подальше от этого ада, отправил бы с теми, кто уходил за реку; но вот беда – не он здесь командир, а Ахмат. А он, конечно же, не о таких вещах думает. Сейчас для него только одно является и главным и важным – это сдерживать врага, не пропустить его, пока наши не перейдут реку.

Вместе со своими новыми помощниками Элияс продолжает непрерывно обстреливать места скопления немцев, расположения их орудий, машин, но в то же время он постоянно думает об Ахмате. То он видится ему таким молодым, счастливым, как в тот раз, когда он впервые появился в селе в офицерской форме, то рубящим сухой сук на чинаровом дереве, когда они ходили за дровами. Но вместе с тем Элияс видит и то, что теперь немецкие снаряды падают на наши позиции все точнее и точнее, и то, что еще три-четыре немецких танка вышли из лесу и развернулись по фронту, и то, что немецкая пехота, готовясь к атаке, рассредоточивается по обеим сторонам дороги.

«Далековато, с такого расстояния по движущимся танкам попасть не так просто, мой друг, – говорит сам себе Элияс, – не лучше ли бить по неподвижным целям: по дороге, что выходит из леса, по их орудиям, по скоплению пехоты?» Он так и делает. Но, видимо, снаряды, посылаемые им, немцам особого вреда не причиняют. Только на дороге что-то задымило. Но из немецких пушек еще ни одна не перестала стрелять. Не торопясь, правда, но продолжают методично обстреливать наши позиции. Элияс прекратил пальбу.

– Немножко отдохните лучше, – сказал он. – Атака будет – работы много будет. Не будем стрелять, немец обрадуется – «рус капут» скажет. Черт с ним!..

Элияс и его помощники, достав свои припасы, решили пока подкрепиться...

V

Выпустив по два-три снаряда, умолкли и немецкие пушки. Видимо, немцы поняли, что попрытавшимся в окопах русским так, обстреливая наугад, особого вреда не причинишь. Да и их, русских, единственная пушка, что нервировала немцев, тоже, умолкла, наверное, выведена из

строя... Прошло около получаса. И комбат, и комиссар тоже уже вернулись в «штаб» – к месту расположения элиясовского орудия.

– Больно, да, товарищ комбат? – спрашивает Ахмата Элияс по-русски, надеясь, что в разговор вмешается и комиссар, и таким путем, всем вместе, удастся уговорить Ахмата отправиться в лазарет.

– Ничего. Просто мешает двигаться.

– Товарищ комбат, все-таки надо бы в лазарет. Рана, конечно, не опасная, но вдруг гангрена начнется – всякое может быть... Продержимся до вечера, а там, наверное, и мы начнем отходить, – действительно, как и думал Элияс, вмешался и комиссар.

Ахмат поочередно глянул на Элияса и комиссара, усмехнулся, давая знать, что он вполне разгадал их «сговор», сказал:

– До вечера теперь не так уж долго ждать, уйдем вместе.

В это время послышался гул со стороны немцев, и все настороженно начали прислушиваться. Вскоре на горизонте появились самолеты.

– Ах, вот кого они ждали, не начинали атаку! – сказал комиссар.

– Все по окопам! Возле орудия никому не оставаться! – приказал комбат.

У комбата окоп был просторный, и все трое – Мисиров, Шубин и Киштиков – прыгнули в него, остальные побежали к своим окопам.

Все считают самолеты.

– Девять бомбардировщиков, шесть штурмовиков и шесть истребителей, – сказал комиссар.

– Что это они столько послали? Небось подумали, что здесь целая дивизия, – сказал комбат. – Смешают нас с землей, сволочи.

– Неужели эта «честь» только для нас? – засомневался Элияс.

И вправду, нацеливаясь на позиции батальона, от стаи отделились лишь три бомбардировщика и три штурмовика. Остальные пролетели над окопами дальше – к переправе.

– Если не подоспеют «ястребки», плохи наши дела. Особенно у переправы, – едва комбат успел сказать эти слова, как слева начал «прошивать» наши окопы один из штурмовиков. А к тому моменту, когда штурмовик пролетал через дорогу, идущий за ним вслед бомбардировщик сбросил первые бомбы у левого фланга. Казалось, сейчас ничего на свете нет, кроме свиста пуль, глухих, мощных взрывов бомб, черного дыма, пыли и гари. Капитан Мисиров, старший политрук Шубин и сержант Киштиков, остерегаясь пуль, косым дождем несущихся со штурмовиков, прижались к южной стенке окопа. От ближних взрывов бомб окоп сотрясался, словно птичье гнездо на дереве от ударов топора. А когда пролетает штурмовик, пули почти беззвучно впииваются в стенку окопа, словно это не всамделишная война, а игра, и пули вовсе и не пули, а камешки, которыми обстреливают ребята из «вражеского» отряда. Но что странно: сейчас, когда, кажется, рушится весь свет, настало светопреставление, никто из трех ничего этого вроде и не видит. Сознание каждого из них сосредоточено на звуке пикирующего бомбардировщика, на вое летящей бомбы. Для человека, прижавшегося к стенке на дне окопа и прислушивающегося к пронзительному свисту падающей бомбы, время замедляет свой ход: за те секунды, пока сброшенная бомба долетает до земли, человек успевает прожить свою жизнь чуть ли не заново и много раз задать себе один и тот же вопрос: «На этот раз, кажется, попадет?» – и столько же раз ответить: «Нет, не попадет». Только после того, как взорвется бомба и начнут

барабанить по его спине и голове ключья земли, он вздохнет спокойно и скажет: «Слава Аллаху! На этот раз пронесло!» Когда вблизи взрывается бомба, пролетает над ними штурмовик, поливая свинцовым дождем, они так крепко прижимаются друг к другу, что кажется они – одно существо. Но мыслями все – и комбат, и комиссар, и сержант – в разных местах.

Всеми мыслями комбат сейчас там, где переправляется дивизия: успели перейти реку или нет, неужели, сволочи, опять разбомбили мост. Неужели эти бомбардировщики там, у переправы, все смешали с землей? Ведь, если не успели наши истребители, им никто не сможет помешать. Но временами, когда не воеет пикирующий самолет, когда не свистит летящая бомба, когда, все сотрясая, не грохочет взрыв, когда, тархтя пулеметами, не пролетает штурмовик, комбат улавливает отдаленный треск наших зениток у переправы, и тогда он немного успокаивается: значит, не удалось им все смешать с землей, наши отбиваются. Лишь после этого мысли комбата вновь возвращаются сюда, к своему батальону. Неужели погубило много ребят?! А кто знает, ведь редко же бомба может попасть прямо в окоп, наверное, потери не так уж велики, как я боюсь. Только вот эти штурмовики, гады, слишком уж старательно «прошивают» окопы... Когда же кончатся у них бомбы и пули, будь они прокляты!..

С тех пор, как началась эта проклятая война, как жизнь стала адом, комиссар вспоминает свою родную деревню, свой дом, семью, родных лишь в те редкие минуты, когда невозможно что-либо делать. Вот и сейчас выпала такая минутка. Вблизи взрываются бомбы, сотрясается окоп, пулеметные пули впиваются в стенки окопа, а он ничего этого не видит, не ощущает – он весь там, у себя в деревне, что на высоком берегу Волги-матушки. С началом лета жену и двухлетнего своего сынишку он отправил к матери. С Олей, смуглой и совсем непохожей на славянку украинкой, он познакомился три года назад в Минске. На свадьбе друга. А через неделю справили и свою свадьбу. А мать обиделась. Еще бы – в родном селе она давно присмотрела себе в невестки первую красавицу, Валентину, лишь ждала приезда сына. «Ты женился на первой встречной, которая кинулась тебе на шею, – мне не нужна такая невестка», – написала она и не приехала на свадьбу. Но позже, когда Алексей дождался отпуска и вместе с молодой женой приехал домой, сердце матери смягчилось. Оля не была такой, какой мать себе ее представляла: не красилась, не торчала часами у зеркала, да и по хозяйству управлялась без особых наставлений. И все у нее получалось ладно и красиво. А о разных там пудрах да помадах она и знать не знала – и без этого она была хороша. И вдобавок ко всему этому было в ней что-то родное, близкое. От душевной доброты, наверное. Как-то раз, когда невестка стирала, мать, любуясь ее ладной статью, не выдержала, спросила сына: «Алеша, и как это она тебе досталась – разве не было в этом большом городе красивых парней?» Алексей ответил ей тогда шутя: «А так ли легко, мам, отыскать на свете такого молодца-красавца, как я? Глянь-ка сама! – поправил гимнастерку, выпятил грудь. – Ну, чем не орел?» И обнял свою мать, радостную, немного растерянную от счастья.

Вспомнив это, комиссар улыбнулся. Сын, мать, жена, река, село на высоком берегу, словно смотрел кино, появлялись перед его глазами...

А мысли Элияса – о снарядах, о пушке. Не дай Аллах, чтобы в снаряды или в пушку попала бомба! Тогда им несдобровать. Ведь не успеют улететь эти проклятые самолеты, как немцы пойдут в атаку, а впереди –

какой разговор! – обязательно будут танки. Что тогда делать? На одних противотанковых ружьях далеко не уедешь. Да сколько их останется – кто знает? Черт, вот бы выбраться живым отсюда, а потом, коль соблаговолит Аллах, как-нибудь выстояли бы... Тот раз, кажется, уж слишком здорово рвануло, как бы бомба в снаряды не угодила...

Первым шевельнулся комбат. Он отряхнулся, встал на ноги, посмотрел на небо, как бы все еще не веря тому, что самолеты наконец-то улетели, но те уже исчезали за горизонтом. Взгляд комбата произвольно обратился в «ту» сторону, и он увидел, что все происходит так, как говорится в поговорке: «Да встретишься ты с тем, чего и боялся» – немцы шли в атаку, впереди, как и положено, танки.

Комбат выскочил из окопа, крикнул:

– Батальон, к бою!

Никто бы не сказал, глянув на то, что лежало перед взором Мисирова, что здесь может быть хоть одна живая душа, не то что батальон. Все вокруг было изрыто, исковеркано, искорежено, воронки от взрывов бомб были так близки друг к другу, что земля казалась выкопанным картофельным полем эмегенов.

Пушка Элияса разбита вдребезги, на том месте, где она стояла, остался только полузасыпанный ствол. Остальные части валяются то там, то сям, а одного колеса вообще не видно. Снаряды, разбросанные взрывом, засыпаны землей. Выходя из окопа, Элияс сразу же глянул в сторону своей пушки и, увидев то, что предстало его взору, так и остался стоять, не зная, что делать, что сказать. Потом беспомощно обернулся к Ахмату и, как ребенок, спросил:

– А что теперь мне делать?

– Как что делать? Возьми свою винтовку и готовься к бою! – сухо сказал комбат, словно речь шла о какой-то мелочной чепухе, удивленно глянув на Элияса. Элияс, ругая немцев-варваров на чем свет стоит, поплелся искать винтовку.

– Комиссар, ты иди к роте Заветаева, а я буду в этих местах, – сказал комбат и побежал вдоль окопов.

Слава Аллаху, в окопах кое-кто шевелится, приподнимается и отряхивается, может быть, потери не так уж велики. Говоря живым: «Давай, давай – быстрее! Готовься к бою!», раненым: «Потерпи немного, брат, сейчас прогоним немцев и отправим в лазарет», – комбат бежит от окопа к окопу. Кое-где, там, где был окоп, попадаются громадные воронки. Тогда Ахмат силится вспомнить беднягу-бойца, чей окоп находился здесь, и, боясь увидеть разорванные части тела, старается скорее, не поднимая глаз, пробежать это место.

Добежав до окопа командира второй роты капитана Подопригоры, он спрыгнул туда сходу. Уж лучше бы он в ад попал, чем сюда: раненый в нескольких местах, Подопригора уже умирал.

– Остап, Остап! – шепчет-кричит Ахмат, не зная, что делать, чем помочь, лишь машинально глядя его густые пшеничные волосы и стараясь поудобнее устроить-усадить капитана. А тот чуть заметно шевельнул головой, как бы говоря: «Оставь, дружище, займись лучше другими делами, а с меня уже, прости, толку не будет».

Остап, о силе и мужестве которого ходили легенды по всей дивизи-

зии, так и умер – тихо, без стонов, грустно глядя в глаза комбата, словно извиняясь за то, что выходит из боя, оставляя батальон в таком тяжелом положении.

VI

Назначив командиром роты лейтенанта Копытова, которого Остап сам очень любил, комбат добежал до третьей роты и прыгнул в окоп командира отделения сержанта Саранского, сюда же вызвал и командира роты.

Саранский, если б не началась война, осенью должен был ехать домой. Сам из Саратова. Хотя он и не был богатырского телосложения, но слыл сильным, смелым, к тому же был сметлив, умен.

– Ну как, сержант, здорово напугали немецкие самолеты? – спросил комбат. – Настроение твое что-то мне не нравится.

– Да и пугаться-то уже надоело, товарищ комбат. Уж месяц, как мы пугаными бегаем.

– И то правда. Трус – сто раз умрет, говорят. Вечно боясь, мы ничего не найдем. Раз война пришла на нашу землю, что делать? Хочешь – не хочешь, а воевать надо. Не боясь, стойко, до конца. На то мы и мужчины.

– Кажется, товарищ комбат, для боязни, навроде, и места уже нет.

Комбат не вполне понял сержанта, но его огорчило пессимистическое настроение командира отделения.

– Да разве ж можно так падать духом, сержант! На войне ведь всякое бывает. Разве до сегодняшнего дня мы не были под бомбежкой, в трудном бою?

– Вы меня не так поняли, товарищ комбат. Я говорю о том, что для боязни – ну, для отступления – места-то уже нет. Не будем же мы драпать до Камчатки? А до Москвы, кажется, два шага осталось. Куда дальше-то бежать?

– Это – другое дело, – ответил комбат. Потом, немного помолчав, добавил: – А Смоленск забыл? Коль мы поднажмем, немцы, по-моему, тоже не хуже нашего будут драпать! Разве не так?

– Так об этом я и говорю – давно пора! Забыли: «Пусть только попробуют сунуться!»? А они не только сунулись, но и по морде нам надавали как следует! Что же это мы ответа по-человечески не даем? Аль все еще думаем, что они нас на провокации толкают?

– Ну, это ты, сержант, чересчур глубоко копаешь. На такие вопросы ответы не сейчас, потом будем искать. А сейчас воевать надо. Вон – немец наступает. Как его остановить, как его отбросить назад, – вот о чем мы должны думать сейчас. И больше ни о чем. Понятно, товарищ сержант?

– Понятно-то понятно, товарищ комбат, но одно непонятно – раз мы «сильнее всех», чего ж мы тогда бегаем без передыху? Разве не обидно?

– Конечно, обидно. Правильно. Но злобу серою мы сейчас обязаны только на врагах вымещать – лупить их, как следует! Об остальном – забыть! Хотя бы до конца войны. Ясно?

– Легко сказать забыть...

– Вы меня вызывали, товарищ капитан? – присел у окопа командир третьей роты старший лейтенант Марченко.

– Каковы потери?

– Десять человек погибли, раненых – семь. Один пулемет разбит.

– Держитесь. Выстоим на этот раз – может, больше и не сунутся.

– Будем держаться, товарищ капитан.

– Товарищ комбат, к телефону! – донеслось из соседнего окопа.

– Если звонит командир, может быть, и наш полк начал переправу, – сказал комбат и побежал к своему окопу возле дороги, где был телефон.

– Слышали, товарищ старший лейтенант, – Подопригора убит.

– Что ты болтаешь? Кто сказал?

– Комбат.

Лейтенант долго молчал. Потом, заметив, что немцы уже приближаются, закричал с какой-то яростью:

– Рота! К бою! – и побежал к своему окопу. Комбата к телефону вызывала «Волга» – командир полка Половцев.

Он тревожился по поводу налета авиации противника – велики ли потери в батальоне? Мисиров сообщил, что, считая убитых и раненых, из строя выбыли около сорока человек, оба орудия разбиты.

– Наш полк начал переправу? – спросит комбат. Телефон так долго молчал, что Мисиров даже забеспокоился, не прервалась ли связь. Но, вспомнив, что связь только что была, и ничего, что бы ее прервало, не происходит, спросил в трубку: – «Волга»! «Волга»! Вы меня слышите?

– Слышу, слышу, что ты кричишь? – спокойно прозвучал голос командира, словно он стоял здесь же, рядом.

– Начал переправу наш полк, товарищ майор?

– Нет пока. Мост малость поврежден, чинят его. Немцы начали атаку?

– Начали, гады. «Волга», если у вас есть связь с той стороной, у меня просьба к вам.

– Говори.

– Танков у них многовато для нас. Пусть артиллеристы нам помогут немного.

– Хорошо, я поговорю. Если возможно – помогут, я свяжусь с командивом. А может, подкрепление тебе прислать?

– Лучшая помощь – это помощь артиллерии. С остальным и сами справились бы.

– Хорошо. Не буду больше тебя задерживать, успехов тебе, держись!

– Есть, товарищ командир!

– Что-нибудь случилось? – спросил Элияс.

– Немцы повредили мост, как бы нам здесь и на завтра не застрять.

– Починят, там народу полно... Коль надо – застрянем, что делать. Рана болит? Сильно беспокоит?

– Ничего, терпимо.

– Слава Аллаху, что кость не задело, – потом, глянув в сторону немцев: – Чего это они так упорно лезут? Ведь обычно, заняв какое-нибудь большое село, останавливались, так сказать, на перекур. А здесь – лезут и лезут...

– Хотят на нашей «спине» переправиться, потом сделать это будет нелегко...

– Но мы ведь тоже не безродные бродяги, чтобы дать себя так раскидать, растоптать.

– Это надо дать почувствовать им самим. Слов, конечно, они не поймут. Другим способом.

– Дал бы я им почувствовать, да только вот руки и ноги у меня связа-

ны – пушки-то нет. Ахмат, скажи, ради Аллаха, эта бутылка действительно может что-то сделать с танком?

– Очень даже хорошо поджигает, только сумей нормально бросить. Вон идут, «скажи» им, что хотел сказать.

А «они» действительно уже были близко.

После такого массивированного налета авиации навряд ли у русских кто остался в живых – так, наверное, думали немцы: они теперь не крались к нашим позициям перебежками, не прятались за танки и даже не рассыпались по всему фронту. Шли неторопливо, по обеим сторонам дороги, а некоторые даже прямо по большаку. Гул танков нарастал с каждой минутой. Наши бойцы неотрывно следят за ними, за этими темно-зелеными чудовищами, которые, неуклюже переваливаясь, неспешно, но упорно ползут и ползут на них.

Приказ комбата: «Всем, у кого нет противотанковых ружей, не спешить, не теряться! Дождаться момента, когда танк начнет спускаться в овраг, и тогда атаковать его всеми способами!» – с центра батальона, передаваясь от окопа к окопу, добежал до того и другого крыла обороны. Мисиров, положив автомат и правую руку на бруствер окопа, пристально смотрит за танками, за немцами, которые по мере приближения к нашим позициям все-таки начали осторожноничать: то пытались прятаться за танки, то, пригнувшись, перебежали скорее на новое, как им казалось – более безопасное, место. И тут Мисиров увидел прямо перед собой божью коровку, которая ползла вверх по соломинке, что одиноко торчала у окопа. «Откуда ты здесь взялась, бедняжка? – подумал Мисиров. – Летела бы ты лучше в лес, подальше отсюда». Божья коровка добралась до конца соломинки, начала было расправлять крылья для полета, но почему-то не улетела, а поползла обратно, вниз. Вспомнив детство, Ахмат преградил дорогу божьей коровке пальцем. Та, наткнувшись на неожиданную преграду, сунулась туда-сюда, но, не найдя другого выхода, начала взбираться на палец. Ахмат поднес божью коровку на палец поближе к себе и сказал:

– Ну, что же это ты не летишь, дружок? Или ты тоже ранен? – и начал внимательно осматривать ее.

А Элияс продолжал смотреть вперед, на забавы комбата он не обращает никакого внимания. А божья коровка, продолжая свой путь, добралась до рукава и, не зная, что дальше делать, на миг растерялась, а потом решительно пошла дальше по руке – под рукав.

Видимо, левая рука машинально потянулась, чтобы вытащить божью коровку из-под рукава, – острая боль пронзила Ахмата. Одновременно чувствуя и боль, и то, как божья коровка бродит под рукавом, щекотливо пробираясь куда-то, Ахмат стоял в растерянности, не зная, что делать.

– Что с тобой? – удивился Элияс.

– Это божья коровка под рукав забралась.

– Дай-ка руку, – Элияс расстегнул пуговицы на рукаве. Ахмат раз два слегка потряс рукой, стараясь стряхнуть божью коровку. Выждал. Под рукавом ее вроде не было. Боясь нечаянно раздавить букашку, оба осмотрели окоп – нигде не увидели. Тогда Ахмат опустил руку и немного постоял, не шевелясь. И тогда он почувствовал ее – она, приятно щекоча, спускалась вниз по руке. Вот она, наконец, оказалась на пальце. Ахмат поднес ее к соломинке и пересадил туда.

– Да ты, оказывается, просто дурочка, – сказал Ахмат. Видимо, божья коровка оскорбилась – она добралась до конца соломинки, распрямила

крылышки и улетела. Удивительно, она полетела не в сторону немцев, а к «своим», в сторону леса.

– Даже она улетает туда, где свои, – сказал Ахмат, просто так, не придавая своим словам особого значения.

– Она тоже, наверное, в чем-то разбирается, – вполне серьезно отозвался Элияс.

В это время раздался первый выстрел немецкого танка. И пошло. Танки шли вперед, беспрерывно стреляя из пушек и пулеметов. В «разговор» вступили винтовки, а потом и автоматы. Разгорался бой. Ахмат более удобно устроился с автоматом, приготовился, но стрелять не стал – немцы еще не подошли так близко.

Оставшиеся у наших два миномета внесли в ряды немецких автоматчиков довольно-таки ощутимую сумятицу, но они, рассредоточившись теперь по всему фронту, не обращая внимания на раненых и мертвых товарищей, упорно шли вперед, за танками.

– Да, были бы сейчас у нас пушки, храбрости вашей поубавилось бы, – сказал Ахмат, глядя на то, как немецкие танки беспрепятственно, словно на учениях, приближаются к расположению батальона. А Элияс, ничего не говоря, тщательно прицеливается. Ахмат почти уверен, что немецким танкам на позиции батальона не прорваться – есть и противотанковые ружья, и гранаты, и бутылки с горючей смесью. И опытных бойцов, что не раз встречались с танками, немало. Да и овраг перед батальоном – вполне серьезная преграда. Больше всего Ахмат боится того, что немецкие автоматчики, воспользовавшись тем, что в какой-то момент все силы батальона неизбежно будут отвлечены на борьбу с танками, смогут прорваться через овраг. Тогда...

VII

Теперь немцы настолько приблизились, что их можно «достать» из автомата. Как и другие наши бойцы, Ахмат тоже дожидается момента, когда из-за танка покажется немец, и стреляет по нему короткими очередями. Многие из немцев падают, но только трудно сказать что-то определенное: кто из них кинулся к земле заблаговременно, почувствовав опасность, кто упал, сраженный пулей.

– Ну-ну, что же ты теперь, сволочь, не вскакиваешь, не бежишь! – говорит злорадно Элияс. Видимо, по его вине там, в поле, кто-то «споткнулся», да так, что ему теперь не встать.

– Алан, где эти наши с противотанковыми ружьями? Почему это они хоть один из этих танков не могут остановить? – удивленно спрашивает Элияс, глядя на танк, который напротив них совсем уж близко подобрался к оврагу.

– Не беспокойся, Элияс, – поближе подпускают, наверное, – ответил Ахмат, хотя и сам уже недоумевал: все шесть танков давно уже вошли в зону поражения, но до сих пор ни один из них не остановился. И в это время над одним из танков появился дымок. «Сгоряча», видимо, он еще прошел немного и резко остановился. Танкистов, что пытались спастись, наши бойцы «поклевали» тут же.

– Вот это другое дело! – воскликнул Элияс.

Но танк, что несся прямо на них, так и шел по-прежнему неудержимо,

стреляя из пушки, стрекоча пулеметами. Расстояние между ним и окопами быстро сокращалось.

– Элияс, приготовь гранаты! Как только начнет спускаться в овраг, кинем вместе!

Винтовку и автомат поставили в угол окопа, каждый взял в руку противотанковую гранату. Смотрят. Ждут.

– Не глупи, Ахмат! Ты не сможешь и высунуться из окопа. Ты лучше будешь подавать мне гранаты, – сказал приказным тоном Элияс, впервые давая знать Ахмату, что старший все-таки он, а не Ахмат. Но потом, видимо, испугавшись, что Ахмат все-таки может вспомнить, что он комбат, и не подчиниться, добавил примирительно: – Если мы оба кинемся – будем лишь мешать друг другу. Понимаешь?

А сам и вторую гранату аккуратно уложил за бруствером, чтобы, бросив одну, сразу же схватить другую. Танк уже настолько приблизился, что за ним и немцев уже не видать: они лежат на земле, живые и мертвые. Живые, конечно, думают так: сейчас наш танк прорвется к окопам русских, те переполошатся, в это время поднимемся мы и им всем «канут». Вот танк теперь даже из пушки не стреляет, а только из пулемета – так он близок к русским. Танкисты, конечно, вполне уверены – они первыми ворвутся на позиции русских и начнут «утюжить» их окопы, расстреливать убегающих в панике солдат...

Элияс и Ахмат теперь не имеют возможности даже глянуть на танк – свинцовый дождь из него не дает и головы поднять. Элияс, видимо, всеми фибрами души прислушивался и к лязгу гусениц, и к рокоту мотора, и к треску пулемета: в какой-то момент он, оттолкнув Ахмата в сторону, выбросился из окопа и в тот же миг раздался грохот взорвавшейся гранаты, по каске Ахмата забарабанили комочки земли, осыпавшиеся со стен окопа.

– Элияс! – крикнул Ахмат, вскочив на ноги. Не обращая внимания, что пули пузырили землю возле окопа, как дождевые капли воду в луже, Ахмат наполовину высунулся из окопа, схватил Элияса за плечи и потряс изо всей силы.

– Куда лезешь? Назад! – Ахмат лишь на миг увидел разъяренное лицо Элияса: от сильного толчка он вновь оказался на дне окопа. Тут же раздался второй взрыв гранаты, и Элияс мешком свалился в окоп.

Первое, что после этой кутерьмы услышал Ахмат, это была ругань Элияса и его негромкие, сдержанные стоны. И сам Элияс не был таким живым и подвижным, как минуту назад. Он сидел, привалившись спиной к стенке окопа, выгнув ноги, словно семнадцатилетний парнишка, который впервые в своей жизни был на сенокосе и только что вернулся домой смертельно усталый.

– Ранен? Куда?

– Правая нога, повыше колена...

Ахмат заметил разорванное, потемневшее от крови место на пыльной штанине Элияса, быстро вытащил нож, оголил, промыл рану водой, перевязал.

– Сиди и не шевелись. Сейчас же, как только отобьем атаку, отправим в лазарет. На войне, братец, лишь бы в живых быть, а рана что – дело чепуховое. Заживет – и глазом не успеешь моргнуть.

– Дай попить.

Ахмат торопливо отвинтил крышку фляги, дал Элиясу. Встал, глянул «туда». На подходе к оврагу стояли, окутанные дымом, два фашистских

танка. А еще два отходили назад. И немецкие автоматчики, отбежав немного, быстро оборачивались, отстреливались, пятась, и вновь бежали.

Зазвонил телефон. Это была «Волга».

– «Эльбрус», ты?

– Я, товарищ командир.

– Как там у вас, на Балкарском фронте? Держитесь?

Командир в последнее время часто шутил, говоря «балкарский фронт», «балкарский батальон», обращаясь к своему преемнику Мисирову. Эти шутки были приятны.

– Держимся, товарищ командир. Ребята подождли еще три танка. Атака немцев отбита, они отходят.

– Как ты думаешь, сунутся они сегодня еще? Мост починили. Через час-другой и для нас настанет черед. Приготовь раненых к транспортировке – я пошлю и штабную машину. К вечеру надо вывезти всех раненых.

– Что там с артиллеристами, товарищ майор? Что они, еще не устроились, что ли?

– Все нормально. Просто на этот раз они не успели вовремя прийти тебе на помощь, проморгали танки. А потом, когда танки подошли к вам близко, испугались, как бы вас не накрыть. Теперь вам будет легче – они начнут действовать.

– Тогда хорошо. Если будет от них помощь, мы вообще можем здесь остаться, будем держаться.

– Гляжу на тебя и вижу: уж сильно тебе хочется сохранить свой «балкарский фронт» и остаться командующим. Нет, дорогой! Тогда ведь что получится: ты – командующий фронтом, а я – просто командир полка. Сам подумай, кто тогда над кем будет командиром?

– «Балкарский фронт» полностью в вашем подчинении, товарищ командир.

– Нет! В твоём подчинении. И держи крепко. А если серьезно, то попытаемся намекнуть комдиву. Артиллерия может теперь фашистов к вам и на пушечный выстрел не подпускать. Тут еще кое-какие штучки, говорят, прибыли... Тогда тем более. А-а?

Комбат не знал, что и ответить. Ведь и в самом деле: если наши решатся на контрнаступление, то этот клочок земли на этой стороне реки ох как нам будет нужен! Неужели на это есть какие-то надежды?! А что? Как говорит Саранский, «доколь?...»

– Что молчишь, комбат? Уже раздумал, что ли?

– Да нет, товарищ командир. Если надо, мы будем держаться. Если надо... Что слышно, товарищ командир?

– Говорят, ходят слухи, что немцев пора начинать лупить. А с каких пор эти слухи ходят – и сам знаешь. Ну, будь, я о твоём предложении дам знать комдиву. Так, мол, и так: Мисиров хочет отдельный фронт открыть.

Мисиров не успел ответить на шутку командира – тот уже положил трубку.

Бой затихает. Еще немного, ради приличия вроде бы, «поговорили» меж собой автоматы, винтовки с той и с другой стороны, а вскорости замолкли и они.

Ахмат выбрался из окопа, кликнул санитаря. Но еще никого не было видно. Видимо, как и всегда после горячего боя, солдаты присели прямо в окопах на минутку-другую, чтобы опомниться, осознать то, что они остались в живых.

Комбат выстрелил в воздух из пистолета. Видимо, многих до нетерпения раззадорило любопытство: кто же этот чудак, что проспал весь бой, а теперь, когда он кончился, принялся стрелять, – из окопов начали высовываться головы бойцов.

– Товарищи! Быстро помогите раненым! Осмотрите все окопы! Заметив двух санитаров, Мисиров позвал их. Элияса подняли из окопа, отнесли поодаль на травку, как следует перевязали рану. Рана была нехорошей – рваной, то ли от осколка собственной гранаты, то ли от разрывной пули. Наверное, Элиясу было очень больно, ни кровинки нет в лице.

– Потерпи, Элияс, потерпи немного, сейчас перевяжут всех раненых и быстренько отвезут в лазарет.

– Куда ж деться – потерпим. Не очень-то больно, – сказал Элияс тихо, облизывая пересохшие губы. – И ты зря отмахиваешься: пулевая рана – что ни говори – это не шутка. Не дай Аллах, случится заражение...

Но Ахмат прекрасно знал, почему это Элияс пугает его гангреной: он очень хотел, чтобы Ахмат, его соплеменник и односельчанин был подалее от этого проклятого места, где вольно гуляет смерть, где льется кровь. Вспомнив шутки командира о «Балкарском фронте», Ахмат хотел тоже шутливо ответить Элиясу: «А как же тогда балкарский фронт останется без единого балкарца?» Но воздержался – Элияс ведь не знал о словах Половцева.

– Вот переправимся, тогда и отдохнем несколько дней в лазарете. А сейчас мне нельзя уходить, Элияс. Да и рана моя – это разве рана? Так себе, царапина.

Вскоре прибыли и санитарная машина, и штабной грузовик. Бойцы погрузили на санитарную машину тяжелораненых товарищей своих, помогли легкораненым взобраться в грузовик. Прощаясь, Элияс еще раз попросил:

– Ахмат, ради всех святых, будь осторожен. Мы с войны должны вернуться домой живыми, а то... нельзя. Понимаешь? Тебе – тем более...

– Да ты что? – деланно, но вполне убедительно «удивился» Ахмат. – Да разве мы воюем для того, чтобы умереть? Мы с тобой еще на берегу Черка посидим, шашлык из черного барашка будем есть! Вот увидишь!..

– Посидим, да соблаговолит Аллах! Оллахи, точно так, как ты говоришь. Не забывай – договорились! – сказал Элияс, тоже стремясь расстаться с Ахматом вот так – в хорошем вроде бы настроении. Но слова свои он не смог подкрепить ни улыбкой, ни бодрым голосом.

Вот тронулись и машины. Оставшиеся еще долго, не говоря ни слова, смотрели им вслед.

– Бедняги, – сказал кто-то из бойцов, – говорят, в госпиталях и места-то для нашего брата не всегда сыскать. Как бы мыкаться им не пришлось...

– Кто бедняга, а кто – нет, это еще никому не известно, – многозначительно ответил ему пожилой солдат с рыжими прожженными усами – Петрович.

– Что, Петрович, боишься? – попытался поддеть бывалого солдата один из молодых.

Петрович ничего не ответил, лишь искоса посмотрел на него...

Известная читателям повесть М.М. Кармокова «Шихухэр иджыри мэI» (А тополя все растут) впервые была опубликована на кабардинском языке в 1977 г. Эта же повесть была издана в 1982 г. в Москве на русском языке, но уже как роман, который в разные годы издавался на кабардинском языке в трех книгах. В конце 2007 г. Издательский центр «Эль-Фа» выпустил третью книгу на русском языке из этой трилогии. Отрывок из нее предлагаем вниманию наших читателей.

Мухамед КАРМОКОВ

А ТОПОЛЯ ВСЕ РАСТУТ...

Главы из романа

1

Она произнесла это шепотом. Но для Фуада долгожданные слова прозвучали как гром среди ясного неба, перекрыв шум праздника, царившего на улицах Акуна.

«У нас тоже будет ребенок».

Замират так и сказала – «тоже», потому что увидела в глазах мужа неприкрытую боль и зависть, когда один из приглашенных, художник Заур, на вопрос, почему он без жены, ответил вопросом: а разве не знают они, что у них с Марят родился первенец?

Шумел праздник 60-летия Октября, радостно приглашала гостей директор Дворца культуры Замират, время от времени отыскивая взором в толпе свой свет в окошке – Фуада.

«У нас тоже будет ребенок...» Несколько слов, что прошептала ему на ухо любимая, казалось, перевернули всю жизнь. Лучшего подарка он и не желал. Не первый год он втайне надеялся, что Замират осчастливит его сыном или дочкой, и вот теперь, кажется, мечты начинают сбываться. Приемный сын, несмотря на все старания Фуада, так и не признал его отцом. Но теперь будет не так страшно, если вдруг упрямый мальчишка захочет уйти к родному отцу Мачраилу. И для Замират это станет не столь огромной трагедией – ведь теперь у них с Фуадом будет общий ребенок.

...Отшумел тот праздничный день, потекли дни радостного ожидания. Забылись мелкие огорчения, и между супругами установился прежний лад.

Но с какого-то момента все изменилось. Чем ближе к заветному сроку – тем радостнее становился Фуад и тем горше становилось на душе его жены.

Как ей дальше глядеть в его доверчивые глаза, ей, обманувшей его надежды? Нет, она не солгала ему, она сама обманулась! И ведь не сразу призналась ему, а лишь на второй месяц задержки, когда сама посмела поверить своему счастью. Но шло время, а она не ощущала в себе никаких перемен. Зачав Аслана, она едва ли не с первых дней все чувствовала, а тут... Как теперь объяснить Фуаду, что ошиблась, да и поверит ли он

ее оправданиям? Можно подумать, она стала бы небылицы выдумывать, словно малолетняя дурочка. И кого бы она тогда обманула, как не себя?

Потерявшая покой и сон женщина решила наконец съездить в Нальчик, к врачу.

На счастье или на беду, другого не дано.

Ожидая у двери кабинета, она гнала от себя тяжелые мысли, да не тут-то было. Особенно одна из них свербила в мозгу, перекрывая все прочие – мысль о сыне. Как забыть ей тот день, когда Аслан катался верхом с настоящим отцом. По всему видно – тот пытается покорить сердце мальчика, и это ему удается. А вдруг надумает отобрать? Что станет тогда с ней? От мужа детей нет, так еще единственное дитя потерять...

Замират вздрогнула и инстинктивно обхватила руками живот. «Боже, если ты не отвернулся от меня, удостой меня этого счастья! А если нет... что ж, и тогда жизнь не кончается, надо жить, жить ради Аслана, ради Фуада».

Такова, видно, доля ее, что счастье ее никогда не будет полным. Бог наказывает ее за пагубную страсть к проклятому Мачрайлу. О Боже, прости, нельзя так о нем, ведь он какой-никакой, а отец ее ребенка. И... первая ее любовь, оттого и споткнулась, и жизнь свою загубила. Хотела бы исправить все, да поздно, как ни живи скромно да с оглядкой, а печать позора не смоешь, и немало еще найдется желающих потрепать ее имя... Хотела, чтобы у мальчика был хороший отец, да он так и не подпустил к себе ее мужа. Хотела, чтобы он знал не знал настоящего отца, а он тянется к нему все сильнее день ото дня... А до чего пригож стал, вылитый отец, куда от этого денешься. Вот уже и на девочек заглядываться стал, вырастет, небось, такой же сердцеед, весь в родителя... Только бы злосчастную судьбу его не повторил, не приведи Господь!

А что оно есть-то, это самое счастье? Поэты, мня из себя знатоков, выдают разные формулы счастья, типа «стремление к счастью и есть счастье». И все заблуждаются! Вот она, Замират, только и делает, что стремится, да все никак не дотянется. А другой выразился еще проще: «Счастье – это радость». Какая глупость! Она вот радуется едва ли не каждый день – ее Дом культуры похвалят, кто-то из воспитанников успеха добьется, в космос новую ракету запустят – все в радость. А при чем тут счастье?

Даже с любимым жить – и того мало для счастья. Даже любимые надоедают, приедаются. Для полноты счастья Бог дает детей. Вот высшее предназначение женщины! Это изначально заложено в самом строении женщины – ей природой дана грудь не для того, чтобы мужчин тешить, а чтобы детей выкармливать.

Женщина всегда стремится к красоте, это естественно. И разнообразные ухищрения, к которым прибегает она, – косметика, короткие юбки, дорогие наряды – все в конечном итоге сводится к одной цели: ей нужно во что бы то ни стало привлечь внимание мужчины и зачать от него ребенка. Все просто и старо как мир! Вот и вся загадка любви, над которой бьются поэты. А все прочее – лишь миг сладостного обмана, в который веришь в юности и оплакиваешь в старости...

– Если вы ко мне – заходите, – услышала она голос и вздрогнула. К ней обращалась врач, миловидная немолодая женщина. – Ваша очередь.

Замират и не заметила, как подошла и прошла ее очередь. Занимавшая за ней посетительница, войдя в кабинет, призналась все же:

– Вообще-то я без очереди... Там женщина сидит, задумалась так, слезы на глазах, и за живот держится. Может, позвать?

Врач сама встала и пригласила пациентку.

Замират взяла себя в руки и без утайки рассказала о своих тревогах. Опытным глазом доктор уже определила истину, но для порядка велела ей раздеться для осмотра. Не без зависти засмотревшись на цветущее тело молодой женщины, тщательно ее обследовала. Первое предположение подтвердилось. Замират с немым вопросом смотрела врачу в глаза, та молчала, боясь расстроить бедняжку. Наконец сказала напрямик:

– Значит, так, милая Замират. Беременности у вас нет.

– А вы не ошибились? – обреченно вышептала женщина.

– Увы, нет. Но не надо отчаиваться. Вы молоды, родите еще не раз...

2

Несколько последних лет для акунцев, да и для всего района, были особенно стремительны и полны перемен. Забрали из района первого секретаря райкома партии Абазова, дали должность в Большом доме, правда, никто не мог толком сказать, повысили его или наоборот. Одно дело, когда руководишь конкретным районом, тут все понятно. С другой стороны, править вожаками всех районов не менее почетно, если только самому мало не покажется власти. Как бы там ни было, бывало в партийной работе неписаное правило: хорошо зарекомендовавшего себя на одном месте работника без объяснений переводить на другую должность.

Есть поговорка: «Похвали старое и выбери новое». В случае с ушедшим Абазовым и сменившим его новым главой района это выражение не подходило. Бывшего главу все еще не устали хвалить, а нового хвалить было пока не за что. Назначенного Асланукова Шафига Тутовича не воспринимали пока за своего хотя бы потому, что родом он был из другого района, а значит, не может он еще ни села свои подопечные знать, ни людей, ни даже своих работников. В первые месяцы народ неохотно шел к нему на прием, предпочитая не особо популярного ранее Боранова Хабижа, председателя исполкома. Первый был неприятно удивлен. «Не успели еще узнать», – поясняли одни. А другие просто пожимали плечами. Просочился слухок, будто Боранов объяснял это по-своему: «Люди идут к тому, кого признают». Может, и наговаривали на человека, но было известно, что он сам претендовал на должность первого секретаря.

Аслануков, недолго думая, определил приемные часы и сделал непременным условием присутствие на приеме и председателя исполкома. Пару раз пришлось его и на место ставить, не без этого, но вскоре между ними установился негласный закон: руководитель – один, все прочие ему подчиняются. Боранов понял это без слов и безропотно отступил.

Труднее пришлось новому назначенцу с председателями колхозов. Одно слово – крепкие орешки, настоящие хозяева своей земли. Им ничего не стоит через голову райкома направиться прямо в обком партии или совмин и самим повернуть любое дело. Поди укроти таких.

Его предшественник Абазов, человек высокообразованный и умудренный жизненным опытом, умел ладить с подчиненными, никогда не стеснялся попросить у них совета, прислушивался к их мнению, чем и завоевал непререкаемый авторитет. Аслануков же не собирался церемониться ни с кем. Его слово – закон для всех, таково было его убеждение.

Каково же было негодование первого секретаря, когда на бюро его предложения не только не принимались единогласно, а даже бурно обсуждались и оспаривались! Он пытался опереться на полноту партийной власти, только вот где он, этот ключик к верным решениям, как пользоваться им, чтобы замок не заклинило?

После безуспешных споров он, желая исправить положение, делал попытку сойти за простого, в доску своего парня, и это выглядело довольно смешно. Нет, находились и подпевалы, готовые всегда брать под козырек, однако в целом отношения с людьми у первого не складывались.

Впрочем, были у него и явные достоинства. Как и его предшественник, Аслануков не ведал лени, не восседал в своем мягком кресле дни напролет. Спозаранок можно было увидеть его то в одном хозяйстве, то в другом. Бывало, зайвится без предупреждения на полевой стан, в учреждение, в школу, встретится с людьми, заглянет в магазин, а то и на базар. Пользы, правда, от этих визитов было немного, и вообще попахивало его рвение показухой. Не то чтобы он не умел разговаривать с людьми, но не западали в душу его слова, не грели. После таких порывов первый секретарь опять возвращался к своему излюбленному стилю – давлению, грубости, а порой и беззаконию.

Одним словом, непогодилося в районе, порывы грозowego ветра достигли всех сел Баксанского ущелья, а кое-кого и вовсе сносило. Многие лишились своих должностей, многие отделались легким испугом.

Быстрее других нашел общий язык с районным главой председатель акунского колхоза «Ошхамахо» Наурзоков Муаед. Во-первых, оба назначены недавно, значит, и пререкаться особо не о чем. Послушание – вот все, что нужно руководству, а Муаеду это ничего не стоит. Тем более, что помнит он за собой грешок, известный пока только ему...

С партгоргом Фуадом работал Муаед на первых порах душа в душу. Хотя оба помнили, что после снятия прежнего председателя Хасбия на этот пост рекомендовали именно Фуада. Но это не мешало их отношениям. Сложность могла быть в другом. С самых верхов и донизу реальная власть была в руках партии. Но в колхозе все становилось наоборот. Председатель руководит хозяйством, людьми, а партком – это лишь безобидный придаток. Так было везде, но вот с Фуадом подобное не проходило – он не позволял умалять роль партии. Потому не поладил он с Хасбием. Его поддержал тогда первый секретарь райкома. Хасбий, намеревавшийся единолично править селом и колхозом, был повержен, с противостоянием покончено, и хозяйство вскоре из средних вышло в передовые.

Это было в прошлом. Сменился первый секретарь райкома, а других перемен, в сущности, и не предвиделось. Где-то в ЦК созревали жесткие решения, их спустили по инстанциям, и на места они приходили несколько поблекшими и утратившими свою жесткость. Между тем жизнь становилась труднее, в народе нарастало недовольство.

Что руководить, что подчиняться – все стало нелегко. Но деваться некуда, надо жить, работать, находить входы-выходы, а уж коли отвечаешь не за себя одного, а за целое село – куда деваться. Муаед понимал с самого начала, как нелегко будет ему сработаться с этим упертым правдолюбом Фуадом. Для него ведь существует только черное и белое, а жизнь-то на самом деле сложнее. Но поди объясни это человеку, который отказался на похороны отца взять упитанную телку, выделенную колхозом за полцены. Уговаривали, как могли, хотя бы из уважения к председателю принять

скотину. Ни в какую! Неизвестно, мол, когда и как припомнит ему эту услугу председатель.

Но теперь наступают новые времена. И выжить в них, судя по всему, легче будет Муаеду и ему подобным. Он не станет перечить районному начальству, как делал это по недомыслию Хасбий. Теперь, при Асланукове, он, возможно, и откроет свои потаенные мысли. Только не сразу, а погода да с умом. Нет, он вовсе не хочет прослыть негодяем, не сработавшимся с другом – в конце концов председательский пост он получил именно благодаря Фуаду. Но время все расставит по местам. И он добьется своего, он будет полновластным, несгибаемым хозяином в своем селе. Главное, идти правильным путем. Он этот путь уже нашел – полное согласие с новым главой района.

На фоне старых независимых хозяйственников, разбалованных, как считал Аслануков, прежним секретарем райкома, молодой акунский председатель нравился ему все больше. И получалось, что к райкому ближе становился председатель, а парторг оставался в тени. Впрочем, это происходило само собой, без особых на то усилий со стороны Муаеда. Видит Бог, он хочет ладить с Фуадом и уж вовсе не желает его затереть, но пусть и тот будет попокладистее, пусть знает свое место, станет послушной опорой председателю, и уж тогда их колхоз преодолет все трудности лихолетья и вырвется вперед лучших хозяйств района.

Вслух такое не произносится, но разве чувства и глаза обманешь? Фуада, конечно, огорчали перемены в друге, но допустить открытого противостояния он не мог. Ведь тогда обрадуются враги, в первую очередь Хасбий, который не преминет попенять парторгу: и с этим не сработался. Муаеду были понятны душевные муки друга, и он умело пользовался ими. Главное, выверять каждый шаг, а там – время покажет.

3

Это он, Жемухов Мачраил, тот самый, что в день похорон Альмажан стоял, а потом и лежал мертвецки пьяным на прикладбищенском кургане. Но сегодня он трезв. Он трезв целую неделю.

Сколько раз приходил Мачраил на эту возвышенность, чтобы снова и снова окинуть взором погост и остановить взгляд на могильном камне Альмажан. Он виден издали, как сноп белого света. На камне ее изображение, сделанное художником Зауром, но перед глазами Мачраила – не увядшая от болезни старая дева, а восемнадцатилетняя красавица, которая порхала на крыльях их любви.

Он и сам теперь мужчина на пятом десятке, а выглядит еще старше. В руке по-прежнему зажата уздечка верного гнедого, шествующего с ним рядом по его многотрудной жизни. Это тот самый гнедой, что победил на колхозных скачках в день праздника 60-летия Октября. Только теперь он пообтрепался, как и его хозяин, огненный взор затуманился, чуткие уши обвисли, а на резвые когда-то ноги он все чаще стал припадать.

Он переводит усталые глаза с портрета на камне на ряд тополей, высящихся над селом. «Двадцать тополей Альмажан» – так зовут их сельчане по привычке, хотя стало их теперь на один меньше. Засохший тополь акунцы сочли напоминанием о безвременной смерти посадившей эти деревья бедняжки и через несколько лет срубили. Теперь Мачраила

преследовала навязчивая мысль: засохнет еще один тополь – он умрет, а может, наоборот, с его смертью погибнет еще одно дерево.

Могучие деревья с некоторых пор стали местом паломничества новобрачных. Молодые со своими друзьями непременно приезжают сюда в день свадьбы. Некоторое время стоят молча, но мысль у всех одна: пусть не постигнет этих влюбленных участь Альмажан. Пусть память о ее чистой и верной любви станет защитой их счастья. Так повелось, что на скамейке под тополями оставляли угощение и сладости со свадебного стола. Их с радостью забирали окрестные ребятишки.

...Мачраил пришел сегодня на возвышенность неспроста. Он поставил себе цель, от которой зависела жизнь его и смерть. Хватит у него духу осуществить ее – значит, жизнь переменится и, может быть, расщедрится даже на кусочек счастья, а если нет – тогда и жить незачем. Это была давняя задумка, и лишь теперь он, кажется, посмел к ней приблизиться. Он слышит глас своего измученного сердца и вторит ему, он вынашивает в нем страшную клятву на виду у всего села, у душ предков, витающих над погостом.

Мачраил отвязал притороченную к седлу бурку, развернул и постелил перед собой. Снял с седельного крючка ружье и, устроившись на бурке, приставил дуло к сердцу. Потянулся пальцем к курку – достает. Нажал – щелкнуло глухо незаряженное ружье. Вот так, может, и будет в урочный час. Если только не пересилит он себя. Он почувствовал, как дернулось веко, и невольно усмехнулся, вспомнив старика Мазана. К его имени в народе добавляли прозвище – Мазан-моргун за постоянное подергивание глаза. Бывало, зашедшие в его магазин женщины поднимали шум, – оно и понятно, незачем подмигивать порядочным женщинам. А Мазан непрестанно оправдывался – и не думал подмигивать, а глаз у него дергается со времен банд, когда приставили к его сердцу ружье, да к счастью осечка вышла. А нервный тик остался на память о том дне.

Мачраил подавил улыбку, нажал снова курок, потом еще. Отложив его в сторону, достал из нагрудного кармана патрон, каким на кабана заряжают. Взвесил на ладони тяжелый кусок смерти. Вставил в ствол, примерился еще раз, но стрелять не стал. Вздохнув, вынул пулю, вернул ее в карман, мысленно обращаясь к ней: «Что ж, надеюсь, не судьба нам с тобой встретиться, и Всевышнего о том молю...»

Он встал во весь свой немалый рост и, обратясь лицом к чистому солнечному свету, заговорил громким, твердым голосом:

– Богом Единым, под которым все ходим, могилами моих прародителей и ребенка, похороненного моими руками, любовью моей к бедняжке Альмажан, единственной радостью моей – сыночком Асланом и всем, что еще дорого мне в этом опостылевшем мире, клянусь не пить с этой минуты. А еще клянусь: если не сдержу слова – пушу себе в сердце вот эту самую пулю. Жизнь всякому дорога, не спорю, но жить без чести я больше не стану. Услышьте меня, мертвые и живые! Услышь меня, весь мой народ адыгский, которого я недостоин. Господи, всеми просимый и никого не просящий, дай мне силы преодолеть эту пагубу. Ты всего мне дал, Боже, сверх меры – здоровья, силы, мужества. А я растранижил все дары твои... И все же хочу жить. Не дай мне сойти в могилу так, чтоб вслед мне сказали: вот человек, пришедший в мир по недоразумению и так же из него ушедший... Я жить хочу ради всего, чего сам же себя лишил. Я жить хочу для моего Асланчика, ради того, чтобы стал он счастливее

своего непутевого отца. Ради загубленной любви жить хочу, назло водке, лишившей меня ее. Ради того, чтобы увидели насмешники, что не хуже я никого и не ниже...»

Не впервые Мачраил бросал пить. Держался, бывало, месяц, другой, а то и полгода. Потом срывался. И доктора были бессильны. Он и теперь не был уверен. Потому закрепил одну клятву другой, более страшной. Если достанет воли, тогда он попытается осуществить другую свою мечту, столь несбыточную сегодня, что кажется безумной. И запрятана она на самом доньшке души.

4

Он не стал спускаться по дороге, ведущей в село, а свернул, все так же держа под уздцы своего гнедого, на извилистую тропу, обвившую гору с тыльной стороны. Вновь и вновь Мачраил вспоминал случай, ставший причиной сегодняшнего его отчаянного порыва.

Неделю назад в роду Жемуховых случилось горе. Трагически погиб молодой, здоровый парень, которому жить бы да жить. Горевала не только большая родня – все село было потрясено. На иные похороны люди ходят из чисто формального сочувствия да чтоб посудачить, мужчины – о том, кто что построил и на какие средства, женщины – о том, у кого какая сноха да чья свекровь злее. Тут было не до пересудов. Скорбное молчание стояло во дворе, а в доме ни на минуту не утихали плач и причитания. Мать покойного держалась достойно, но и ей отказали силы, пришлось вызывать доктора.

Мачраил хранил молчание, как и все, но водкой от него разило за версту. Люди с негодованием шарахались от него, эфенди, славившийся своей степенностью, еле себя сдерживал. Он был не из тех священнослужителей, которые стараются поскорее провести печальный обряд и, отряхнув прах со своих ног, вернуться к мирским делам. Хажмурза-эфенди верил в святость своего долга перед Аллахом и семьей умершего, ибо именно ему, эфенди, надлежит блюсти Божий закон и охранять честь доверенной ему семьи до тех пор, пока не будет предано земле тело покойного. За это он в ответе перед Всевышним.

Хажмурзу-эфенди передернуло, когда Мачраил встал в ряд ближайших родственников, к которым подходили соболезнующие. Пытаясь делать дуа вместе со всеми, он с трудом поднимал руки к подбородку, а иной раз даже не мог ответить на рукопожатие. Кто-то из родни отвел его в сторону и хотел объяснить, что ему лучше не стоять здесь, но он капризно вырвался и вернулся на место. Его оставили в покое – все знали, что с пьяным Мачраилом лучше не спорить. Только бы не рухнул, не опозорил всех вконец. Так и случилось. Его унесли долой с глаз людских. Наблюдавших переполняло сочувствие: какого сына хоронит этот род – и какой сын у него остается...

На второй день после похорон Мачраил снова пришел. На сей раз он не был пьян, но его трясло от тяжкого похмелья. На осунувшемся лице лихорадочно блестели большие глаза. Улучив момент, эфенди упрекнул его:

– Как же ты, безбожник, смог напиться вчера посреди такой великой скорби!

– Не по своей воле, – глухо выдавил из себя Мачраил, бессильно опуская глаза.

- Как это – не по своей! Насильно в тебя никто не вливает!
- Разница невелика...
- О чем ты?
- Да сидит внутри меня кто-то и требует: лей да лей! – Он постучал себя по груди.
- Не знаю, чем, но прогневал ты Аллаха, несчастный, – покачал головой эфенди. – За грехи свои несешь наказание.
- Видно, так...
- Да ты бы задумался хоть – чего ради мне за свои же деньги разум свой пропивать?
- Не понять тебе, Хажмурза-эфенди. Тебе не понять пьяницу, мне не понять эфенди.
- Выходит, о разном говорим?
- Не то чтобы... Но не могу я, не получается! Сколько раз пытался, один раз семь месяцев не пил.
- Ах, несчастный, – в голосе эфенди гнев сменился сочувствием, – так и есть, прогневал ты Аллаха, и шайтан одержал над тобой верх.
- И где он, этот шайтан? – стуча зубами, Мачраил сжал кулаки. – Попадись он мне... Ненасытный, все нутро мне высосал, а все мало, все требует: еще! еще! Только глотну – успокоится ненадолго, даже ласковый становится, а потом опять... Что же мне делать прикажешь, эфенди? Хоть из-под земли достану, а свое выпью, иначе никак.
- А если не найдешь?
- Коня своего продам, а водку куплю.
- А если водка исчезнет? – продолжал эфенди пытаться несчастного.
- Если водка исчезнет? – Он задумался, пожал костлявыми плечами. – Тогда я... погибну.
- О Аллах, – опечаленно выдохнул Хажмурза-эфенди. С этим пропащим человеком нет смысла спорить, но не может же он, поверенный Всевышнего, оставить заблудшего в его заблуждении, чтобы он и дальше продолжать верить: без водки – смерть! – По тебе, сын мой, понятно, почему Пророк запретил своим последователям спиртное. Он запретил человеку губить себя, дурманить себя, лишать себя воли! Ты, даст Аллах, еще до этого не дошел. Шайтан внушил тебе, будто без водки жизни нет. Верь в Аллаха и в Пророка Его, вера придаст тебе силы победить шайтана. И не умрешь ты без водки, глупости это. Представь, что запрут тебя в доме, где есть все, кроме водки. И что, умрешь? Ничего подобного! Попробуй-ка начать все заново. Найди в себе силы стать прежним – здоровым, красивым, работающим. Пожелай – и сбудется! Помоги тебе Аллах!
- В тот день они – почтенный эфенди и горький пропойца – разошлись с болью в сердце.
- А через неделю он взшел на холм и рядом с могилами, на виду у всего села дал клятву... Он слышал слова эфенди. Он видел полные слез глаза сынишки, когда явился тот ко вновь обретенному отцу с клочком бумажки, где Мачраил собственноручно отказался признать его сыном. Этот отказ Замираг хранила до сих пор и показала Аслану лишь однажды, испугавшись вспыхнувшей в душе ребенка любви к настоящему отцу. Теперь вот мальчик выкрал это страшное свидетельство у матери и принес Мачраилу.
- На обидное слово, на удар можно ответить тем же и успокоиться.

А как же быть с бесконечным чувством вины, которое преследует тебя неотступно... Он всегда помнил о том роковом дне, когда росчерком карандаша отказался от родной крови. Но видеть доказательство своей подлости в руках у сына – это оказалось ни с чем не сравнимой болью.

Своим недетским умом Аслан понимал: родной отец, к которому он начал привязываться, либо останется с ним навсегда, либо исчезнет из его жизни. И потому в сердце мальчика не было жалости к нему: он нанес отцу второй удар, протянув районную газету. Мачраил с ужасом вчитывался в неуклюжие стихотворные строчки, написанные его племянником Альбеком – тем самым, которого Альмажан когда-то вытащила из реки. Он не называл имени дяди, но весь Акун догадался, о ком это стихотворение:

Когда-нибудь тебя угробит водка,
Придут с тобой проститься алкаши,
Схоронят второпях и разбредутся.
Тебе же станет тесно в темной яме,
И выйдешь вновь с кабаньей головой
На землю, что собою испоганил.
На твой могильный камень будут люди
С насмешкой облегченной тыкать пальцем,
Тогда, быть может, вспомнишь, что творил,
И сколько горя близким причинил...

Не в силах дочитать стихотворение, бледный, как полотно, Мачраил обессилено опустил на землю...

5

Даже в те времена, когда ее доброе имя было втоптанно в грязь и рядом с ее именем непременно стояли слова «родившая без мужа», Замират не испытывала большего отчаяния. Оно и понятно: тогда она была молода, полна сил и решимости бороться за свое счастье. Любимая работа помогла завоевать расположение сельчан, но самое главное – она любила и была уверена: у них с Фуадом будут свои дети, и все плохое останется в прошлом.

Теперь же она понимала, что с этой мечтой придется проститься. У Фуада не было детей и от первой жены Ларисы. Значит, дело в нем. Но как сказать любимому мужчине, что бесплоден, скорее всего, он, и надо бы провериться у врача... Впрочем, он и сам понимал. Супруги не говорили на эту тему. Отношения между ними оставались нежными, а это самое главное. В конце концов, у них есть сын Аслан... Но мальчик подрастал и все более отдалялся от отчима.

Да, Замират сумела вернуть себе доброе имя, но вот Аслана нет-нет да обзывали «незаконнорожденным». Однажды он побил обозвавшего его мальчика, был крупный скандал, так что Аслану пришлось признаться матери, почему он полез в драку. Умолчал, правда, о том, что обидчик посоветовал ему вернуться к настоящему отцу Мачраилу, и тогда его перестанут обзывать.

Впрочем, Замират оставила попытки отвратить сына от отца. Только

бы не пропал он между ними, только бы по кривой дорожке не пошел. Если подрастет, женится и будет жить отдельно – что ж, и на это согласна мать. Рановато, конечно, об этом думать, но время-то идет быстро. Аслан в школе среди лучших во всем, да и матери в клубе он первый помощник. Перед мероприятиями или перед кинофильмом до открытия занавеса он играет со сцены на своей самодельной свирели, так что многие приходят в клуб, чтоб его игру послушать. Да, мальчик сейчас в самом сложном, переходном возрасте. Пока все идет ладно, умом и силой он не обделен, но все же повышенное внимание ему требуется именно сейчас, когда он на распутье. Иногда родители упускают этот момент, а потом горько каются. Замират сама привыкла держать удары судьбы и не хотела, чтобы Аслан вырос слабым. Пусть он сумеет противостоять любым испытаниям не хуже, чем его мать, и пусть сложится его жизнь лучше, чем у нее. Она готовит своего сына к большой жизни и не пожалеет для этого ни сил, ни времени, ни тем более внимания. Ей-то, рано осиротевшей, хорошо известна цена материнской ласки. Да, от Аслана отказался отец, но она постарается дать ему больше, чем дал бы ему любой отец. До сих пор она жила для него и тем была счастлива. Вот если бы не страдала она от невозможности родить второго ребенка для Фуада...

Замират не из тех, кто опускает руки и упивается своими страданиями. Иначе не получилось бы у нее ничего и в семье, и в работе, за которую, кстати, присвоили ей звание «Заслуженный работник культуры».

Все у них с Фуадом ладно в семье, дом – полная чаша, только вот пустовато стало в большой усадьбе с того времени, как схоронили отца и мать Фуада с разницей всего лишь в полгода. Занятые своей работой супруги да мальчик не могли держать столько скотины, сколько было при стариках, но за садом – в память об отце – Фуад ухаживал старательно, и труд его, надо сказать, окупался.

Да, для жизни у них есть все. Только маловато этого для полного счастья. А представление о счастье у каждого свое. Это нечто высокое, недостижимое, никем не разгаданное и оттого еще более желанное, к чему стремишься – и не можешь догнать, а догнав – не можешь прикоснуться, ибо есть это – сама бесконечность.

Самой большой мечтой о счастье для Замират было достойное место в этом непредсказуемом мире для единственного сына Аслана. Мать есть мать, и при всей любви к пасынку вряд ли Фуад мог бы чувствовать его настоящее и будущее столь же глубоко, как Замират. И, что греха таить, за столько лет он так и не забыл той безобразной ссоры с Мачраилом, когда тот заявился к нему с требованием отдать сына. Они едва не подрались тогда, но нашли в себе мужество договориться ради ребенка: пусть пока носит фамилию матери, а когда подрастет – пусть сам решает, кого признать отцом – отчима Токмакова Фуада или отца Жемухова Мачраила.

И вот теперь, кажется, время выбора для Аслана было недалеко...

Многих не устраивал трезвый образ жизни полевого объездчика. Раньше, бывало, поднеси Мачраилу бутылку – и получай воз сена, а как напьется да завалится спать – можешь и за второй повозкой сверх уговоренного наведаться. Теперь все иначе. Так что иные дожидаться не могли,

когда ж он в очередной раз сорвется. Впрочем, большинство акунцев радовались такой перемене. Опухшее лицо его, каждой клеткой впитавшее спиртную отраву, вновь обрело здоровый цвет, вернулась былая его уверенная поступь. Может, и рановато было праздновать победу, но все же односельчане верили в его чудесное избавление. И среди них была и Замират. Все же отец он ее единственной кровиночке. Жизнь и смерть, как говорят, рядом ходят. Случись с ней что – с кем ребенок останется? Конечно, с родным отцом. Она ведь не слепая и видит, что Аслану ближе он, а вовсе не отчим. Вся жизнь у мальчика впереди, и не дай-то Бог ступить ему в эту жизнь с раной в сердце, с растерянной душой... Вот окончит он скоро школу, с золотой медалью, как надеется мать, поступит в университет – все вроде бы путем, все как у других, но что-то гложет в последнее время ее материнское сердце. Тот маленький Асланчик, что был всегда под рукой у матери что дома, что на работе, начал, кажется, превращаться во взрослого Аслана-львенка: нет-нет да зубки покажет. Нет, это уже не смазливый мальчишка, вон как вытянулся, возмужал. Замират знает, что за ним увиваются все девчонки в школе – еще бы, внешность-то от кого... Замират впервые почувяла укол ревности, когда девушка из заезжего танцевального ансамбля привлекала к себе Аслана и сказала: «Когда подрастешь, тебя девушки либо съедят, либо сами перегрызутся». Мать усмехнулась, вспомнив, как Аслан мечтал поскорее подрасти и отрастить большие усы. Что ж, до мечты, кажется, недолго осталось.

Она вздрогнула от своих мыслей. Ей показалось, что их мог услышать Фуад. Ведь он старается стать родным отцом ее сыну, а она размышляет о том, что в Аслане течет кровь Мачраила... Кровь кровью, а от судьбы такой храни его Бог. Ведь и Мачраил родился на свет не для несчастной доли. Если бы не пагубное пристрастие – оставался бы до сих пор красивым, умным, гордым человеком. А может, не все еще потеряно. Победит ли он себя, хватит ли сил?... А какое ей дело до него? Ей бы забыть его, проклинать на чем свет стоит за загубленную жизнь, а она...

Снова всплыло в памяти самое неприятное воспоминание последних месяцев. Аслан явился домой в разорванной рубашке, с подбитой скулой и ссадиной на руке. Матери удалось вытянуть из него правду, только задев за живое:

– Я думала, мужчина никогда не побоится сказать правду. А ты пытаешься обмануть мать.

– Мама, я тебя не обманываю. Просто говорю, что ничего не случилось. – Он потянулся к ней, но она отодвинула его.

– Маленьким был – не обманывал, зато теперь врешь. Я-то думала, ты взрослый у меня, умный, и сам понимаешь: обманываешь мать, обманываешь себя.

– Да не обманываю я! Просто... сказать не могу.

– Не можешь признаться, что тебя избили.

– Не избили! Мы просто подрались. Их двое пацанов было из другой школы.

– Из-за чего сцепились?

– Из-за девчонки одной, тоже из их школы, я ее даже не знаю.

– Вот и сказал бы, что не знаешь.

– Ага, чтобы они подумали, будто я испугался?

– Значит, лучше тумачков получить?

– Им больше досталось.
– И что в том хорошего?
– Вообще бы прибил, если б мог!
– Объясни толком, в чем все-таки дело? Может, они грязными словами ругались?

– Если бы! Они меня моей фамилией дразнили.

– Что значит – дразнили?

– А то и значит! Даже стих про меня сочинили!

Замираг пожалела, что вытянула из сына неприглядную правду. Но он уже не мог остановиться:

– Один убежал, а второго я сшиб и отобрал вот это! – и протянул ей скомканный листок бумаги.

Автор нелепого стишка насмешливо перевирал ее и без того неблагозвучную фамилию. Еще одна обида в сердце ее сына...

7

Странно устроен человек. О себе подобных он склонен отзываться либо восторженно, либо презрительно. Среднего не дано. Не берется в расчет такое простое правило, что в самом плохом человеке есть что-то хорошее, как в самом хорошем – что-либо отталкивающее. Так вышло и с беднягой Мачраилом. Выпивоха – вот и весь сказ. Все прочее забыто. За пагубной привычкой не стало видно самого человека.

А вот бросил пить – и тут же все заметили, что человек он очень даже достойный – добрый, умный, образованный, прекрасный наездник. К тому же внешности самой приятной. За те потерянные годы, что куролесил себе и другим на беду, люди успели позабыть, каким он был на самом деле. Делает добро – значит, по пьянке расщедрился. Начнет рассуждать о жизни, о делах сельских – опять пьяный треп. А теперь взялся за ум – выходит, и безотказность его, и мысли разумные – все проявилось вдруг, откуда ни возьмись. И никто не задумается, что Мачраил и не менялся никогда, всегда оставался тем же Мачраилом, с теми же качествами, за которые и полюбили его и юная жертва первой несчастной любви – Альмажан, и Феня, побежавшая за него замуж по первому зову, и красавица Замираг, о которой вздыхали все сельские мужчины. Да, это был все тот же пригожий Мачраил, только с разными проявлениями непростой судьбы. Много чего он порастерял на этом пути, но вот сумел же, обрел вновь свое достоинство, не утопил его в водке, не смирился с мыслью, что все безвозвратно утеряно. Есть у него в душе спасительная искра – его сын. Ради него, собственно, он и пересилил себя, в нем только и видел свой завтрашний день.

Поверив в победу над собой, Мачраил осмелел настолько, что явился к председателю с просьбой взять его на работу. Муаед, казалось, только этого и ждал, и без долгих разговоров вернул его на прежнее место, на ферму. Сделал он это с особой радостью – чтобы лишний раз досадить Фуаду и показать свою единоличную власть: я председатель, и парторг мне не указ, кого брать на работу, а кому отказать. Будешь подчиняться мне – будем вместе, а нет – скатертью дорога.

Фуад обиды не показал. Что ему против Мачраила идти – все-таки они

Асланом повязаны... А ход Муаеда он понял безошибочно. Да, раньше, при Абазове, председатель держался иначе. Бывало, вызовут их вместе в райком к первому – Фуад впереди заходит, Муаед следом. Теперь все переменялось. Переменялся, надо признать, и сам Фуад. Не было в нем той уверенности, что раньше. Оно и понятно. Он чувствовал холодное отношение нового первого секретаря. Бывало, тот предьявлял к нему такие претензии, что парторгу оставалось только руками развести. Он понимал, что без стараний Муаеда тут не обошлось. Поговаривали, будто председатель нащептал первому: Абазов, мол, планировал оставить вместо себя Фуада. Сработало безошибочно.

Благодаря благосклонности Абазова, Фуад мог раньше и инициативу проявить, мог даже иной раз полномочия свои превысить при обсуждении важных вопросов, тем более что Абазов это поощрял. А теперь опытный, образованный парторг сдерживал свою прыть и старался лишний раз о себе не заявлять. И все равно с председателем у него не клеилось. И в райкоме его авторитет падал.

Неприятнь первого к Фуаду обострилась в прошлом году после одного случая. Абазов отдыхал в Кисловодске, и по негласной чиновничьей традиции Аслануков с председателем райисполкома поехали его проведать. Взяли и Муаеда, который отвечал за угощение; следом на второй машине, загруженной провизией, ехал известный своим искусством шашлычник. И надо же было Абазову спросить, почему не взяли с собой Фуада Токмакова. Гости растерянно переглянулись. Сказать, что отказался – на такой лжи далеко не уедешь. Сказать правду – боязно. Абазов понял все без слов.

Теперь у Асланукова не оставалось сомнений: Токмаков – человек Абазова, и случись что – в Большом доме есть кому дать ему рекомендацию. Так что при желании тот может оказаться на месте одного из двух районных руководителей. Первого секретаря райкома, пожалуй, не тронут – едва заступил, претензий к нему пока вроде нет. А вот председателю райисполкома могут указать на солидный возраст... Понизят до руководителя горисполкома – чтоб не совсем старика обидеть... Этот большой район долгие годы ходил в передовых, и случись ему, не дай бог, хоть немного сдать свои позиции – руководству не поздоровится. И тогда вот она, первая кандидатура – Токмаков. Займи он один из руководящих постов – другому там уже жизни не будет, Аслануков это уже предвидел. Впрочем, нелегко придется тогда и Токмакову, и первым против него выступит он, первый секретарь. У него есть свои соображения: с Борановым он уже сработался, а начинать заново с рядовым парторгом колхоза он не желает. Могут, правда, и не спросить... Скоро вот районная партконференция, чреватая немалыми проблемами. С его приходом на этот пост районные показатели, к счастью, не упали, но только и всего. Движения вперед не отмечается. Не все колхозные руководители жалуют нового секретаря. Так что могут не поддержать.

Фуад и не подозревал о страданиях Асланукова. У него были свои головные боли. С одной стороны, явно испортившиеся отношения с Муаедом. С другой стороны – столь же явное отчуждение пасынка.

Вскоре после отдыха в Кисловодске Абазов как бы проездом завернул в Акун, напрямик к Фуаду. Они беседовали не менее часа. Гость вызвал Токмакова на откровенность, и тот признался, что более всего беспокоят

его отношения с Муаедом, далекие от былых дружеских и даже чисто человеческих. Спросил Абазов и о том, как Фуаду работаете с Аслануковым. И на этот вопрос последовал откровенный ответ. Абазов слушал и огорченно качал головой. На прощание попросил не делать поспешных выводов, выполнять свою работу на совесть, как было всегда, а уж его в обиду не даст, может, даже к себе заберет.

Естественно, Асланукову об этом визите доложили в тот же день. И он, конечно же, решил, что начинают сбываться его худшие опасения.

Прямо к отъезду нежданного гостя вернулся и председатель Наурзков. Как ни пытался он уговорить Абазова, от предложенного угощения тот отказался и уехал. Что и говорить, Муаед был встревожен, но виду не подал и даже не спросил, зачем пожаловал гость. Он тоже не дурак, и понимает, что правды ему все равно не скажут. И не знал он главного: когда Фуад рассказывал Абазову о разногласиях с Муаедом, тот усмехнулся, и означала эта усмешка одно: «Будешь знать, как вместо себя на место председателя рекомендовать лучшего друга...»

8

Пока красовался фонарь под глазом и медленно заживали ссадины на руках, Аслан горел жадной мести. А тут еще отец подлил масла в огонь: «Ты не мужчина, если спустил обиду», – так сказал ему Мачраил в сердцах, и даже сам хотел найти обидчиков сына и исполосовать плетью, но вовремя сдержался. Он едва вернул себе доброе имя, его председатель самолично привез на ферму и восстановил на работе, и один неверный шаг может дорогого стоить. Скажут, небось: «Водка ушла из него, а дурь осталась».

Одним словом, хоть и жгла обида Аслана, хоть и хлестнули больно слова отца, но послушался он наставлений матери и отчима, затаился на время. Только на время.

В ушах стоял окрик одного из обидчиков: «Попробуй еще раз подойти к Дане!» Он не знал, кто это, но имя уже услышал, остается самая малость – найти эту девочку и познакомиться.

В школу в верхней части села Аслан пришел с другом. Разыскать Дану не составило труда. Она выбежала с урока сама, едва ей передали, что ее зовет Аслан, тот самый парень, о котором она тайно грезила.

Теперь он вспомнил ее. Он видел ее несколько раз в клубе и на школьных вечерах. Только видел он стеснительную девочку с косами, кокетливо переброшенными на грудь, а теперь перед ним стояла девушка с короткой стрижкой, придающей ее облику независимый вид.

– Значит, ты и есть та самая Дана, из-за которой мне подбили глаз.

– Да, я и есть Дана. А насчет твоего глаза ничего не знаю. Во всяком случае, моей вины нет.

– А можешь найти мне тех, кто на меня наехал?

– Поквитаться хочешь?

– Там видно будет.

– Я бы не это хотела видеть.

– А что?

– Не что, а кого. Тебя. Вот и увидела.

Подобная смелость девятиклассницы так ошарашила Аслана, что он не находил слов для ответа.

– А ты, – продолжала та, – если не хочешь меня видеть, можешь отправляться своей дорогой.

– Гонишь? – мягким голосом спросил Аслан. Теперь он готов был слушать и слушать ее голос, видеть ее улыбку, ее лучистые глаза, которые без слов признавались ему в любви... Впервые ощутил он дрожь в коленках, сладкое стеснение в груди, которому определения не находил... От его решимости и мстительных планов не осталось и следа. И наконец он нашел в себе силы заговорить:

– Дана, где же твои косы?

– А без них я тебе не нравлюсь?

– Нет, то есть да...

– С косами ты меня не замечал, вот я и решила выделиться среди всех...

– А они отрастут?

– Если захочу...

Шум и крики прервали их мирную беседу. Через школьный двор неслась к ним ватага парней, за ними бежал верзила с громовым басом. Дана поняла все и бросилась навстречу бегущим, выставив вперед кулачки.

– Стойте, кому говорю! – грозно пробасил верзила, и толпа невольно остановилась. – Слушайте сюда, придурки! Или вы не узнали меня? Тогда глядите, это я, Алмасты, как прозвал меня наш любимый директор Череп, а уж этим прозвищем его наградил я. Вы что, забыли, кто тут главный? Забыли, что меня сам Череп боится, недаром он меня трижды оставлял на второй год и трижды исключал из школы! – Народ безмолвствовал. – Но, как видите, я все еще здесь и даже дошел до десятого класса.

Алмасты отер пот с лица кепкой, сорванной с головы стоявшего рядом парня.

– А теперь я скажу, кто вы такие!

– Кто? – робко спросил кто-то.

– Шакалы, только и всего! Кто нападает толпой? Шакалы! Теперь вы сбежались, чтобы проучить парней из соседней школы. А меня вы спросили?! Короче, слушай мою команду! – Алмасты выразительно обвел толпу глазницами. – Эти гости и их противники обмениваются рукопожатиями и мирятся. После этого начинается честный поединок. Если спор из-за нашей красавицы Даны, то она достается победителю.

На том и порешили. Помирили врагов, выбрали троих для судейства.

Борьба сперва напоминала возню. Никто не делал резких рывков. Но в какой-то момент Аслан оторвал противника от земли и стал кружить. Все ожидали, что вот сейчас он грохнет его оземь, но Аслан просто уложил парня на обе лопатки и отошел. Тот вскочил и изо всех сил ударил уходящего в спину, прошипев при этом: «Вот тебе, ублюдок!» Этого Аслан вынести не мог. Мощный удар кулаком – и враг расстелился на земле.

– Все, бой окончен! – спешно заключил Алмасты.

Аслан с другом покинули двор. Победленного парня отвели к доктору...

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

**Искаков
Салим Сагирович**

Батыр ас АЛАНСКИЙ

Всегда на стремнине

Очерк

Он, конечно же, из деятельного и беспокойного племени – его дед был одним из тех людей, которых, по плану великого реформатора начала XX века в России Столыпина, переселили из густонаселенного Поволжья в Сибирь для освоения новых земель. Дали им, переселенцам, земли и сказали: «Вот вам земля на вечное пользование – работайте, живите».

Так татарин из Бугульмы Иксан Искаков оказался в Сибири, где он вместе с земляками организовал один хутор. По соседству были хутора башкир, чувашей, русских...

Потом хутор этот постепенно слился с городом Кемерово, и земля Искаковых оказалась чуть ли не в центре города. Так что сын Иксана Сагир, вопреки плану Столыпина, не стал фермером, а стал городским жителем, электросварщиком, причем высшей категории. Мастером настолько ценным, что его не взяли в армию даже во время войны, дали бронь и оставили работать на оборонном заводе. Тем не менее ни сам Сагир, ни его первенец Салим не считали себя стопроцентными горожанами, так как не мыслили своей жизни и благополучия семьи без работы на своем участке земли. Как и в сельском подворье, у них тоже были и корова, и куры, растили картофель, фасоль, огурцы... Короче, никто в доме не сидел без дела и минуты. И эта крестьянская привычка – не сидеть без дела и минуты – стала стержнем жизни Салима. Именно благодаря этой привычке завершил он учебу в школе на медаль, а после даже такой «трудный» институт, как Сибирский металлургический, он окончил с отличием.

Конечно, здесь немалую роль сыграло и то, что учителями у Салима в школе были эвакуированные из Ленинграда прекрасные педагоги и энтузиасты своего дела. Но, как известно, если сам человек не старается, не стремится к цели, толку особого не будет. А Салим всегда старался, и цель у него всегда была одна – делать свое дело основательно, хорошо. Учеба ли это, работа ли – значения не имело.

После учебы его направили на один из оборонных заводов в г. Пермь. Сюда он приехал с молодой женой Галиной, которая тоже заканчивала учебу там же, где и Салим – в Сибирском металлургическом институте. И вскоре у них родилась дочь – Оля.

Это был 1960 г. Времена были не из легких, гонка вооружений отнимала у страны все силы и жизненные соки, заработков едва хватало людям на еду, к тому же в магазинах продуктов становилось все меньше и меньше. Но молодому и энергичному инженеру Салиму Искакову было море по колено – он весь в работе, в деле. Сперва был бригадиром в литейном цехе, а вскоре стал мастером, а потом и начальником смены.

Захваченный напряженным ритмом заводской жизни, Салим, кажется, забыл обо всем остальном на белом свете. Но его не забывал один из его учителей – Павел Николаевич Бидуля, профессор Сибирского металлурги-

ческого института. Один из лучших специалистов металлургического дела, он в период Великой Отечественной войны был направлен из Москвы в Кузбасс срочно налаживать металлолитейное дело, что являлось основой всего оружейного производства. А после Победы Павел Николаевич передавал свой богатый опыт и знания молодежи в институте, там же, в г. Сталинске (Новокузнецке). Он помнил смышленного и любознательного студента Исакова, активного участника студенческого научного общества, который закончил институт с красным дипломом. Профессор хотел, чтобы даровитый юноша стал на научную тропу, где он принес бы больше пользы обществу, и рекомендовал ему поступить в аспирантуру.

«Честно говоря, тогда я и не знал, что это такое – аспирантура, и что надо делать, чтобы попасть туда, – вспоминает сегодня Салим Сагирович с улыбкой. – В Перми есть Политехнический институт, я пошел туда и все разузнал. Потом спрашиваю, мол, а у вас можно сдать экзамены, чтобы поступить в аспирантуру другого института – мне же надо было в аспирантуру Московского вечернего металлургического института, а ехать туда без особой надежды поступить охоты не было. Можно, говорят. Ну, я и сдал в Перми два экзамена, а третий, основной, сдал уже в Москве. Так я и поступил в аспирантуру».

Среди экзаменаторов оказался и «земляк» Исакова профессор Павел Николаевич Бидуля, который в это время уже работал в столице. Он был ректором Московского вечернего металлургического института, проректором по науке, а в 60-е гг. заведовал кафедрой. Он и стал опекуном – научным руководителем аспиранта Салима Исакова. Три года, проведенные Салимом Сагировичем в Москве, оказались чуть ли не целой жизнью. Чего только не случилось с ним за это время: и увлечение учебой; и радость творчества, когда на автозаводе им. Ленинского Комсомола внедрялись в производство новшества, им разработанные; и суета с продуктами, которые он старался привезти домой на почти голодающий Урал; и радость встречи с матерью и отцом, с сестрами и братом; и счастливые дни и часы, проведенные с близкими и родными; и горечь расставания с женой и дочерью. Да, не выдержала испытания временем и жизненными невзгодами молодая семья, и их – Салима и Галины – жизни пошли по разным дорогам.

И когда состоялась защита, Салим уже точно знал, что он не поедет домой, в Кузбасс. Его друг и однокашник Владимир Кимов, защитившийся чуть раньше Салима, зная все, настойчиво приглашал его к себе в Нальчик. И Салим решил – он поехал на Кавказ.

Молодой ученый был принят в КБГУ ассистентом. Потом стал доцентом, а в 1970 г. занял должность заместителя декана Инженерно-технического факультета по вечернему и заочному обучению.

Как рассказывает Салим Сагирович, в эти годы он работал «как негр»: не хватало помещений, квалифицированных кадров, в списках студентов было много «мертвых душ», то есть люди числились, но на занятия не ходили годами. Тогда студенты вечерних и заочных отделений тоже получали отсрочки от призыва, и многие влиятельные папы и мамы использовали университет как средство избавить своих чад от службы в армии.

Вот и приходилось постоянно ходить к начальству и просить помочь с аудиториями, с помещениями для лабораторий, искать квалифицированных преподавателей, просить принять их на работу. И еще – возить

студентов в колхозы на уборку кукурузы. Салим Сагирович больше всего не любил именно это – заставлять студентов не грызть мрамор науки, а ломать початки. Потому что многие из них делали это очень неохотно, а то и вовсе не хотели ехать в «чисто поле». Но, как говорится, не было счастья, да несчастье помогло – именно на кукурузном поле он впервые и увидел ее, чернобровую красавицу. Это была студентка 5-го курса Лера Курашинова. И с тех пор поездки в колхоз показались ему вовсе не такими уж и ненавистными. Лере тоже понравился молодой преподаватель, и они вскоре сыграли свадьбу. Она оказалась из большой семьи, где было девять детей, отец работал геологом в Тырныаузе, а ее старшая сестра Мемунат тоже училась на «мужскую» профессию – в Московском строительном институте.

Так, шаг за шагом налаживалась новая жизнь парня из Кузбасса Салима Исакова на Кавказе. Конечно, в первые годы было трудно и с жильем. Сперва кое-как дали полторку, и только много лет спустя, когда дети уже были взрослые, в 1985 г. дали трехкомнатную квартиру. А для того чтобы подготовиться и защитить докторскую диссертацию времени просто не хватало – вечная суeta с помещениями и оборудованием для новых кафедр и лабораторий, как в университете, так и в сельхозакадемии, которая была создана на базе сельхозфакультета университета, где работал Салим Сагирович.

Но он, оглядываясь на прошлые годы, об этом особо и не жалеет. «Главное – это когда человек доволен своей работой, тем, что он успел сделать за свою жизнь, – говорит Салим Сагирович. – А работу свою я всегда выполнял с удовольствием, и кое-что все-таки успел сделать, и вырастил детей, и они у меня, слава богу, нормальные люди».

И вправду, у Салима Сагировича Исакова есть все основания быть довольным сделанным за прошедшие годы жизни. Сегодня, в год семьи, можно с уверенностью сказать – Салим Сагирович – отец, тамада хорошей семьи: у него и у Леры взрослые дочь и сын – Лейла и Мурат. У Лейлы аж три высших образования – она и инженер-гидротехник, и бухгалтер, и программист. Она замужем, Альберт Машуков, ее муж, – инженер-механик. Правда, если судить по горским обычаям, Мурат занят не очень-то «серьезным» делом – он играет. Играет в футбол. Играл в «Спартаке», в «Автозапчасти», а сегодня – в «Малке». Он и его жена Ирина воспитывают двух девочек – Карину и Камилу. Старшая, Карина, учится в первом классе...

Салим, конечно же, не забывает и родных, что живут в Кемерово, – там сестры Фания и Наиля, брат Салих тоже живы и здоровы, растят детей и внуков, как и сам Салим. Там же живет и его старшая дочь Оля, у нее трое сыновей. Старший, Кирилл, уже отслужил в армии. Подросли и Антон с Костей.

Вот таким – с ученой степенью кандидата наук, являясь отцом и дедом, верным спутником жизни своей супруги Леры и встретил свой 70-летний юбилей Салим Сагирович Исаков, преподаватель нашей сельскохозяйственной академии.

Пожелаем же ему, Салиму Сагировичу, и вторую половину жизни прожить так же интересно и успешно!

Юрий БАГОВ

Мой Рубикон, моя черта...
За ней что будет – знаю ль я?
Хоть дверь моя и заперта,
Влечет в окно свет звезд меня,
К вселенной таинствам маня.

Средь них, далеких, есть одна –
Моя заветная звезда.
Она – мой знак, моя судьба,
Она Всевышним мне дана
С рождения и – навсегда.

Не дай с дороги мне сойти,
Не дай в неизвестности уйти.
К Тебе свой взор я возношу,
Дай сил, терпения, прошу, –
Не оставляй меня в пути!

Заур КАНКУЛОВ

Светлая конопь

Рассказ

Побледнела луна в предчувствии рассвета, взberoшились и расплылись очертания горизонта. Утренняя звезда виднелась на небосводе белым пятном. И в этот момент невесть откуда взявшийся ветер повернул время вспять, мазок за мазком стерев все признаки нарождавшегося дня. Вернулась темнота. Еще гуще прежнего.

Нарушился извечный миропорядок. Ночь не уходила...

Шесть часов. Темно. Семь, восемь, девять. Не рассветает. Беснуется северный ветер, набрасывается на придорожные деревья, обрывает листья, вздымает их к небу и потом разочарованно швыряет оземь.

Утро не наступает...

Он проснулся и взглянул на часы. Что такое? Может, спешат? Невнятная тревога пронизала все тело, щекоткой пробежала от головы к ногам.

Утро не наступило. Что-то случилось.

Он вскочил и побежал к телефону. Темно, не видно ничего. Пытается нашарить выключатель – и не может.

Нащупал на спинке стула пиджак, в кармане его нашел спички. А чиркнуть не получается.

Судорожно начал одеваться. Надо срочно связаться с ней. Ничего, что они ни разу не виделись. Зато по телефону общаются почти год...

Только сейчас он понял: между ними возникло что-то... как бы это назвать?..

Но... пока говорить нельзя. Слов новых не придумано.

«Любовь». «Люблю»... Слова выцветают со временем и не в силах выразить все оттенки чувств.

Но что это? Словно иглой пронзило сердце, оно рванулось от боли и покинуло грудную клетку, но тут же вернулось на место с застрявшей в нем иглой. «Скорее к ней. Ничего, что мы почти не знакомы. Некогда сейчас раздумывать».

Темнота стала гуще, приникла к стеклу и протиснулась сквозь него в комнату. В этот момент Нечто влетело в комнату и опустилось на столик возле кровати. Существо явно неземное, с ледяным дыханием, разглядеть его нет никакой возможности, так как очертания его меняются каждую секунду. Сквозь разбитое стекло влетает снег, но он не чувствует холода, нет, его скорее бросает в жар. Мелкой дрожью затряслась картина на стене, лишь теперь заметив «гостя».

Нечто спорхнуло со стола и двинулось к нему. Он не испугался, лишь дрогнула игла в сердце. «Потусторонний мир», – мелькнула догадка.

– Да, – раздался голос, – я оттуда.

Высветилось зеркало трюмо, однако Нечто в нем не отразилось.

– Понятно, – сказал он, – ты из потустороннего мира. Надеюсь, ты в гости? Гости когда-нибудь да уходят.

– Ты опять прав!» – Нечто снова вспорхнуло на стол. Ветер продолжает бесноваться, бросаясь пригоршнями снега в разбитое окно.

– Ты по мою душу? Может, попозже? Мне необходимо хоть раз увидеть ЕЕ...

– По твою душу? Ха-ха-ха! Мне она не нужна. Пока не нужна. Придет срок – вернусь за ней. Я по другому делу. Знаю, что твой мозг пронизан ее именем. Мы с тобой сейчас навестим ее. А потом, если захочешь, я помогу тебе забыть имя ее и облик. Поторопись. Попробую хоть раз сделать доброе дело. Непонятная боль мучает тебя, ты свыкся с ней, как свыкается калека с отсутствием руки или ноги.

Нечто тронуло его леденящим прикосновением. Тело вдруг обрело невесомость, лишь сердце осталось неизменным. Он почувствовал, как пушинкой поднимается в воздух. Взявшись за руки, они вылетели в окно.

Темно. Снегопад прекратился. Из-за горизонта вылезла черная туча и стала стремительно приближаться. Потрясая своими пышными формами, туча рассыпала крупные дождевики.

Город просыпался – и замирал в изумлении. Утро не наступало.

Рассветные трели так и застревают в клювиках зябнущих на ветках птиц.

Ночь, она приходит ко всем, неся покой большим и малым, злым и добрым, счастливым и обездоленным. Ей рады. Но если она желает быть вечной...

Стало зябко. Он слегка поотстал, чтобы не лететь подветренной стороной, сцепил руки на груди и начал покачиваться. Нечто взмыло вверх, сорвало с неба пылающую звезду и бросило ему. Стало теплее. Но там, внизу, в этот миг рассталась с телом одна невинная душа.

Сделав круг над трехэтажным домом, они вспорхнули в ЕЕ окно. Блеклый свет ночника рассеивался, не доставая до углов комнаты. Сонный воздух спальни ласково обволакивал.

ОНА спала.

Иголка в сердце дала о себе знать.

Ее черные короткие волосы разметались по подушке. Губы приоткрылись во сне, как у невинного младенца.

На подушке виднелась открытая книга.

«...И тогда он протянул дрожащие руки к небу. А что еще он мог сейчас? Близился дождь, но люди не расходились. Готовые аплодировать, они слушали того, кто усеял свою грудь сорванными с неба звездами...»

Дальше в книге не было ничего. Все знаки начисто выцвели.

Он постоял, глядя ей в лицо и боясь вздохнуть и растревожить иголку в сердце.

«Спит. Только бы не проснулась. Если увидит, что происходит, сердце ее может не выдержать и остановиться. Она не сможет без солнца».

Нечто бесшумно подошло к нему.

– Нам пора. Я думал, ты не удержишься и разбудишь ее. Я недооценил тебя.

Они вновь влетели в темноту. Его руки превратились в крылья, он легко махал ими и парил, то взмывая вверх, то падая вниз. «Я был у НЕЕ. Я видел ЕЕ», – ликовало его сердце.

Город остался позади. Впереди были только горы. Они стали снижаться над горным кряжем.

Неожиданно вспыхнувший огненный шар рухнул за гору, и она разверзлась. Они скользнули в образовавшуюся расщелину. Тихо внутри горы, только огни живут в ней, большие огни и маленькие огоньки.

Они бесстрашно пробирались в глубь горы. «Видишь, это ЕЕ огонь, – сказала Нечто, – она будет долго жить, ее огонь ярок и силен. Гляди, а там, рядом, – твой огонь. Я привел тебя сюда, потому что ты превзошел мои ожидания. Можешь набрать огня и прибавить к своему. Если гаснет огонь – значит, душа отлетает. Видишь, там, вдаль, гаснет разом много огня. Вы, люди, не можете не убивать друг друга... Что же ты медлишь? Бери огонь, прибавь к своему!»

Он опустился на колени и протянул руки к огню. И тут же их отдернул.

– Нет. Не хоч. Долго жить хорошо, но ведь надо уметь прожить с умом, а это не так просто. Отпусти меня, прошу. И ты возвращайся к себе, и заberi с собой ночь.

На краю расщелины он остановился и оглянулся на дальние огни. Они горели и коптили – одни черным дымом, другие – белым...

Он проснулся. Еще темно. Закрыв книгу, оставшуюся лежать на подушке...

Начинало светать. Первые лучи скользнули в комнату. Он окончательно пробудился и сел.

«Позвоню ей... услышу голос и положу трубку».

Что это на руках? Что-то белое, пахнет копотью...

Солнце нового дня просилось в окна...

Одно утро Аминат

Рассказ

Аминат вышла на улицу, закутавшись в теплый платок, зябко пожилаясь. Все признаки осени – утренний сырой туман, запах сжигаемых листьев в прохладном воздухе, сиротливые деревья, неохотно собирающиеся к выгону стадо коров.

Она направилась в сарай за сапеткой, которую берет с собой на ток. Постояла в дверях, пока глаза не привыкли к темноте. Лето уж прошло, а мальчишки не убрали свои удочки, вот негодники. Надо бы поднять на чердак, чтоб не мешались. И две косы в углу остались стоять, тоже убрать от греха подальше, до следующего сенокоса не понадобятся.

Хорошо бы уголь завезти, а то холода пойдут – самим же труднее будет. А место-то в сарае не приготовлено! Все обещают газ провести в село, а где он, этот газ? Нет ничего надежнее старой печки с дровами и угольком.

Аминат забрала сапетку и вышла из сарая, поставила ее на приступок и сняла со штaketника ведро. Поскорее подоить корову, не то пройдет стадо мимо – догоняй потом. Неплохо бы разбудить старшенького, чтобы у ворот постерег, а то под коровьими копытами куча песка за калиткой с землей сравняется. Завезли летом, хотели пристроить кухню просторную к дому, да где там, стройматериал дорожает с каждым днем. Не управились. Ходила в сельсовет насчет ссуды попросить, отказали – нет, мол, денег, все роздали. Правда ли, нет...

Странное нынче время, непонятное. Кто бы мог подумать, что сахар из магазинов исчезнет. И куда подевался, его всегда было есть – не переест. Люди разное болтают. Говорят, за границу вывозят. Только не верится ей. У них там, поди, своего сахара хватает. Думается ей, что дело в самогонщиках. Выпивка исчезла из продажи, так люди самогон варят. Вот куда сахар уходит. Только власти этого терпеть не станут... С новыми порядками полегче стало, а то что ни вечер – хозяин приходил домой пьяным, а теперь пореже. Совсем бросить, конечно, не бросил, да и как бросишь с нашими продавцами? Они всю водку к себе домой перетаскали и по спекулятивной цене торгуют днем и ночью. Нет, власти этого не потерпят.

Аминат закончила дойку. Хорошо, что теленка сразу к соске приучила, а то как бы она теперь справлялась с ним, вон как подрос, его бы теперь от коровы не оттащить. Она выгнала корову за калитку, как раз и стадо подоспело. Теперь кукурузы налущить, она вчера как раз принесла с тока ведерко початков и поставила его на лавку под орешником. Взяв кочерыжку, она ловкими движениями начала лущить зерно.

Странные люди живут на свете. В субботу, говорят, на сходе сын Инароковых, агроном, встал и потребовал выбрать его председателем! Как не стыдно. Если ты достоин – людям виднее, они сами предложат. Его и не выбрали, оставили прежнего... А может, и лучше бы нового председателя. Побоялись люди показывать свое недовольство, а может, обидеть не хотели, вот и проголосовали, а так все знают, что за человек этот Мухамед. День-деньской только и знает, что ворчать да ругаться. Спросите Музарифа Маршенкулова, он-то знает: добра и понимания от председателя не жди. Что с того, говорит, что ты на семейном подряде? Один из двух сыновей все равно должен выходить в поле. Как он не понимает, что ферму содержать непросто даже для самой большой семьи...

Ладно фермы, а как понимать раздачу колхозных земель по семейному подряду? Это удивляет Аминат. Землю, за которую пролито столько народной крови, взять да отдать частникам... В клубе читал лекцию приезжий парень, гладко так все рассказывал про подряд, только Аминат ничего не поняла – с русским языком у нее неважно...

Она пригоршнями разбросала крупные золотистые зерна перед курятником, выпустила на волю кур и уток. Озябшее осеннее солнце неохотно высунулось из-за холма. Лишь ближе к полудню оно сможет чуть прогреть стылый воздух.

Младшенький хворает часто. Сказали, уколы надо бы поделать, да разве найдешь кого-нибудь в амбулатории? Как ни придешь – никого нет

на месте. Некогда на работу ходить, дел, видно, по хозяйству достаточно у всех. А как же совесть? Люди-то больные ждут... Вот так поворчишь про себя, а вслух и не выскажешь. Того гляди, обидятся, все в селе свои, вот по-свойски и сходит все с рук. Да ладно, бог им судья, а маленький и сам поправится, даст Аллах...

Сад в этом году уродился – загляденье! Так на глазок прикинуть – молодые груши обещают дать ящиков по пять-шесть. Успеть бы до холодов снять. На базар свезти ей недосуг будет, продадут на месте по сходной цене. Все ж копейка будет в доме.

Теперь надо молоко пропустить через сепаратор. Льется белая струя, Аминат вспоминает мать. Каждое утро ее плечики, согбенные непосильным трудом, клонились в такт кружению ручки. А вот она спешит к автобусу с полными сумками. Маленькой пожилой женщине, повязанной коричневым платком, уступают место, кто-то из вежливости, кто-то из боязни зацепиться капроновым чулком за ее плетеную корзинку. Аминат помнит, что после каждой поездки на базар мать привозила детям бублики и пряники, и еще вспоминается вкус теплой газировки. Она помнит все. Лицо матери всегда в памяти.

Полведра обезжиренного молока – доля теленка. Аминат спешит в хлев и снова думает: хорошо, что приучила его к соске, а то намаялась бы от коровы отнимать.

Женщина спешит к дому: надо поднять старшего сына, пусть сходит в пекарню, а то первый выход прозеваешь – второго ждать полдня. Самой-то хлеб печь недосуг, на поле надо спешить. У порога остановилась. Пусть поспит еще маленько, утренний сон так сладок. Пока ребенка растрясешь, самой сбегать легче. По речной гальке ходить не так-то просто, но и на том спасибо, а то были дороги в непролазной грязи. Меняется сельсоветское начальство, как листья на дереве, все обещают асфальт положить, и где он?.. Слава Богу, успела хлеб взять, одной заботой меньше. Скорым шагом пришла домой, затворила за собой калитку. Теперь надо поторапливаться, вот-вот автобус проедет по селу, собирая народ на ток. А надо еще опавшие за ночь яблоки собрать. Ну, ничего, это быстро. Взяла ведро, пробежалась по саду, набрала почти что с мешок. Пропадают плоды, вздохнула Аминат, раньше хоть приемные пункты были, падалицу сдашь хоть за копейки, а все же на хлеб да сахар хватало. А теперь что? Пьянству бой – значит, и яблок уже не нужно? И когда это настанет время, когда одно доброе дело не будет мешать другому? Неужто из яблок можно делать только вино?

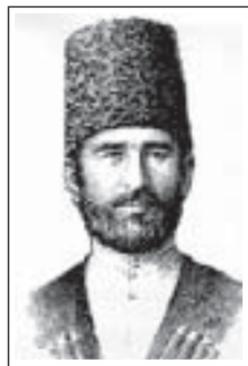
Она поспешила на кухню, взяла два ведра и направилась к соседскому колодцу. Принесет воды, а там остается завтрак приготовить.

Надо самого разбудить, ему тоже на работу. Обещал вернуться к полудню и вставить стекло в оконце сарая. Если погода позволит.

Аминат взяла приготовленную сапетку и, забыв позавтракать, вышла за калитку. В конце улицы уже показался колхозный автобус.

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

КОДЗОКОВ ЛУКМАН МАГОМЕДОВИЧ

(В крещении – Дмитрий Степанович, 1818, сел. Абуково, ныне Залукокоаже, КБР.) Кабардинский общественный деятель, поэт, прозаик. Родился в дворянской семье. Отец его в 30-х гг. служил в Петербурге в кавказско-горском полускадроне, где в это же время проходили службу его соотечественники – Хан-Гирей, Кази-Гирей, Шора Ногмов. В середине 20-х гг. в возрасте 5–6 лет Кодзокова увезла в Москву находившаяся на Минеральных Водах Мария Алексеевна Хомякова, чтобы дать ему столичное образование. Ее сын Алексей Степанович Хомяков, крестный отец Лукмана, был идейным вождем славянофилов, известным философом, историком и поэтом. В собиравшийся в доме А. С. Хомякова просвещенный круг входили Погодин, Грановский, Одоевский, Языков, Веневитинов и др.; их споры «о судьбах русского народа» влияли на формирование мировоззрения Кодзокова. Получив прекрасное домашнее образование, Кодзоков поступил в пансион известного в то время профессора Павлова. После успешного окончания пансиона, в 1834 г. он поступил в Московский университет на словесное отделение. Университетские лекции Надеждина и Павлова, влияние А. С. Хомякова, дружба с Катковым, близость к кругу их знакомых и друзей, среди которых были Белинский, Станкевич, Грановский, Боткин, Бакунин, Аксаковы, Самарин, сформировали Лукмана Магомедовича как человека очень высокой культуры и незаурядного интеллекта.

На протяжении всех лет учебы в университете Кодзоков был в числе лучших студентов. Великолепная эрудиция, знание европейских языков, в особенности французского, дали ему возможность еще в студенческие годы принять участие в переводе с французского на русский «Истории средних веков» Демишеля, которая была издана Погодиным в 1836 г. В эти же годы началось его литературное творчество.

После окончания университета в 1838 г. Лукман Магомедович непродолжительное время служил в Московской палате уголовного дела. Здесь ему был присвоен гражданский чин губернского секретаря. В дальнейшем он дослужился до звания действительного статского советника, что приравнялось «табелем о рангах» к генеральскому чину.

Кодзоков был активным участником проведения земельной реформы, выступал против проекта правительства о наделении князей и тлякотлешей (дворян) крупными земельными участками. Он подвергал резкой критике горскую феодальную верхушку, противодействовал переселению горцев в Турцию, осуждал политику Ермолова на Кавказе.

Кодзокову принадлежат многочисленные записки, в которых он, поднимая проблемы экономического и культурного состояния народов Северного Кавказа, в том числе и своего народа, выступал против отсталости и пережитков старины, провозглашал идеи просвещения горцев. Он был рецензентом труда Шоры Ногмова «История адыгейского народа».

Еще в годы учебы в Петербургском университете Лукман приобщается к литературному творчеству. В эти годы в университетской типографии были изданы две его книги: роман «Дева закубанская, или Любовь до могилы» (1836) и «Стихотворения молодого черкеса» (1837).

Роман «Дева закубанская» несет следы влияния романтизма, в частности романтических повестей Бестужева-Марлинского о роковой любви и страсти. Однако примечательно, что в трагедии любви молодых людей повинны не какие-то жизненные обстоятельства, а кровопролитная война, именуемая Кавказской, жертвой которой и стали герои произведения.

В сборник «Стихотворения молодого черкеса» вошли 8 стихотворений: «Гроза», «Ручей», «Жалоба», «Сон узника», «Ночь», «Горный поток», «Море» и «Степь». И эти стихи написаны в традициях романтизма. Они содержат раздумья поэта над сложными проблемами бытия, о значении в жизни человека образования, о важности самоусовершенствования, правильного выбора жизненного пути.

В 40-х гг. Кодзоковым были напечатаны очерк «Губернский чиновник. Из вечеров на Кавказских водах» (1841) и поэма «Горный охотник» (1844).

Уже будучи по службе на Кавказе, Лукман Магомедович в 60-х гг. опубликовал несколько остролюбодневных статей в газетах «Терские ведомости», «Кавказ» и др. («Неуместное объявление», «Ответ на всякое чиханье», «По вопросу о коннозаводстве на Кавказе»). В них поднимались вопросы права и собственности, этики, нравственности, распространения передового опыта и др.

Литературные произведения и публицистика Кодзокова Лукмана Магомедовича являются замечательным вкладом в адыгскую культуру XIX века.

УРУСБИЕВ САФАРАЛИ ИСМАИЛОВИЧ

(1858, поселок Урусбиево (ныне – сел. Верхний Баксан Эльбрусского р-на КБР) – год и место смерти не установлены). Первый исследователь и публикатор карачаево-балкарского нартского эпоса.

Сафарали – старший сын известного общественного деятеля и просветителя Исмаила Мирзакуловича Урусбиева. С малых лет он обучался вместе с двоюродными братьями в медресе Урусбиевского поселка у ученого-богослова Искандера-эфенди. Исмаил Мирзакулович для обучения сыновей и племянников нанял русского учителя. Благодаря этому безвестному педагогу в середине 70-х гг. многие жители Урусбиево владели русским языком.

В 1872 г. Урусбиев поступает во Владикавказское реальное училище. Годы учебы во Владикавказе стали для него школой жизни. Владикавказ второй половины XIX в. был не только административным, но и куль-

турным центром Северного Кавказа. В 70-х гг. XIX в. здесь сформировались подпольные революционные кружки рабочих. Передовая горская интеллигенция была увлечена идеями народников. Среди кружковцев реалисты Владикавказа занимали видное место. В документах не раз упоминаются и имена учащихся-балкарцев Мисоста и Кайтука Абаевых. Несомненно, что Сафарали не оставался в стороне от деятельности кружка. С Мисостом Абаевым его связывала многолетняя дружба. Они не потеряли связи и тогда, когда он вынужден был более двадцати лет находиться вдали от родины.

Столица Терской области – Владикавказ – с середины XIX в. жила напряженной жизнью. Здесь выходили газеты, на заседаниях окружного суда слушались дела крестьян, взбунтовавшихся против помещиков, выносились обвинительные приговоры против рабочих – участников революционного движения. Зарождающаяся интеллигенция горских народов пыталась наладить дело народного просвещения, была озабочена поднятием жизненного уровня своих народов. В этой обстановке формировалось мировоззрение молодого Урусбиева.

Будучи студентом Петровско-Разумовской академии, Сафарали Исмаилович во время каникул собирает фольклор, занимается также составлением грамматики, для чего «применяет русскую азбуку к выражению его звуков». Об этом сообщают В. Миллер и М. Ковалевский после своего первого путешествия по Северной Осетии и Балкарии в 1883 г. В том же году он оказал большую помощь ученым как проводник и переводчик, а также в работе по сбору полевого материала.

После окончания занятий по практическому садоводству в Крыму в 1887 г. Урусбиев был направлен на работу лесничим в слободу Воздвиженская Гродненского округа, а 9 февраля 1891 г. «причисленный к корпусу лесничих губернский секретарь Урусбиев» был назначен на должность лесничего 2-го ветлужского лесничества Костромской губернии. Через год он был переведен в Угличское лесничество Ярославской губернии. Живя на Севере, Сафарали Исмаилович не порывает связи со своими земляками-кавказцами.

Дата смерти Урусбиева неизвестна. Последнее известие о нем содержится в очерке В. В. Дубянского «К портрету князя Н. И. Урусбиева», написанном в 1917 г. В нем вскользь упоминается, что брат Науруза «служит по корпусу лесничих в министерстве земледелия и государственных имуществ».

С именем Сафарали Урусбиева связаны первые публикации карачаево-балкарского нартского эпоса. Нартские сказания были опубликованы в первом номере СМОМПКа (1881) и представляли карачаево-балкарскую версию нартиады.

Судьба Урусбиева оставила свой след и в русской литературе начала XX в. Брат А. П. Чехова – Михаил – несколько раз обращался к драматическим жизненным обстоятельствам, вынудившим Сафарали жить вдалеке от родины. Они познакомились в 1894 г., когда М. Чехов был переведен по службе в Углич. К этому времени в Угличе сложился культурно-просветительский кружок, объединивший небольшую группу

угличских интеллигентов. Активными членами кружка были Л. Ф. Соловьев, Н. Д. Евреинов, П. А. Критский, С. И. Урусбиев. М. Чехов тотчас включился в работу кружка. По воспоминаниям сына М. Чехова – Сергея, «Антон Павлович с живым участием слушал повесть своего брата Михаила об этом балкарце и его неудавшейся жизни. Это он, Антон Павлович, посоветовал брату написать рассказ».

Творчество и общественная деятельность Урусбиева Сафарали Исмаиловича – одно из основных звеньев просветительского движения балкарцев.

УРУСБИЕВ НАУРУЗ ИСМАИЛОВИЧ

(1863, поселок Урусбиево (ныне – сел. Верхний Баксан Эльбрусского р-на КБР) – год и место смерти не установлены.) Карачаево-балкарский просветитель и общественный деятель конца XIX – начала XX в.

Урусбиев родился в семье Исмаила Мирзакуловича Урусбиева, известного на Кавказе и за его пределами общественного деятеля. Семья И. Урусбиева долгие годы была в дружеских отношениях с художником-демократом И. А. Ярошенко, композиторами С. И. Танеевым, П. И. Чайковским, учеными И. И. Иванюковым, М. М. Ковалевским, В. В. Миллером и многими другими. Урусбиевы были известны европейским кавказоведам своим гостеприимством и образованностью.

После окончания сельской школы и учебы в примечетском медресе Науруз поступает во Владикавказское реальное училище. В год окончания реального училища, летом 1885 г. он вместе с братом Сафарали и его товарищем из Осетии Соломоном Туккаевым сопровождает экспедицию М. М. Ковалевского, В. В. Миллера из Балкарии в Сванетию.

В связи с ранней смертью отца Урусбиев прерывает учебу и становится главой семьи и старшим князем в Баксанском обществе. Многие годы выполняет обязанности старшины Урусбиевского общества. Точная дата смерти Науруза Исмаиловича неизвестна.

Он получил известность как один из первых исследователей национального фольклора и этнографии из среды балкарцев и карачаевцев.

Обосновавшись до конца жизни в родовом поселке Урусбиево, Науруз принялся собирать и готовить к публикации образцы карачаево-балкарского устного творчества. Большую работу по просвещению горцев вели члены-учредители Нальчикского отделения «Общества по распространению образования и технических сведений кабардинцев и горцев Нальчикского округа». Урусбиев был в числе его активных членов.

Вся практическая деятельность Урусбиева была направлена на улучшение социально-экономического положения балкарского крестьянства.

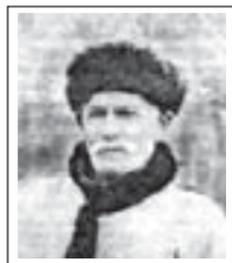
Следуя начинаниям отца, он улучшает проложенную по инициативе

деда и отца, и частично на средства отца, колесную дорогу от Урусбиева «до крайних северных границ горско-татарских урусбиевских земель». Оказывает помощь многочисленным альпинистам, ученым, художникам, приезжающим в Приэльбрусье.

Урусбиев Науруз Исмаилович принимал самое активное участие в деятельности Абрамовской комиссии по землеустройству и по обсуждению ее проектов. Он был в числе представителей от Балкарии на Особом совещании по рассмотрению выработанных проектов о поземельном устройстве жителей Нагорной полосы при генерал-губернаторе в г. Тифлисе в 1912 г.

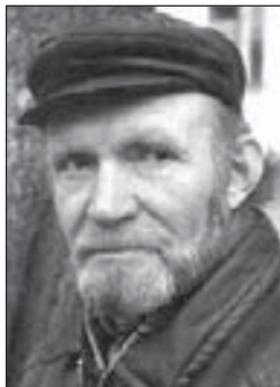
СИЖАЖЕВ КИЛЬЧУКО АСЛАНБЕКОВИЧ

(1863, сел. Заюково Баксанского р-на КБР – 1945.) Кабардинский поэт, певец. По приглашению руководства республики работал на радио в хоре как исполнитель народных песен. В 1939 г. за вклад в культуру Кабардино-Балкарии награжден орденом «Знак Почета». Был принят в Союз писателей СССР. Его стихи печатались на страницах республиканских газет, а также в коллективных поэтических сборниках. В годы Великой Отечественной войны, организовав ансамбль, разъезжал по селам республики, призывая народ к борьбе с немецкими захватчиками и прославлял героев фронта.

Сижажев – автор многочисленных песен, мелодий, стихов. Его песни носили подлинно народный характер, их пели по всей Кабардино-Балкарии. Некоторые из них были помещены в издании «Творчество народов СССР» (М., 1936). В 1940 г. стихи и песни Кильчуко Асланбековича были изданы отдельным сборником.

Али БАЙЗУЛЛА

Поэзия там, где – человечность

Мимолетные мысли

Поэзия там, где есть человечность. Поэт – не поэт, если он растерял свою человечность...

Порою я думаю о мире, как отец о сыне, невинно сидящем в тюрьме, которому ничем не может помочь, кроме доброго слова... и страдает.

Человек, неспособный быть хорошим сыном отцу, неспособен быть сыном Родины, и если даже он – Всадник, его конь не будет нацелен на звезды.

Некая птица, чтобы согреться, решила подняться поближе к солнцу: чем выше поднималась, тем больше мерзла и, наконец, превратившись в кусочек льда, упала на землю.

Этой глупой птице уподобляется поэт, который бросает истоки своего народа и пытается подражать культуре другого народа.

Если ты не гений, не спеши умирать, иначе некому будет дорабатывать твои незрелые стихи.

Набор пустых, красивых слов гипнотизирует простодушного, раздражает посредственность и заставляет талант бросаться в бой; и лишь один только гений с интересом слушает пустозвона, ибо он, расчленив на мелкие части его речи и заполнив пространство между его словами своей фантазией, может с пользой использовать их, для него это есть толчок к новым мыслям.

Как говорит пословица: иногда и от дурака можно услышать умное слово.

Богом дана каждому человеку с рождения искра таланта к какой-нибудь деятельности в человеческом обществе. От родителей, от их воспитания ребенка зависит, сохранится ли она до той поры, пока молодой человек не начнет осознавать себя как личность. И если эта искра не растеряна дурным воспитанием и природной леностью, дальнейшее зависит от самого человека.

Сможет ли он божью искру в душе превратить в огонек, потом – в огонь, а потом – и в костер? Если да, он станет великим человеком. У костра, зажженного им, будут греться многие.

В одном месте Г. Лорка сказал: «Если я – поэт с божьей искрой, то я – поэт в не меньшей степени и от техники!..» Так что мастерство для поэта – то же, что кислород для живых существ. Чем выше мастерство, тем глубже и шире раскрывается талант, тем мощнее крылья поэта.

У открытого человека – сердце чистое. Среди множества моих знакомых и десять человек не наберется... с чистыми сердцами.

Сердце, послушное разуму, мудрее разума, послушного сердцу.

Когда закрыли высокую звезду моей судьбы черными тучами зависти, тогда мое сердце разбилось, как стеклянная чаша об острые камни.

Право на счастье имеет только тот, кто умеет прощать, чье сердце не судит, а любит.

Я отдаю тебе сердце, это сердце – не сердце юноши, которое от первой же царапины способно истечь кровью и перестать биться в своих благородных порывах; я отдаю тебе сердце в шрамах от многочисленных ран, нанесенных ему на бранных полях мужества и на каменистых тропах безответных Любостей. Я отдаю тебе сердце воина и поэта.

Стихи – порыв души, как ветра дуновенье: похвалит тот, кому огонь раздуют, осудит тот, кому свечу потушат.

Истинная поэзия – это размышления о превратностях краткой жизни человека. У моря есть границы, у моря есть предел, у поэзии нет границ, нет предела. Поэзия, как небесное око, проникает в око поэта и живет своей особой жизнью в глубинах мозга.

И вот случилось... Я полюбил и, кажется, по-настоящему. Впервые подумал: она – не я, она – такая же, как тысячи других. Куда я ее приведу? Как буду жить с ней? Я оглянулся вокруг себя и ужаснулся: испытал горечь солдата, пришедшего с войны домой и увидевшего развалины дома и остывший очаг...

Что наша жизнь? Всего лишь миг, как в песне, миг между прошлым

и будущим. Прошлое не вернешь. Да и надо ли? Что в нем хорошего? Страдания одни, труды, горькие ошибки, отвратительные поступки. Мое прошлое – это светлое младенчество, голодное и босое детство, оборванная и забытая юность и молодость, полная рабского труда и упорной учебы, от которой я непомерно устал. Разве сможет нормальный человек повторить такое прошлое?..

А будущее? Оно – в тумане, во мраке. Одинокая звезда надежды не в силах осветить темноту грядущей жизни и легкий ветер мечты не развеет ее туман. Так стоит ли неведомое будущее моих дальнейших мучений?.. Вот почему сейчас для меня жить – неизмеримо больший подвиг, чем умереть... Нет худшего унижения, чем бедность!

Когда летят по небу ранней весной перелетные птицы с лучшими надеждами на Родину, вдруг прогремит охотничий выстрел, и убитая птица падает, ломая крылья, вот так же порою судьба в небесной выси мирской славы ломает человеку крылья.

Спаси нас, Аллах, уж если летать, то надо летать так высоко, чтоб даже зенитки не доставали.

Карканье вороны или трель соловья – черствому сердцу разницы нет.

Наряду с традиционной поэзией есть поэзия личного опыта, она является непосредственным проявлением собственных поражений и взлетов, крушений надежд и рождения новых замыслов. Такая поэзия роднит поэта с великими умами прошлого. От такого поэта можно ожидать многого: главное, чтоб он был верен себе и оставался мужественным до конца.

Ребенок всегда имеет право ожидать гостинца. Право его – право птицы, которую не посадишь на пустую ладонь; и кстати – ребенок с удовольствием пользуется этим правом и по-возможности не уступит это право никому, ибо в эту пору его жизни эта самая жизнь и так его обделила: уступка своих прав для ребенка есть непростительная роскошь. Он живет интуитивно, поэтому и за реалии, что обеспечивают ему жизнь, он держится чисто интуитивно.

Первая и главная интуиция ребенка – это близость к существу, породившему его, которое больше чем кто-либо или что-либо способно и призвано охранять и лелеять его.

Частьенько я чувствую себя ребенком, но мне не за кого держаться, а право мое игнорирует система. Я – как белый волчонок, выгнанный из стаи за то, что родился белым, а не серым.

Детство мое прошло в Казахстане. Пока я не научился хорошо драться и защищать себя, меня обижали все: свои – за то, что я был похож на русского, русские – за то, что я был не русским.

И так всю жизнь, бляха-муха – невезуха!

Для меня одинокость – это свобода: никто не следит за тобой и не судит каждый твой шаг. Чем больше одиночества, тем больше свободы, времени больше, чтобы размышлять и думать, короче – творить. Одинокость избавляет меня от неусыпного ока ханжества, от цепей мрачного суеверия, от сытой физиономии Ограниченности.

Любить поэзию и писать стихи, понимая, что ты бездарен, – это все равно, что любить и жить с женщиной, которая любит кого угодно, но только не тебя. Не для мужчины все это.

Покуда способен я верить – способен любить и страдать.

Человек был создан самым добрым и беззащитным существом, но звериные условия жестокой планеты, борьба за выживание превратили людей в более зверские существа, чем самые лютые звери.

Ныне, когда люди взяли тепло и свет солнца только для себя, когда они обезопасили свою жизнь от других существ и тварей, можно и нужно повернуть ход душевного развития человека туда – к истокам Человечества, захватив с собой весь груз исторического прогресса, что был нажит страданиями бесчисленных народов, муками, кровью и жизнями великих людей этих народов.

Должно быть такое направление у современного гуманизма. И только этот путь должна проповедовать литература: это – ее задача, это – ее цель.

Только тогда можно считать поэта великим, когда его творчество ставит вопросы глобального порядка и видит в этом свою цель.

Творчество очищает поэта от всякой скверны, если он предельно откровенен и следует истине, а не личной выгоде, иначе поэт – не поэт и стихи его – не поэзия, он – всего лишь фальсификатор. Видимо, горько на душе у такого поэта, тем более – если он умен, но не имеет силу воли бросить писать. Он позорит себя, позорит свой род и народ, чьим языком он пользуется как словесным материалом.

Истинный поэт – своего рода дегустатор: он ощущает вкус слова, чувствует его запах, знает его исконность или пришлость.

Истинный поэт – герой, ибо отваживается говорить о таких вещах общественного и личного характера, о которых девяносто процентов пишущих предпочитают в нашей стране молчать, не знать или делать вид, что не знают.

Истинный поэт – новатор, ибо жизнь в своих формах развития никогда

не повторяется, а он, следуя правде жизни, самопроизвольно творит все новое и новое.

Истинный поэт – консерватор в лучшем смысле слова, ибо он постоянно изучает все доступное ему из наследия прошлого и в своем творчестве опирается на незыблемые истины великих творений прошлого. В литературе настоящее без прошлого – в лучшем случае Царь-Пушка у Кремлевской стены, – оно не выстрелит в будущее истиной о нашем времени.

Истинный поэт – это Человек с большой буквы, у которого в гармонии Разум и Сердце; тот, чьи добродетели превышают его недостатки, наличие которых несомненно в каждом человеке, но он ежедневно пытается освободиться от них в меру сил.

Без сильных и богатых чувств нет хорошего стихотворения: чувства, самовыражаясь, становятся мыслями и в силу того, что сердце поэта играет главенствующую роль, они переходят в поэтический образ и оплетаются тканью художественности.

Иной читает книгу – видит фигу,
другой глядит на фигу – пишет книгу.

Один – в поле не воин, но в литературе один талантливый – больше, чем войско посредственностей.

Нет надежды? Ты выдумай ее и легче станет жить, ибо заново возродятся твои былые мечты.

Словари – это заскирдованный корм для Пегаса, но настоящий корм наших крылатых друзей – это живой народный язык, почаще пускайте пегасов на этот подножный корм.

Холодный ум, пылкое сердце, глаз художника и созерцательная душа – если человек имеет все эти качества, он – поэт. А пишет он стихи или нет, никакого значения не имеет: обычно эти люди – или властители умов, или изгои. Так или иначе, серая жизнь обывателя – не для них.

Дремиальные премиальные – единонахалию виршевиков.

*Дмитрий ЛУНИН***БРОУНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ***Об авторе*

Хорошие стихи – это всегда праздник, но в данном случае всех тех, кто имеет какое-то отношение к изящной словесности (будь то авторы или читатели), не может не радовать и то обстоятельство, что поэзией сегодня всерьез и вплотную занимается человек, родившийся в 1982 г. и начавший писать на рубеже XX–XXI столетий, то есть как раз в ту пору, о которой с такой горечью писала Инна Кашежева: «Сейчас поэзия – лишенка, / без привилегий и без прав». Да, нынешнему поколению стихотворцев трудно рассчитывать на столь же пристальное внимание, какое выпало на долю «шестидесятников», с легкостью собиравших на свои выступления целые стадионы. Но в том-то и дело, что авторам, пишущим не ради признания и пресловутых «привилегий», а лишь в силу внутреннего побуждения к поиску гармонии и стремления к осознанному в слове бытию, в принципе не прилежат какое-либо притворство, ходульность и фальшь.

Предваряя небольшой этой врезкой подборку стихотворений Дмитрия Лунина, я, однако же, вынужден не рекомендовать ее к прочтению тем, кто возрос на так называемых «светлых стихах», кому не чужд казенный оптимизм и кто не в состоянии смотреть в глаза извечной (и неизбывной) трагичности человеческого существования.

Д. Лунин, как заметит заинтересованный читатель, в сегодняшних своих произведениях ориентируется и на Иосифа Бродского, и на Андрея Вознесенского, и на Владимира Высоцкого (что вполне естественно, ибо в поэтический цех он явился из «авторской песни»), и на Огдена Нэша, и на Игоря Иртеньева – всех не перечислишь. Но речь, подчеркиваю, идет не о подражательстве, а именно и только о выборе ориентиров, и выбор этот, на мой взгляд, говорит о наличии у молодого автора вкуса, без которого профессиональное становление невозможно.

Кстати, о профессионализме. В последнее время Д. Лунин выступает и как поэт-переводчик (см., например, «ЛКБ» №1 с. г.), то есть способствует устранению той брешки, которая в последние десятилетия образовалась в мосту, связывающем наши поэтические миры. Думаю, никто из поэтов, предложивших свои произведения на перевод Д. Лунину, об этом не пожалует.

Георгий Яропольский

Глаз не отличает ферзя от пешки.
Жизнь протекает в чертовой спешке –
все хаотично и все бесцельно,
как движенье молекул. Как оказалось,

вопросов больше, чем было раньше.
Ухо не слышит в мелодии фальши.
Годы постепенно теряют цену.
В двери чуть слышно стучится старость.

Сумма от множества перестановок
слагаемых не изменяется. С новых
дней чередою не прибывает
в памяти мыслей. В числе последних –
мысли о том, что ты прожил между
разных эпох, что дает надежду,
ибо в истории чаще бывает:
кто пережил – тот и есть наследник.

Истины, в общем, всегда абсурдны.
Те, кто судили, – те неподсудны.
Кто забывали про всех – не забыты.
Здесь сам собою просится вывод:
написавший о старости не стареет,
даже когда тело кровь не греет.
Потому и тогда, когда окна закрыты,
остается всегда через двери выход.

Это образно, но в своей сути верно:
человек по природе уже не зверь, но
он и не Бог. Потому не вечен.
Но имеет желание, как ни странно,
просмотреть свою жизнь, как в кино, с экрана.
Только вот за билет расплатиться нечем.

Размышления в ночной комнате

I

Картинка за окном имеет вид,
что твой квадрат Малевича. Как в вате,
приглушен голос города, и спит
распластанный на собственной кровати
обычный имярек, устав с пути.
Опять дырявит ночь фонарь-компостер.
Стараясь никого не разбудить,
уходят мысли полуночным гостем,
поскольку мысль, впитав обрывки вер,
спешит расстаться с миром эфемерным,
пытаясь выйти в запертую дверь,
но без упорства, свойственного смертным.

II

На циферблат ложится ночи час,
объемность комнат насыщая тенью.
Уже календарю не верит глаз,
как некоему странному виденью.

Который год все терпящий рояль
никчемн в новой мебели убранстве.
Когда подобно призраку, ноябрь
теряет очертания в пространстве,
надменн и бесхитроств суров,
иглой грядущей ночи изувечен,
от окон, переулков и дворов
уходит заблудившийся в них вечер,
как публика, спектакль освистав...
Но в город, спящий только лишь отчасти,
в трехсотый раз упавшая звезда
не принесет желаемого счастья.

III

Здесь даже мысли те же, что вчера,
и время, удаляясь безвозвратно,
жужжа, как сумасшедшая пчела,
сегодня перетягивает в завтра.
Опасно жить на этом рубеже.
Вновь ощущая некую беспечность,
ты видишь сон, а между тем, уже
тебя за плечи обнимает вечность.
Благословен, кто умер без нитя.
Благословен воистину, кто дожил,
чтоб видеть, как за гранью бытия
проснется вечно дремлющий художник
и образ нанесет на полотно,
чертам подобный ангельского лика...
Как в плотно затворенное окно,
ты мне кричишь, но я не слышу крика.

IV

Сжимая город вымерший в горсти,
ночные облака молчат подолгу,
чтоб мысленно молитвы донести
лишь своему невидимому Богу.
Но Богу дела нет до облаков.
Он за столом сидит в одной пижаме,
вспоминанья прожитых веков
вновь занося в истории скрижали.

V

Вновь созерцаешь мир, закрыв глаза,
почти ничто, эпохи хромосома,
по гололеду времени скользя,
всем телом ощущая невесомость.
И кажется, теперь уже вовек
предмет не обнаружит свойства падать,
не хватит силы для поднятья век.
Уже никак не ощущает память

желанья власти, свойственного ей
сильней желанья выползти наружу.
Стремясь увидеть очертанья дней,
глядит фонарь в насмешливую лужу.
С такою быстротой из тьмы квартир
уходит прошлое, сменяясь настоящим,
что кажется, потусторонний мир
в проем окна тебя за ним утащит.

VI

Время напоминает второпях отправленное письмо,
в котором, как всегда, забываешь сказать нечто главное.
Очертания поздней осени так схожи с ранней весной,
что внешне не отличимы. Город в пространстве плавает,
подобно огромных размеров галере, чья пьяная матросня
пытается низложить ранее ею же выбранного капитана.
Фонарь, будто с девушки платье, на время ночи завесу сняв,
освещает подле себя часть улицы и символ империи капитала –
банк, из которого все служащие давно разбрелись по домам,
поскольку даже кесарю кесарево нет желания отдавать среди ночи.
От переизбытка мыслей недолго сойти с ума,
и среди них одна, неназойливая, как «между прочим»:
одиночество – это если можешь быть с кем угодно, но
вновь занимаешь один в том пространстве позу,
где даже растворенное настезь огромных размеров окно
не пропускает в комнату свежий морозный воздух.
В темноте среди звуков для слуха всегда ощутимей такой:
от жгучих порывов ветра поскрипывает кровель железо.
И бесполезно, как небо пытаться достать рукой,
тянуться к тому, что ушедший век навсегда от тебя отрезал.

VII

Вечером, когда темнота, заползая в дом,
старается заполнить мебель и все предметы,
неполноценный, как птица с одним крылом,
поистрепавшийся календарь напоминает о том, что летом
день был более долог, а ночью небо как решето,
и деревья с листвой, напоминающие динозавров.
Невозможно прожить сегодняшним днем,
потому что сегодня превратится в позавчера послезавтра.
А сейчас лишь часы постукивают ходу времени в унисон.
Так и вечер осенний уйдет, растворится, никем не замечен.
И желанье одно: уж поскольку и должен присниться сон,
лучше пусть будет кошмарным он, нежели вечным.

VIII

Знаю, игла пластинки почти что достигла края.
Вспоминая твой голос, вижу прошлое наяву.
И, снова в пространстве комнат твой силуэт различая,
я в зеркале отражаюсь, а значит, еще живу.

А значит, хранимы Богом безмолвные стены дома.
Вновь тишину дополнив, времени ход затих.
Если меня не станет, может, поэт знакомый,
не приходя в сознание, новый напишет стих.

Письмо

Как путник, уставший от долгих странствий,
взгляд ищет место остановиться.
Лишь вспоминая знакомых лица,
как факт принимаешь, что ты в России.
Ночь заполняет домов пространства
с бесцеремонностью наглого гостя.
Вновь для распятия ищут гвозди
те, кто в тебе разглядел мессию.

Жизнь пролетает однообразно.
Не отличая зерен от плевел,
время нас всех превращает в пепел.
Этот закон даже я не нарушу.
Все повторится еще не раз, но
если ты при смерти, то с испугу
тело свое доверяешь хирургу
чаще, чем пастору душу.

В этом ответ на любые вопросы,
даже на те, что никто не задал.
Знаешь, чем чаще я в жизни падал,
тем отчетливей видел, что лежа – лучше.
Я представляю собой отбросы
общества, ты же являешься частью
общества. Впрочем, наверное, к счастью,
это письмо – единичный случай,

ибо со смертью кружиться в вальсах
много приятней, чем ждать кончины
и суетливо искать причины
происходящего. Это точно.
Этого не объяснить на пальцах.
за сим ставлю точку – тире – прощаюсь.
Помни: однажды и ты, отчаясь,
это заметишь. Спокойной ночи.

Зульфие Чочаевой

Когда пустота поглощает иллюзии,
куда устремить свой взгляд?
Будто на фронте – из тех, что не трусили, –
никто не вернулся назад,
погибли и наши с тобой отношения,
их новый сгубил виток.
С двумя неизвестными уравнение
не может решить никто.

Салих ЭФЕНДИЕВ,
профессор КБГУ,
Тамара ЭФЕНДИЕВА,
профессор КБГУ

МЕТА ПОИСКА

Недавно в издательстве «Полиграфсервис и Т» вышел сборник стихов талантливого балкарского поэта Муталипа Беппаева «Повелители гор». За последнее десятилетие в балкарской поэзии это второй сборник стихов, написанный национальным поэтом на русском языке. Это отрадное явление в балкарской литературе, развитие которой немислимо без взаимных контактов, творческого взаимодействия и взаимовлияния.

Книга открывается небольшой статьей Кайсына Кулиева «Мета поиска», которую он написал около 30 лет тому назад. Великий мастер слова и учитель многих поколений начинающих поэтов Кайсын Кулиев писал о М. Беппаеве: «...Муталип – самый молодой член Союза писателей из балкарских поэтов, но ему уже тридцать – возраст для поэта достаточно зрелый. В такие годы художнику не мешает вдумчиво посмотреть на то, что ему удалось сделать, все взвесить серьезно... Я вижу мету поиска, а это значит, он ни в коем случае не хочет повторять сделанного, достигнутого и открытого в балкарской поэзии».

Стихи Муталипа Беппаева действительно написаны с глубоким знанием жизни во многих вопросах человеческого бытия – в форме трехстиший, четверостиший и обычного классического стиха. Их можно подразделить на давно выстроенный терминологический ряд: на пейзажные, любовные, гражданские и философские стихи, в которых выражены общечеловеческие мотивы и сугубо индивидуальные мысли и чувства. Книга состоит из разделов «От Бога до меня», «Зреют знаки», «Эльбруса печать», «Из ранних тетрадей», «Переводы», каждый из которых художественно свидетельствует о духовной жизни карачаево-балкарского народа, его сознании и самосознании; в них есть и отражение идейно-нравственного развития самого поэта. В этом сборнике насчитывается 193 стихотворения.

В последнем разделе «Переводы» М. Беппаев взял на себя большую ответственность перевести на русский язык классиков карачаево-балкарской литературы Исмаила Семенова, Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева и дагестанца Магомета Исаева, где он умело передал особенности стиля каждого из них: философские раздумья, детали национального быта, своеобразие национального характера героев, воссоздание колорита эпохи с психологической достоверностью, историзмом и лиризмом. Эстетические взгляды основоположников карачаево-балкарской литературы, их основные мотивы творчества выражены довольно ясно в переводах их произведений.

Своеобразие, богатство духовного мира современника Муталипа Беппаева, пути и формы художественного освоения действительности проявлены в лирических посланиях и посвящениях, адресованных Тарасу Шевченко («Ярко, ярко ты горя...»), Пушкину («Пушкин»), Кязиму Мечиеву («Геммы-отпечатки...»), Кайсыну Кулиеву («Прорицатель»), Ибрагиму Бабаеву («Он был ранимей всех иных...»), Ахмату Кучмезову («На смерть врача»), Мухтару Кудаяву («Маэстро»), Расулу Гамзатову («Расул»), Маго-

меду Ахмедову («Когда над Гонода горит звезда...»), Михаилу Залиханову («Повелители гор»), Володе Баккуеву («Дело в малости»), японскому поэту Кикаку («На поляне, странно так...»). В этом особом лирическом жанре М. Беппаеву удалось искренне и задушевно выразить свои чувства, «лирического героя» к тем, к кому он обращался в лирическом послании или посвящении, создать краткие стихотворные портреты, индивидуальные особенности любимых им людей, живших в разные эпохи и оставивших неизгладимый след в отечественной истории.

Яркою многогранностью реализма и романтизма Муталипа Беппаева заметил Кайсын Кулиев, когда читал его стихи и писал в своей статье «Мета поиска»: «...Мои слова о молодом поэте из Чегема сказаны с любовью, с такой же любовью слежу я за его работой потому, что он талантлив, а еще потому, что родная поэзия безмерно дорога мне, как и родная земля, как и голос моей матери. Верю, что Муталип будет трудиться так, что ему удастся полностью оправдать сказанное о нем и то, что ждет от него прекрасная балкарская Муза, которая склонилась, как мать, над моей и его колыбелью». Этими словами о своем собрате-поэте Кайсын Кулиев как бы предсказал творческую судьбу молодого друга, что ждало в конце его молодости и старости. В интервью с Кайсыном Кулиевым журналист А. Иванушкин в 1982 г. писал о том, что К. Кулиев всегда помогал начинающим поэтам словом и делом, и многие из них ощутили на себе его внимание и заботу. «Муталип Беппаев говорил мне, – вспоминал А. Иванушкин, – что не только поэзия К. Кулиева, но и его жизнь является для него образцом для подражания, так сказать, точкой отсчета» («Ум, окрыленный свободой». Кайсын Кулиев. Статьи. Интервью. Выступления. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 36). Всю свою жизнь М. Беппаев старался оправдать высокую оценку, данную Кулиевым его творчеству, начиная с книги стихов «Эльбрус – белокрылая птица» (М., 1984) до его книги, написанной на русском языке «Повелители гор» (Нальчик, 2007).

Муталип Азнорович родился в 1949 году, через год ему исполняется 60 лет. В балкарском литературоведении мало сказано об этом очень интересном и оригинальном поэте. Это Л. Ошанин со своим вступительным словом к подборке стихов М. Беппаева, опубликованной в «Литературной России» (1976, 17 ноября); Ф. Урусбиева. «Портреты и проблемы» (Нальчик, 1990.) и Ж. Кулиева в книге «Писатели Кабардино-Балкарии. Библиографический словарь» (Нальчик, 2003). И вот эта небольшая рецензия в связи с выходом в свет сборника стихов «Повелители гор».

Интересно обратить внимание на раздел этой книги «Из ранних тетрадей», многоплановый романтизм которой берет свое начало и основу от других художественных методов – сентиментализма, романтизма и даже символизма. Обратимся к стихам этой поры. В его художественной палитре встречается образ умирающего лебедя («Боль»), варьирующий образ трагической человеческой судьбы:

*Спеть не успев свою песню,
Обняв крыльями тело,
Лебедь умирал...
Вздрогнули,
Задрожали,
Зашатались
Лили.
Ломаными линиями*

*Легли и
Скрыли его
(чужая боль
светлое
будит в нас)...*

Здесь авторское осмысление трагического объемно, оно включает в себя не только общечеловеческое, но и индивидуальное, единичное. То, что отмечал еще Аристотель в своей «Поэтике» – его знаменитое определение трагедии как очищения от аффектов («чужая боль светлое будит в нас»).

Суждения М. Беппаева «Из ранних тетрадей» также категоричны и мудры, как и более зрелой поры, когда он писал о своих друзьях Кайсыне Кулиеве или Расуле Гамзатове, земляке Михаиле Залиханове, называя его повелителем гор и «первым тигром Кавказа на века».

Печально-неизбежное, почти роковое ощущает читатель в строках его стихотворения «Косьба»: «Ромашки кивали личиками, мило мне кланяясь... А я, бестолочь, вооруженный косой, проносился, скашивая их... Ромашки кивали личиками, о землю спотыкаясь». Подобные мысли молодого поэта побуждают читателя задуматься о многом и приводят к философским раздумьям о хрупкости человеческой жизни, жилища, о судьбе, противиться которой бесполезно.

Авторское стремление к философскому обобщению «Из ранних тетрадей» осталось и в стихах рубежа веков (90-е гг. XX в.) и начала первого десятилетия XXI столетия в разделах книги «От Бога до меня», «Зреют знаки», «Эльбрусская печать», особенно в таких стихотворениях, как «Натюрморт», «Художник», «Нами правят», «Байкал», «Коней торопят Боги», «Бог и человек». «Отчизне», «Пророк», «Мы у Родины», «На перевале», «Стамбул», «Музыка» и др. В этих разделах книги поэт воспел все времена года («Осень», «Весна», «Нега снега», «В серебре пороши»), время суток («Над Уфой», «Кочет ночи») и, конечно, неповторимые места родного края, возникший вдруг в его памяти «из голливудских лент сказочный аульчик Бабугент» («Бабугент», «Горный пейзаж», «В Хабазе», «Горы», «В Чегемском графстве», «Эльбрус», «В Яникой» и т. д.). Все это свидетельствует о том, что поэт обладает тонким чутьем понимания явлений этноприроды.

Особую функцию во всех разделах книги «Повелители гор» выполняет в любовной лирике М. Беппаева антиномия пессимизма-оптимизма, позволившая ему показать щедрость души горца, его доброту, благородство, мужественную выдержку, восхищение женской красотой и почитание материнства.

Свою небольшую статью о поэзии М. Беппаева нам бы хотелось закончить суждением Жанны Кулиевой, дочери поэта Кайсына Кулиева. Она писала в книге «Писатели Кабардино-Балкарии: XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь»: «Стихи Беппаева множеством нитей связаны с традициями народной поэзии. Он прекрасно чувствует свойственное народной поэзии внутреннее дыхание. Он также хорошо чувствует и время, новые веяния, палитра его поэтических средств разнообразна и интересна, она отличается новизной и неординарностью. Поэтому его поэзия и современна и самобытна одновременно. Она близка и старшему и молодому поколениям».

Борис КАГЕРМАЗОВ**ВСТРЕЧА**

Невысокого роста, седой, подвижный. Взгляд его упал на меня. Взгляд мимолетный, безразличный, незнакомый. В фойе он говорил с кем-то из писателей. «Слушай, не обижай Гурунца, нельзя», – сказал он. «Да это же сам Гурунц!» – подумал я и стал разглядывать его. Я видел Гурунца впервые, а знал по его коротким рассказам уже давно, с самого начала 60-х годов. Помню, с каким большим интересом я читал тогда его великолепные литературные миниатюры, собранные в небольшой книжице «Камни моего очага». Я был в восхищении от них. «Вот как можно писать! – думал я. – Так мало слов и столько мыслей!»

До этого я не был знаком с жанром короткого рассказа. Такого короткого, как у Гурунца: страничка, полстранички и даже того меньше. В нашей же кабардинской литературе этого жанра вовсе и не было.

В те годы я уже писал стихи, но когда прочитал Гурунца, у меня появилось сильное желание попробовать написать такие же вещи, как у него. Кое-что опубликовал в газете. Заметили. Через некоторое время я издал книгу прозы, куда включил и короткие рассказы. В предисловии к книге было сказано, что в кабардинскую литературу впервые вводится жанр короткого рассказа...

Те, кто читал Гурунца, шутя, звали меня «кабардинским Гурунцем». Мне это было приятно, хотя знал, что до совершенства его вещей моим еще далеко...

Время шло, и получилось так, что к выходу моей второй книги прозы (наряду с книгами стихов) у меня накопилось-таки достаточное количество коротких рассказов, и я опять включил их в сборник. Так утвердился этот жанр в нашей литературе. И все же короткие рассказы пишут у нас совсем не многие. Наверное, сказывается трудность жанра. Хитер, коварен этот, на первый взгляд, «легкий» короткий рассказ...

«И вот первая встреча с Леонидом Гурунцем. Примечательно, что в столовой мы оказались с ним за одним столом. Я с удовольствием познакомился с Леонидом Карахановичем, рассказал ему, как он однажды «заразил» меня своими короткими рассказами, да так, что до сих пор пишу их и уже, наверное, что бы ни писал, от этого жанра уже не откажусь...

Теперь мы с Леонидом Карахановичем встречаемся часто, в день несколько раз. Он очень общительный, интересный собеседник. Рассказал мне о себе. Ему идет 70-й год, но душа его очень молода, ее хватило бы еще на много лет. Он очень любит жизнь, полон творческих замыслов. Как я хочу, чтобы он еще жил!..» – эту запись я сделал в своем блокноте через несколько дней после нашего знакомства – 4 марта 1982 года в Доме творчества им. Федина в Переделкино. Мог ли я знать тогда, что дни его уже были сочтены, что пройдет всего каких-нибудь неполных девять месяцев и его не станет, что солнце, которое так щедро светит всему

сущему на земле и которое он воспевал в своих произведениях, уже не сможет послать ему хотя бы лучик своего света, что навсегда уйдет от нас мой учитель со словами, полными горечи и обиды на приближавшуюся неизбежность: «Куда я уношу свою голову?!»

Тогда, в Переделкино, мы очень быстро подружились, казалось, что каждый из нас давно ждал другого и вот, наконец, встретились. Это, наверное, и есть то, что называют родством душ. Мы сразу же открылись друг другу, говорили много, будто каждый из нас копил в себе за эти долгие года до встречи все то, о чем теперь торопился поведать другому...

Дни стояли относительно теплые, и мы гуляли после обеда и по вечерам. «Я Переделкино знаю хорошо, – говорил Леонид Караханович. – Я ведь часто приезжаю сюда. Знаешь, Борис, иногда как подумаю, сколько писателей уже не приезжают сюда и больше никогда не придут... сердце холодеет. Да, уходим мы. Незаметно. По одному...»

В такие грустные минуты он молча шел чуть впереди меня, опустив голову и постукивая своей самодельной палкой по наполовину растаявшему слою утоптанного снега на дороге. Затем резко останавливался, поворачивался ко мне и говорил, немного улыбаясь: «Вот и я постарел... А знаешь, каким я шустрым мальчиком был! Да. Я отлично помню свое детство... Интересно, в мои, такие пожилые годы я все чаще стал вспоминать свое детство. К чему бы это, а? Как ты думаешь?» Я не мог сказать ничего в ответ. Действительно, Леонид Караханович часто, беседуя со мной о писательских делах и заботах, вдруг переключался на разговор о детстве. Так, однажды он рассказал, как его сверстники-подростки чуть не избили его за то, что втайне от них пошел на свидание с девочкой, которая приехала из города в гости к ним в село. «Понимаешь, они, заметив меня с этой девочкой, почему-то решили, что я изменил им, и хотели поколотить меня, но тут вмешался мой двоюродный брат, он был старше нас, и его авторитет сыграл свою роль...»

Леонид Караханович останавливался, смотрел на меня, улыбаясь, и спрашивал: «Тебе интересно, что я рассказываю?» – «Интересно, очень даже, – отвечал я. – Ведь и со мной такое случилось...» – «Да?» – удивлялся он и, очень довольный тем, что мне интересны его воспоминания о детстве, опять рассказывал о своих мальчишеских похождениях. В такие минуты он опять становился очень милым, добрым, седым мальчиком и был мне вдвойне симпатичен.

Однажды, когда мы шли мимо литфондовских коттеджей, он показал на один из них, и сказал: «Здесь жил поэт Борис Пастернак». Заговорили о нем и о его писательской судьбе вообще, и Леонид Караханович добавил: «Как тяжела наша ноша! И все же никто из нас ее не бросит, будет нести до конца дней своих. Как свой крест». И тут же спросил, сколько мне лет. Я ответил. «Только 48? А мне 69, идет 70-й. Знаешь, почему я спросил? Потому что подумал: почему мы с тобой не ровесники и не встретились давно-давно?»

Я остановился, удивленно глядя на него, сказал: «Да ты что, Леонид

(он позволял мне называть его так, даже, я заметил, это нравилось ему), читаешь мои мысли, что ли? Об этом же думал сейчас и я». – «Да? Вот здорово!» – сказал он, хлопнув меня легонько по плечу.

...Пришел ко мне рано утром. «Не помешал? Вот, прочитал твои короткие рассказы и написал о тебе...» Протянул мне несколько страниц машинописного текста. Я прочитал название – «Слово о друге». «Ну, ты читай, а я немного прогуляюсь и вернусь», – сказал Леонид Караханович и вышел. Я прочитал. Это было эссе на пяти страницах о нашей встрече, о моих коротких рассказах. Оно заканчивалось так: «Я приветствую тебя, мой молодой собрат по перу Борис Кагермазов. Приветствую твой несомненный талант, считая тебя не учеником, а одним из первопроходцев в трудном жанре литературы, в котором, как сказал Юрий Олеша, слова кончаются, а мысль продолжается».

Когда он вернулся, я сказал:

– Товарищ Гурунц. Вы слишком щедры на похвалу. И все же спасибо на добром слове.

– Я эту статью написал сегодня ночью, – сказал он. – Писал, не прерываясь. Только честно: понравилась?

Я обнял его, улыбающегося, довольного тем, что смог сделать мне приятное...

Уехав домой в Ереван, Гурунц заболел. Лежа в больнице, он прислал мне письмо с вырезкой из газеты «Коммунист». То было его эссе обо мне – «Слово о друге...»

Незадолго до его смерти я перевел на кабардинский язык двенадцать его коротких рассказов, опубликовал их в республиканской газете «Ленинский путь» и выслал ему. Мы писали друг другу, что обязательно встретимся еще не раз. Но – увы! – встретиться было уже не суждено... Ушел Гурунц. Унес свою умную седую голову, оставив нам свои мысли, чувства, свою доброту, открытость и человечность. А это и есть лучшая память о нем.

Галина КУМАХОВА-ШОГЕНОВА

Она не могла быть другой

*Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...*

Н. А. Некрасов

Волею судьбы почти тридцать лет мне приходилось общаться с этим уникальнейшим человеком. Срок немалый для того, чтобы хорошо узнать человека. Приняв довольно смелое решение, я вдруг спохватилась, засомневавшись в том, смогу ли я хотя бы в общих чертах рассказать о столь многогранной деятельности и не менее многогранной личности Марии Шамилевны Шекихачевой. Но долг велит. Поэтому берусь за ручку с надеждой, что время еще не раз напомним людям о ней (если даже и забудут, но вряд ли это случится), что лучшая оценка еще впереди, потому что такие, как Мария Шамилевна, не подвластны времени.

Совершенно разные и по положению, и по возрасту, и по складу характера, и по взглядам, мы (учитель-практик, уже успевший обрести определенный опыт работы по традиционным программам, учебникам, апробировавший на своих уроках не одну модную методику, и ученый-педагог, без пяти минут доктор педагогических наук, своим универсальным открытием положивший начало новому направлению в лингводидактике и методике преподавания языков) как-то легко, без особых трений нашли общую точку опоры в главном для обеих нас деле – в научных поисках путей совершенствования теории (содержания) и методики обучения судьбоносному для нашей молодежи русскому языку.

Академическая наука пришла в школу, а практика стала ее экспериментальной базой.

Ученому-педагогу-теоретику Марии Шамилевне Шекихачевой своим открытием Инварианта словообразовательного типа удалось восстановить очень важное звено, недостававшее в теории и практике школьного преподавания русского языка. Обучение словообразованию, тесно связанному с другими сферами языка, осуществлялось без учета основных его закономерностей. А это не могло серьезно не отражаться на качестве обучения и практического овладения языком.

М. Ш. Шекихачева первая поняла, что больше так не может продолжаться. Начались исследования и длительная экспериментальная работа. Ее научные труды по словообразованию получили признание и достойную оценку в ученом мире.

От заместителя председателя Экспертной комиссии по присуждению премии Гособразования СССР, заместителя начальника Главка П. Г. Буги в адрес ректора Кабардино-Балкарского государственного университета В. К. Тлостанова поступило письмо такого содержания (1990 г.): «Главное учебно-методическое управление высшего образования сообщает, что

книга Шекихачевой М. Ш. «Содержание и приемы обучения русскому словообразованию: выход в лексику, грамматику, орфографию» демонстрировалась на выставке ВДНХ СССР и получила многочисленные положительные отзывы, при этом был отмечен ее высокий научно-методический уровень». Книга была отмечена премией.

В. В. Лопатин, доктор филологических наук, профессор, лауреат Государственной премии, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова, подробно ознакомившись с трудами М. Ш. Шекихачевой, дал им высокую оценку. Как автор раздела «Словообразование» в академической «Русской грамматике» (1980 г.), он указал на то, что «в отличие от традиционных учебников и программ, в которых словообразованию отводится при изучении русского языка более чем скромное место, а само оно предстает как самодовлеющая сфера языка, нимало не связанная с другими его сферами, Мария Шамильевна увидела в словообразовании тот важный участок языковой системы, тот узел, в котором тесно переплетены разные уровни языка, – лексический, фонологический (с выходом на орфографию), морфологический – и который может поэтому служить опорой при изучении этих языковых уровней», поэтому «необходимость внедрения в практику школьного преподавания новой учебной единицы – формулы «Инвариант словообразовательного типа» представляется нам несомненным».

Против ущербной теории в традиционных программах и учебниках и негативных навыков, вырабатываемых ею, была направлена вся система работы по комплексно-процессуальному методу, выдержавшая многолетнюю экспериментальную проверку.

С целью ознакомления с ходом эксперимента и его результатами в нашу республику неоднократно приезжали крупнейшие ученые (лингвисты, методисты, психологи, эксперты). Среди них – сотрудники ИРЯ РАН им В. В. Виноградова профессор Федоренко Л. П., заслуженный деятель науки РФ, автор двухтомного «Словообразовательного словаря» профессор Тихонов А. Н., научный руководитель Федеральных Экспериментальных Площадок (ФЭП) МОН РФ, профессор-консультант координационного совета Лиги народов России Березовская Т. Ю. Все они были единодушны в оценке очевидных достоинств теории и практики Инварианта СТ.

Профессор Федоренко Л. П.: «Я думаю, Мария Шамильевна, Вы до конца еще не осознали, какое великое открытие сделали. Это направление!»

Профессор Тихонов А. Н.: «То, что я увидел на уроках, поразительно! Такая система обучения языку должна стать достоянием не только КБР».

Профессор Березовская Т. Ю.: «То, что сделала для нас Мария Шамильевна, неоценимо. Оно таит в себе большие возможности для успешного решения многих важных вопросов обучения и воспитания».

Результатом длительной экспериментальной работы по апробированию и внедрению в практику школы детища Инварианта СТ – структурной методики – было открытие Научно-исследовательского института структурной методики преподавания языков при КБГУ (НИИ СМПЯ при КБГУ), которому в этом году исполняется 15 лет.

«Если наука – истина, то ей нужно служить как религии, ибо она от Бога», – часто можно было услышать от Марии Шамилевны. И она сама являла ярчайший образец такого служения педагогической науке. Иначе она не могла.

Когда речь заходит о личностных качествах этого человека, то прежде всего вспоминаются первые годы нашего совместного труда.

Чуть ли не ежедневно то она одна, то вместе с аспирантами ее кафедры, то со студентами-дипломниками, а то и просто с кем-нибудь из своих единомышленников (их у нее было немало и среди наших местных ученых, и среди ученых из разных республик и городов страны) приезжала Мария Шамилевна в Урванскую школу, как к себе на работу, и начинался процесс совместной деятельности, когда и ученый, и учитель, и ученики (включая и гостей) учились друг у друга и учили друг друга, вместе, сообща решали важные проблемы, с которыми одному ученому, оставаясь с ними один на один в рабочем кабинете, невозможно было бы справиться. Такие моменты совместного творчества приносили ей огромное удовлетворение. Вопрос, заданный к месту, или удачный ответ мыслящего ребенка приводили ее в неопишуемый восторг. Она вся преображалась, еще сильнее вдохновлялась, видя, как шаг за шагом приближается к намеченной цели. Невозможно было не любоваться ею в минуты вдохновения. А такое бывало в ее практике нередко. Очень ей нравилось общаться с детьми, пробуждать в них добрые чувства и светлые мысли, интерес и любовь к предмету обучения.

Однажды перед началом урока в экспериментальном классе она совершенно неожиданно вошла и попросила уступить урок. Это было перед предстоящей защитой докторской диссертации. Как потом объяснила, ей срочно надо было проверить какой-то момент в своей работе перед серьезным испытанием. (Какая требовательность к себе!) Заняв позицию наблюдателя, я села за последнюю парту. И то, что увидела, глубоко поразило меня, и тут же в моем рабочем блокнотике появились следующие строки. Конечно, далеко им до совершенства, но надеюсь, они помогут неблизко знавшим Марию открыть для себя еще одну замечательную черту педагога, удивительного человека и ученого от Бога.

Вдохновение

Ясный взор, лучистая улыбка...

Торопливо входите Вы в класс.

Мел, доска и тридцать пар пытливых,
Озорных по-детски, милых глаз.

Вмиг мои ребята приутихли:

«Что такое? Что случилось вдруг?

Дать урок сегодня не учитель

К нам пришел, а кандидат наук?!»

Нет на свете ничего красивей

Вдохновения, убеждаюсь я,

Видя, как Вы мудро, терпеливо

Подвели к открытиям ребят.

И свершилось чудо! Удивленные,
Загорелись детские глаза:

Ведь слова, привычные, знакомые,
«Засверкали» ярче, чем алмаз.

Каково же счастье – так увидеть
Результат огромного труда!

Радость Вашу надо было видеть:

Нелегко словами передать...

Мария Шамилевна, ученый, педагог-теоретик и практик одновременно, подобным образом готовила и меня к предстоящей серьезной экспериментальной работе, о которой я имела мало представления, но которая мне была уже интересна. Чем глубже вникала в суть ее исследований, тем больше утверждалась в мыслях о том, что:

- ✓ *не может быть хорошим педагогом плохой человек;*
- ✓ *не может быть хорошим педагог, не являющийся исследователем;*
- ✓ *к ленивым вдохновение не приходит;*
- ✓ *педагогический процесс требует оригинальности мышления и действий.*

Для Марии Шамилевны как труженика науки творческая исследовательская работа была потребностью души, более того – ее жизнью, формой самовыражения. И этим очень сильным качеством – любовью к творчеству, к науке – она «заражала» и тех, кто был рядом и на кафедре «Русский язык для иностранцев» в КБГУ, и в НИИ СМПЯ, и в экспериментальных школах. Многим она дала путевку в науку. Среди них – Емузова Н. Г. (д. п. н., ныне директор ИПК и ПРО КБГУ), Геляева А. А. (д. п. н.), Бабаева Л. А. (д. п. н.), Жирикова Р. Ж. (к. п. н.), Тажев Б. П. (к. п. н.), Жеребило Т. В. (к. п. н.), Кумыкова Д. М. (к. ф. н.), Мухадиева Ф. П. (к. п. н.), Хацукова Р. А. (к. п. н.), Шонтукова И. В. (к. п. н.) и др.

Беспредельно честная, бескорыстная, безгранично преданная делу служения истинной науке, Мария Шамилевна была беспощадно требовательна к себе и к тем людям, кому доверяла. Она трепетно оберегала «свое детище» (так называла свое открытие) от «нечистых» и «нечестных», по ее мнению, людей, старалась близко не подпускать или даже отстранять тех, в ком заметит (или заподозрит) малейшее проявление неискренности или корысти. Никогда, даже в самые ответственные моменты жизни и профессиональной деятельности, она не лгала, говорила только то, что думала, если это даже ей во вред. Лстить не умела и лстивых терпеть не могла. Во всем и всегда она была искренна и правдива. Этому учила и окружающих. Она не могла быть другой.

Работа по данному направлению никогда не прерывалась ни в самом институте, ни в экспериментальных и базовых образовательных учреждениях. Проводились лекции, практические занятия, открытые уроки, семинары, совещания районного, республиканского, федерального масштаба. Проводились телепередачи с участием Марии Шамилевны, учителей и учащихся. В журналах «Структурная методика преподавания языков» НИИ СМПЯ, «Русский язык в национальной школе» и в местных газетах периодически обобщался опыт работы школ и лучших учителей по данной системе.

Мария Шамилевна искренне радовалась успехам, но вместе с тем она сильно расстраивалась, если что-либо получалось не совсем так, как хотелось бы. Но никогда не отчаивалась, и тем более не отступала, напротив, с удвоенной энергией продолжала поиски: велика была вера, что истина выведет на правильный путь. Чаще всего так оно и случалось.

Можно сказать, что вся жизнь Марии Шамилевы была цепью препятствий и преодолений.

Человек трудной судьбы, еще в раннем детстве испытывавший ужасы репрессий, жертвой которых стали невинные родители, переживший смерть четырех сестер, брата, затем и родителей, Мария, оставшись совершенно одна, не растерялась, не сломалась. Она смогла остаться верной заветам мудрого отца, смогла найти себя, свое место в жизни. Мария не могла не знать цену счастью, успехам. А счастье, в ее понимании, это иметь возможность воплотить в жизнь то, чем Всевышний так щедро одарил, и прожить эту жизнь достойно, то есть помогать людям не совершать ошибок, а если уж они совершились, то сделать все возможное, чтобы больше не повторять их. Вот к чему всем существом педагога, ученого и мудрого наставника молодых стремилась она, чем бы ни занималась: и в научной работе, и в повседневной жизни, и в общении с окружающими.

Закаленная трудностями, Мария до самого конца оставалась сильным человеком. Всегда бодрая духом, она никогда не жаловалась на физическую немощ и болезни, как будто не хотела и не желала уступить им. И никогда не щадила себя.

Все-таки много, может быть, даже слишком много брала она на себя одну, на свои женские плечи. Волевой, целеустремленный, никогда не поддающийся слабости человек, она надеялась справиться. Торопила себя и других. А в последнее время ее не покидало навязчивое чувство страха не успеть. И здоровье, казалось, нужно было ей только для того, чтобы успеть, успеть завершить начатое любимое и такое необходимое людям дело.

Обширны были творческие планы Марии Шамилевы. Самое главное сделано: экспериментально доказано, что благодаря формуле построения производных слов «Инвариант СТ» открывается новое направление в образовании. Становится возможным параллельное изучение языков по единым структурным учебникам, построенным на прочной научной основе – структурно-семантической математизации лексики.

Вопросы воспитания никогда не переставали тревожить беспокойную душу ученого-педагога.

По концепции Марии Шамилевы, образование и воспитание нераздельны. Ее мысли как сплав высокого разума ученого и чистой души человека являются основными критериями оценки труда учителя-воспитателя. Ее комплексно-процессуальный метод изучения языка помогает так строить учебный процесс, чтобы он стал воспитывающим и развивающим одновременно, чтобы, обучая, можно было:

- ✓ *воспитывать, прежде всего, творчески мыслящего человека, а не просто исполнителя чужой воли;*
- ✓ *воспитывать гражданина своей страны;*
- ✓ *формировать достойного человека (сына, дочь, брата, сестру, друга, будущего отца, мать...);*
- ✓ *открывать и развивать в обучаемом то, что заложено в нем приро-*

дой – дар божий (М.Ш. была убеждена, что он есть в каждом ребенке);

- ✓ воспитывать любовь к родной природе и заботливое отношение к ней;
- ✓ воспитывать умение задумываться о своем месте в окружающем мире;
- ✓ воспитывать и развивать желание и умение в устной и письменной форме рассуждать по данным вопросам.

И на лекциях, и в общении в узком кругу Мария Шамилевна неустанно внушала нам:

- ✓ чтобы мир устоял перед напором разрушительных сил, надо почаще напоминать человеку, что он не зря родился на этой земле человеком. А это необходимо начинать с раннего детства;
- ✓ все беды и несчастья в нашей жизни случаются оттого, что мы не в полной мере осознаем ответственность перед обществом за качество обучения и воспитания нашей молодежи;
- ✓ к горчайшему сожалению, копившийся веками опыт предков по семейному воспитанию с каждым днем становится все бесцветнее и бледнее. Остается школа, то есть мы с вами. Здоровье общества, прежде всего нравственное, зависит от нас с вами, от нашего неравнодушия, от нашей гражданской совести;
- ✓ от правильной постановки и решения вопросов обучения и воспитания во многом зависит, станут ли наши дети в дальнейшей жизни здоровыми, высокообразованными, высоконравственными гражданами с иммунитетом к любым преступлениям и негативным явлениям в обществе.

Марией Шамилевной Шекихачевой пройден большой путь от сельского учителя начальных классов до профессора, доктора педагогических наук, директора института. Не лаврами, не громкой славой отмечен этот путь, а великим, самоотверженным трудом во имя истины, трудом талантливого Педагога, большого Ученого, глубоко порядочного Человека. Поэтому память о ней будет нетленна.

Игорь Терехов закончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК) по специальности «Кинодраматургия». Родился в Казахстане, детство провел в Сибири.

В Кабардино-Балкарии проживает с 1964 года. Служил в военной контрразведке, был рабочим, инженером, программистом.

С конца 80-х годов профессиональный журналист – корреспондент «Кабардино-Балкарской правды», зам. главного редактора еженедельника «Северный Кавказ», собственный корреспондент «Независимой газеты» (Москва). С 1993 года работает собкором российского информационного агентства «Интерфакс». В качестве корреспондента освещал практически все вооруженные конфликты и чрезвычайные происшествия 90-х годов на Северном Кавказе. Автор пяти книг прозы, нескольких киносценариев художественных и документальных фильмов. Финалист литературной премии «Русский Декамерон».

В новую книгу известного журналиста и писателя, вышедшую в Издательском центре «Эль-Фа», Нальчик, – вошли литературные этюды, опыты в прозе (эссе), циклы новелл, заметки и дневниковые арабески, объединенные одной темой – проблемой сохранения духовных и нравственных ценностей в период разлома советской цивилизации. Большинство произведений публиковались в центральных и региональных периодических изданиях.

Мухаммед ТОЧИЕВ

Адыгский символ

1

На зеленом, как листья весной в цвету полотне
Яркие звезды лучами огня рассыпаются.
Воплощая сплоченность адыгов на этой земле –
Три золотые стрелы воедино сливаются.

Припев: Гордитесь, адыги, бесценной историей нашей,
Обычаем верно мы в светлое завтра идем.
Мы прошлое помним, и этим живем в настоящем.
И в танцах своих мы традициям дань отдаем.

2

Огненный конь, а на этом летящем коне
С пылающим факелом всадник в небо вздымается.
Нартский герой Сосруко, подаривший огонь,
На помощь к адыгским племенам устремляется.

3

Адыгов великое прошлое, слава и быт,
Величие, мудрость отцов в наши дни сохраняются.
Предков подвиги вновь повторяя стремлением быть,
У гор меж морей потомки адыгов рождаются.

Фатима ХАСАНОВА

ВЕТЕР ПО ТРОПИНКЕ

Ветер по тропинке
Бродит безмятежно.
Вспомню по старинке,
Что была я нежной.

Что была я нежной –
Все куда-то делось.
Стала очень снежной,
Верить расхотелось.

Верить расхотелось,
Потому что горько.
Время завертелось,
Надо верить только.

В НЕБЕ ПРОИСХОДЯТ ЧУДЕСА

В небе происходят чудеса –
Солнце обнимают облака.
С неба опускается роса,
В облаках запуталась гроза.

В облаках запуталась гроза,
А в глазах запуталась слеза.
В небесах зажглись огни
Радугой чудесной красоты.

ЕСЛИ РАНЕНА ДУША

Все обдумай не спеша,
Если ранена душа.
Жизнь загадками полна,
Соль к душе несет волна.

Но волна порой вольна.
Ты с волной сравни себя.
Пусть в душе царит весна
И уносит в даль тебя.

В даль, где бурный океан,
Где растает весь обман,
Где накроет боль туман
И исчезнет весь дурман.

Ты с водой соединишь,
На мгновенье окунишь.
От всего освободишь.
Мир жесток, в душе очнишь.

СЦЕНА

Сцена – там актрисы,
Сцена – там капризы.
Смотришь за кулисы –
Там души эскизы.

Жизнь – она как драма,
В ней все для романа.
Сцена – панорама,
Пьеса для обмана.

МОИ ЧУВСТВА ПОСТАРЕЛИ

Мои чувства постарели,
Песнь любви они отпели.
Верить больше не хотели,
Боль развеять захотели.

Мои чувства жили, пели,
Но внезапно пожелтели.
Только выжить не сумели,
Свое счастье проглядели.

Лились песней из свирели,
Вмиг мелодию отпели.
Сердце в танце завертели,
Стаей птиц на юг летели.

Все взирали и смотрели,
Как метут в душе метели,
Как мечты в огне горели.
Чувства ждали, но старели.

Елена КУЯНЦЕВА,
 доцент кафедры русского и иностранных языков
 Нальчикского филиала Краснодарского
 университета МВД РФ, к. ф. н.

Образ «любовь» в лирике А. Кешокова (1940–1980)

Именно в лирике А. Кешокова концепт «любовь» стал своеобразным камертоном, повлиявшим на развитие любовной кабардинской лирики. В фольклоре адыгов, в частности, в «Сокровище Нартов», слово «любовь» встречается лишь раз. В сказании «Как Сосруко вернул нартам семена проса» девушка, чтобы выведать у дракона, где скрывается его душа, признается Еминезу: «Люблю я душу твою и тебя самого» [1]. Любовь – это одна из «вечных» тем поэзии. Еще Рильке в «Письмах молодому поэту» советовал: «Не пишите стихов о любви, избегайте вначале тех форм, которые давно изведаны и знакомы; они – самые трудные: нужна большая зрелая сила, чтобы создать свое там, где во множестве есть хорошие, и нередко замечательные, образцы» [2]. Итак, в лирике А. Кешокова 1940–1980 гг. на первый план выходит образ «любовь». К этому периоду А. Кешоков зрелый мастер, чья лирика «пронизана... сознательным стремлением к познанию человека» [3, с. 108]. Но путь поэта к постижению этого образа, его (образа) внутреннему саморазвитию не был прост. Еще в 1940 г. из под пера А. Кешокова выходит стихотворение «Вдоль парка», в котором автор намечает ориентиры в направлении «поэзии мысли», где сосредоточены основные его усилия и видны определенные достижения: серьезность, значительность, глубина размышления о сущем – о мире, о жизни, любви: «Нет, юность не вернешь, как ни зови. / Но, я хочу, чтоб и на склоне лет / Мы сохранили молодость любви /, Как эти ветви свой зеленый цвет» [4, с. 12]. Мотив постоянства в любви, бережного отношения к чувствам, ограждение их от невнимания и грубых прикосновений, святость и благородство в отношениях с любимой, целомудрие и лиризм – таково основное содержание стихов А. Кешокова о любви. Такое отношение поэта к любви можно объяснить не только феноменом общности человеческого мышления, но и определенным этическим кодексом адыгов, влиянием фольклорных образов и мотивов. Правда, встречались в его лирике 40-х годов и «легковесные стишки» (М. Сокуров), свидетельствующие о «срывах неокрепшего эстетического вкуса, когда характерна для молодежи раскованность чувства» [3, с. 40]: «Но, чур, ты помни уговор, / Что после каждого стакана / Вместо закуски, без обмана, / Меня целуешь ты в упор!» (стихотворение «Бокал мой выпей!»). Пожалуй, это единственное неудачное стихотворение поэта о любви. Вообще, в культуре адыгов очень сдержанное отношение к любви. М. А. Текуева в своей книге «Мужчина и женщина в адыгской культуре» отмечает, что есть определенная группа обычаев избегания, которая «регламентирует отношения между супругами и не допускает никаких публичных проявлений нежности, любви или даже интереса

друг к другу» [5, с. 40]. Возможно, поэтому в 1950 г. А. Кешоков пишет стихотворение – посвящение М. Кариму «Мне это знакомо». В этом стихотворении три уровня повествования: любовь, природа (как примета любви), «мы». Любовь: «Как мне это знакомо / По тысяче разных примет», «Любовь! Как все это знакомо / Мне с юности и до сих пор» [4, с. 140, 141]. Приметы любви в природе: поля и леса у дома, дарящие «невиданный свет», «реки под коркой морозной» и этнически маркированное словосочетание «летели мелодии гор». «Мы»: «Мы юными были когда-то... Мы тоже любили...». Это стихотворение показывает нам диалектику жизни и любви: весна, как символ рождения (жизни и любви) со всеми ее приметами – «Деревья от пламенной страсти / Рождали в страданье листву», «реки ... бурлили в преддверье весны». Смена времен года, и вновь «просыпаются реки / Деревья рождают весну!» На первый взгляд, в этом круговороте жизни нет ничего удивительного: «так было, так будет вовеки». Вывод поэта – это своеобразная эстетическая программа: «Люблю я и, значит, живу». Невольно вспоминается строфа В. Высоцкого: «Я люблю и, значит, я живу». Вот такие реминисценции подтверждают мысль Вейдле, что «смысловые, поэтические слова... сливают общее и частное, и не прикрепляются к отдельным предметам» [6]. Любовь ко всему сущему – не только главная мысль стихотворения, но и жизненная философия, в основе которой мир как единое целое. Но в этом же году (1958) появляется стихотворение «Я знал, я ждал...» В самом названии усматривается блоковское «Я звал, ... я слезы лил...», но это лишь внешнее сходство. Лирический герой знает и ждет: «Придет любовь ко мне». Он не борется за любовь, но это и не позиция пассивного наблюдения: «Переходил я нею реки вброд, / Она у очага со мною грелась, / Узнал я с нею горечь, злость, и смелость, / Я с нею отступал и шел вперед» [4, с. 143]. Перед нами «земная конкретность, сиюминутная полнота чувств» [7]. Любовь и страсть поэт уравнивает в их власти над лирическим героем: «Казалось, что любви раскрылась тайна, / Что эта страсть мне послана судьбой». Возможно, сдержанность в выражении чувств, «социокультурная память» не позволяют поэту говорить откровеннее, от этого потеряется неповторимость его лирики. О таких стихотворениях, вероятно, писал В. Кожин: «В этом стихотворении прекрасно не только содержание, но и сама форма, само тело, в котором живет, светясь и трепеща в каждой клеточке, душа, мысль поэта» [8, с. 28]. Тогда перед нами уже не просто «мысль поэта», а одухотворенное бытие. Отсюда «лишь ты, лишь ты светила мне во сне, / А я-то принял за тебя другую...» Стихотворение создает впечатление неоконченного. Умолчание передается многоточием. Это стихотворение, в отличие от предыдущего, более эмоционально раскованно: восклицательные и вопросительные знаки, тире, эпифоры в первых восьми строфах. Но даже малое количество изобразительно-выразительных средств не лишает стихотворение привлекательности, в нем есть некая загадка, тайна. В 1959 г. появляется удивительное стихотворение, в основу которого положен случай. Впервые в лирике поэта появляется стихотворение с заглавием «Любовь». Оно о вечной любви, сюжетно, и построено как лирическая миниатюра: в ней есть действие, диалог. У постели умирающего мужа Урара просит: «Останься! Навек

без тебя я одна, / Прожили полвека мы нашей любовью!» [4, с. 159]. Старик отвечает: «Пусть буду один... / Я встретил тебя для любви и для долга». Жизнь, имеет смысл, когда есть любовь и долг. Это народная философия адыгэ хабзэ, в которой воплощаются главные ценности адыгов: долг, любовь, семья. Такое объяснение в любви не могло быть прилюдным. Это осуждалось гендерной культурой адыгов: такие эпизоды «в какой-то степени очерчивали пределы личного пространства индивидуума, за которые не допускались посторонние» [5, с. 43]. После смерти старика Урара «погасла», «Слегла в ту постель... где не стало / Ее старика». Внуки отправили ее в больницу, «Но в сердце – любовь. И во сне потому являлся старик к ней, к себе призывая». В первобытной культуре сновидение считалось приключением души, покидающей тело человека во время сна. В карачаево-балкарской нартиаде, как отмечает З. Кучукова, «сон служит трансфизическим способом получения информации» [9]. Вот такая романтическая история, если бы не реалистическая деталь: «Нашла у нее под подушкой сестра / Лекарства, которыми жизнь ей спасали». В этой истории любви переплелись причудливо и общечеловеческие ценности и этнокультурные особенности адыгов, особенности их сознания. Между тем поэтическая мысль А. Кешокова не стоит на месте. В 1960–1964 гг. появляются «стихи-стрелы». Критика отмечала, что «сосредоточенные лаконичные строки вообще характерны для горских народов. В кабардинском фольклоре короткие емкие строки «псалъэ-шаруа» называются стихи-стрелы. В «стихах-стрелах» широко представлены мотивы человеческой радости и горя, любви и ненависти, философия и нравственные проблемы. Так, в стихотворении «Песня любви» автор продолжает мысль из стихотворения «Я звал, я ждал», но здесь роль «неузнанного» А. Кешоков отдает мужчине: «Так о любви к тебе стараясь петь, чтоб ты меня не спутала с другими» [4, с. 210]. Ритм стихотворения максимально приближен к песенному. В следующем стихотворении поэт определяет для себя сущность любовной лирики. В 5 строках заключена целая программа, определившая на несколько десятилетий вперед качество любовной лирики А. Кешокова. В самом названии стихотворения заложен глубокий философский смысл «Стихов любовных пламень». Метафора «пламень» не нова в литературе, а мифообраз огня – один из старейших и пронизывает все уровни культуры. «Рождается на свет любовный стих... / Свободен, ослепителен и тих» [4, с. 216]. В этом стихотворении через сравнение автор передает «негаданное» непредсказуемое «чудо» огня и «чудо» любви. Создается, таким образом, двойной видеоряд, смыкающийся в своих значениях: огонь, могущий обогреть и сжечь; любовь, способная, подобно огню, радовать и испепелять. Осмысливая для себя категорию «вечность», автор вновь обращается к образу любви (Стихотворение «Горсть вечности...», 1967 г.). Усложняя поэтический язык, автор в то же время использует реминисценцию: «Остановись мгновенье, ты чудно!» которая создает в сознании читателя определенный ассоциативный образ: «Я не желаю вечной тишины...» [4, с. 243]. Вновь возникает реминисценция. Читатель невольно вспоминает известное в 60-х гг. XX в. «Тишины хочу, тишины...» Но Кешоков, наоборот, ее не желает. Лирический герой желает, «чтоб смертельно влюблены // Мы были от зимы

и до весны». Эпитет «смертельно» не создает трагичности, наоборот, он становится синонимом вечности, «любви до гробовой доски». В художественном сознании А. Кешокова причудливо переплетаются скорости века и национальный космос, любовь и природа. Его стихотворение 1969 г. «Подобна ты маю...», построенное как развернутая антитеза, отражает не только благородство адыгского мужчины, это своеобразное «Как дай Вам бог любимой быть другим», сказанное по-кабардински. В стихотворении лишь дважды употреблено слово «любовь». Девушка говорит лирическому герою: «Люби и надейся»; герой отвечает: «...Хоть, знаешь, люблю...», но стихотворение дышит этим чувством. Сравнение: «Подобна ты маю, а я декабрю» не столько передает возраст героев, сколько обозначает расстояние, разделяющее героев: «Тому, кто моложе, / Тебя уступлю» [4, с. 254]. В этом «уступлю» – глубокий философский смысл: молодость переживает старость, несправедливо отдавать любовь старику. Рефреном повторенные слова, ставшие заглавием стихотворения, лишь усиливают уверенность в правоте слов лирического героя. «Зажги, любовь, еще одну звезду», – призывает поэт в одноименном стихотворении (1971). Через рефрен «Зажги, любовь, еще одну звезду / Над топодем, что старым быть не хочет», эпитеты, метафоры поэт дает направление [4, с. 268] нашим раздумьям, заставляет угадывать жизненные аналогии: лермонтовское «На севере диком...», известная кабардинская песня «Муртазовский лес. Тополя». Стихотворение построено по принципу «внутренне – внешнее». Внутреннее – это рефрен; внешнее – описание природы, тополя: «на горную гряду / Закат садится, словно красный кочет». Обратим внимание, как в стихотворении меняется художественное время, оно построено по вертикали «настоящее – прошлое – будущее». Лирика поэта 70-х гг., в которой присутствует образ любви, получает иной вектор развития: в ней появляются черты интимности. Таково стихотворение «Благоухание чайного куста» (1973). Пору любви в жизни человека поэт сравнивает с «Мгновенной порой, / Единожды дареной природой» [4, с. 276]. Таким образом, автор не разделяет любовь и страсть, рассматривая их как одно целое, подарок судьбы и природы. Но когда проходит это время, что остается? Чайный лист имеет «обыденную ценность», но люди не чайные листья: «Мы ярче во сто крат / Сагих себя бываем в эту пору». Лирический герой А. Кешокова открыт для новых чувств, а интимная нотка только усиливается. Стихотворение «Стал я подобьем огня» (1973) показывает нам новую грань образа «любовь». «С милой лежал я на ложе, / Слушал ее не дыша...». А. Кешоков использует интимные детали, чтобы показать, как любовь – страсть преобразует человека. Стихотворение начинается с риторического вопроса: «Чья это в грудь мою, боже, / Переселилась душа?» [4, с. 276]. И далее поэт ищет свою формулу любви: «Легче проникнуть нам в числа, / Нежели в таинства смысла / Полузагадочных слов». Влюбленных автор наделяет двойным зрением: им дано видеть «магию звездных ночей / В женской улыбке и слове». Перед нами поэт космического масштаба, в лирике которого сочетается творческая индивидуальность и космос (в первоначальном смысле этого слова, как оппозиция хаосу) адыгов. Об этом свидетельствуют последние строфы стихотворения: «Знаю: влюбившийся страстно, / Стал я подобьем огня».

Огонь, очаг – это традиционные мифообразы фольклора и литературы всех горских народов. В этом усматривается влияние пантеистического взгляда на мир, характерного для адыгов, балкарцев, карачаевцев, осетин и др., согласно которому душа «есть у всего в этом мире», таким образом, метафора «любовь – огонь», возникшая в стихотворении 50-х гг., появляется у А. Кешокова вновь, но уже на ином, качественно более высоком уровне изображения и восприятия. Это не нарочитая усложненность, это «стремительная скорость воображения» (Урбан), лесенка, по которой поднимается пытливый ум поэта. Это прежде всего экспрессия мысли, стремящейся постигнуть особенности любви в их общечеловеческом и национальном понимании. Итак, показывая любовь во всем ее многообразии, проявление ее на разных этапах жизни человека, А. Кешоков «творит более глубокие слои» (Вейдле) стихотворения. Эти внутренние смысловые слои меняются, развиваются, они по сути своей диалектичны, как диалектичен и сам образ любви. Поэт создает в своей лирике некое пространство – время любви, где все течет, живет и движется по законам любви. И тогда оказывается, что не абстрактное время царит над человеком, а состояние любви заполняет собой время и пространство. И мир, представленный поэтом, постигается читателями во всем его многообразии. Создавая обобщенный образ возлюбленной, Кешоков наделяет его и общечеловеческими чертами (красота, ум, готовность отстоять свою любовь, постоянство), и национальными (скромность, сдержанность в выражении чувств). А. Кешоков активно вплетает в ткань размышлений природные образы, несущие определенный национальный колорит. Они легко узнаваемы: горы, горные реки, ущелья. Используя множество смыслов слов, образов, причудливо вплетая их в ткань художественного повествования, поэт творит свой мир, Вселенную, смысл которой – любовь. Философская тенденция в стихах А. Кешокова выявляется обычно как бы произвольно, в обличье простой, естественной, полуразговорной речи, она «растворена в художественном объеме стихотворения» [8, с. 174], сквозит в его «музыке», в интонации, в развороте фразы. Внося в свою лирику, в образ любви, народные, фольклорные традиции и современность, культурные особенности и общечеловеческие ценности, поэт ведет диалог с миром в его диалектическом единстве и с человеком.

Библиография

1. Сокровище нартов. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 21.
2. Федоров В. Д. Наше время такое. О поэзии и поэтах. М.: Современник, 1973. С. 18.
3. Сокуров М. Лирика А. Кешокова. Нальчик, 1969.
4. Кешоков А. П. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 4. М., 1982.
5. Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 40.
6. Вейдле В. В. Эмбриология поэзии: статьи по поэтике и теории искусства. М., 2002.
7. Урбан А. А. Образ человека – образ времени. Очерки о советской поэзии. Л., 1979.
8. Кожин В. В. Стихи и поэзия. М., 1980.
9. Кучукова З. А. Онтологический метокод как системообразующий принцип этнопоэтики. Нальчик, 2006. С. 130.

Зухра ТОРОГЕЛЬДИЕВА,

доцент кафедры русской литературы КБГУ,

кандидат филологических наук

Особенности стихосложения Инны Кашежевой и его эволюция

Говоря о творческом пути поэта, нельзя не коснуться и такой стороны, как эволюция его стихосложения, поскольку тематика поэтического произведения, если поэт по-настоящему талантлив, властно диктует его ритмику, определяет выбор стихотворных метров, строфику и способы рифмовки.

В настоящей статье мы рассмотрим особенности стихосложения в творчестве известной поэтессы Инны Кашежевой и проследим его эволюцию.

В первых сборниках И. Кашежевой сильно чувствуется влияние многих и многих поэтов. Так, стихотворение «Строки программы» проникнуто духом Маяковского, его тональными ритмами:

*Молод сегодня тот, кто сед,
И мудр тот, кто молод.
Здесь мысль остра, как крестьянский серп,
Сильна, как рабочий молот.*

Рассмотрим ритмическую структуру этого четверостишия:

— ∪ | ∪ — ∪ | — | ∪ —
∪ — | — | ∪ — ∪ | ∪ — —
∪ — | ∪ — | ∪ | | ∪ — —
∪ — | ∪ ∪ | ∪ | | ∪ — —

Совершенно очевидно, что перед нами чисто акцентное (тональное) стихосложение, основанное на равномерном чередовании ударных слогов в стихах (строках) с чередованием 4–3–4–3 при разном количестве безударных слогов. И выбор такой ритмики, конечно же, продиктован плакатным пафосом самого стихотворения.

Однако в то же время она отнюдь не чуралась традиционных метров. Рассмотрим одно четверостишие из стихотворения «О Север!»:

*Суровый, ты в снегах и наледях,
Сошел с вершин веков ко мне,
Ты ласковый не только на людях,
Но и со мной наедине.*

Его ритмическая схема крайне проста:

∪ — | ∪ — | ∪ — | ∪ — ∪ ∪
∪ — | ∪ — | ∪ — | ∪ — ∪ ∪
∪ — | ∪ ∪ | ∪ — | ∪ — ∪ ∪
∪ — | ∪ — | ∪ — | ∪ — ∪ ∪

Перед нами – классический четырехстопный ямб с дактилически-

ми клаузулам * и двумя пиррихиями ** (в третьей и четвертой строках), которые, образуя пеоны-2 ***, придают его (ямба) звучанию плавность и текучесть, особенно если учесть, что расположены они по диагонали, идущей слева направо. Налицо несомненное влияние А. А. Блока (ср. его строку: «Под насыпью, во рву некошеном...»), так что неудивительно, что поэтесса, сама это чувствуя, предпослала рассматриваемому стихотворению эпиграф именно из этого поэта: «Какая дивная картина / Твоя, о Север мой, твоя».

Как известно, у некоторых стихотворных размеров может возникать определенный семантический ореол. Например, если стихотворение написано пятистопным хореем с чередованием женских и мужских клаузул, то читатель невольно ощущает в нем мотивы дороги, ночи, светлой печали, предчувствий скорого ухода из жизни. Дело здесь в том, что именно этим размером написано известное всем с раннего детства стихотворение М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». В данном же случае, несмотря на с виду бодрый настрой стихотворения «О Север!», чувствуется некоторая элегичность интонации, что вполне уместно для девушки, впервые так далеко оказавшейся от дома.

Возьмем еще один пример из первой книги – четверостишие из стихотворения «Хозяйки медных гор»:

*А бабьи толки что́ им?
Их взгляд шахтерский горд.
Идут они по штольням,
Хозяйки медных гор.*

Его ритмическая схема:

)	—)	—)	—)
)	—)	—)	—)
)	—)	—)	—)
)	—)	—)	—)

Здесь перед нами классический трехстопный ямба с чередованием женских и мужских клаузул, без единого пропуска ударения. Таким стихом в лицейский период любил писать А. С. Пушкин, и семантический ореол у этого размера связан с некоторой шутливостью, веселостью, бодростью, что вполне соответствует содержанию данного стихотворения И. Кашежевой.

Из рассмотренных примеров можно заключить, что восемнадцатилетняя поэтесса обладала абсолютным чувством ритма и тонко чувствовала, какое настроение создает тот или иной стихотворный размер. В области рифмовки И. Кашежева тоже очень рано проявила недюжинные способности. Пусть в ранних стихах у нее иногда и встречаются примитивные рифмы, как «прощанье – качанье» или «молчит – горит», в основном

* Клаузула – часть строки, начиная от последнего ударного слога.

** Пиррихий – двусложная стопа, в которой нет ни одного ударного слога.

*** Пеон – четырехсложная стопа, в которой либо нет ударений вообще (пеон-0), либо содержится лишь одно, падая на определенный слог. В ямбе возможны пеон-2 и пеон-4, в хорее – пеон-1 и пеон-3. Пеон-0 может возникать в любом из этих размеров.

Поэтесса активно внедряет в свое творчество и другие стихотворные метры:

*Мне не надо ни рая, ни золота.
Сквозь лобые пройду батога,
лишь бы, Золка, судьба моя, Золка,
выйти вновь на твои берега.*

Схема приведенного четверостишия такова:

))	—))	—))	—))
))	—))	—))	—))
))	—))	—))	—))
))	—))	—))	—))

Перед нами трехстопный анапест, размер с ярко выраженным элегическим семантическим ореолом. Разносложная рифма «золота – Золка» вынуждает произносить второе рифмующееся слово с придыханием, как бы растягивая либо ударное «о», или согласный «л», благодаря чему создается впечатление перехваченного дыхания. Мы еще раз убеждаемся в присущей И. Кашежевой способности добиваться полной гармонии между тематикой и ритмикой стихотворения. Разумеется, никак невозможно утверждать, что это происходит на сознательном уровне: у истинных поэтов это случается на уровне бессознательного, чисто инстинктивно, но это же свидетельствует и о таланте, и об упорном труде, требующемся для того, чтобы так «набить руку».

Что же касается рифмовки, то в семидесятых годах, как уже вскользь упоминалось выше, И. Кашежева достигла виртуозности в так называемых полнословных ассонансных рифмах. Вот несколько характерных примеров: «триумф – Тартюф», «одичалый – англичанин», «искал – Икар», «отреклись – оптимизм», «искусство – Иркутска», «прибавь-ка – прабабка», «медалек – Майданек», «как живешь? – Кишинев» и т. д., этот список можно было бы множить и множить. Характерно, что во всех приведенных примерах обязательно совпадают начальные звуки. Единственный пример диссонансной рифмовки, в свое время активно внедрявшейся в русское стихосложение И. Бродским, обнаруженный нами, тоже по-своему уникален: «кофе – кафу». Конечно, подобные рифмы не самоцель, да и обходиться одними ими серьезному стихотворцу просто невозможно. Но следует отметить, что в развитие русской рифмы И. Кашежева внесла значительный вклад.

В то же время И. Кашежева продолжала совершенствовать орфоэпию своего стиха, в частности, его аллитерации. Приведем лишь два типичных примера: «Монист неистовые всплески» (как тут не вспомнить знаменитое пушкинское «И пунша пламень голубой»?) и

*Фантазия! Фонтаны в Петергофе.
Фонетика ликующей воды.
Фанатики примолкли и продрогли
на грани лета и полувесны.
...Я в Петергофе, как на телеграфе,
над перепиской лета и весны...
Взлетайте, струи струнные! Играйте,
живые восклицания воды!*

Подобные созвучия в стиховедении по праву приравнивают к внутренним рифмам. Здесь уместно упомянуть, что в исконном стихосложении адыгов роль рифмы исполняли несколько слогов в конце одной и в начале следующей строки, а порой – в начале каждой из строк. В таком случае ряд «фантазия – фонетика – фанатики» можно приписать генетической памяти Кашежевой. И если так, то диссонансные рифмы в ее творчестве не исчерпываются единичным примером: помимо указанного выше ряда, в их число можно вписать и «Петергоф – телеграф», и, по всей видимости, множество других.

То, как развивалось стихосложение поэтессы развивалось в 80-е гг., мы рассмотрим на примере сборника «На розовом коне» (1987):

*А на стенах следы от пуль
глубоки, как твои шаги.
Я кричу тебе в тот июль:
«Добеги, Джебаги! Добеги-и!»*

Метрическая схема этого четверостишия выглядит так:

() () — | () () — | () —
 () () — | () () — | () —
 () () — | () () — | () —
 () () — | () () — | () —

Перед нами пример усеченного трехстопного анапеста (последнюю стопу которого можно рассматривать как ямбическую), получившего широкое распространение в жанре так называемой авторской песни после знаменитой «Песни о друге» В. Высоцкого:

Если друг оказался вдруг...

() () — | () () — | () —

Разумеется, о каком-либо калькировании не может быть и речи – стихотворные размеры, равно как и строфика, суть достояние всех стихотворцев, но семантический ореол этого ритмического рисунка самоочевиден: мужественность, готовность к самопожертвованию, риску, напряжению всех душевных и физических сил. Поэтому выбор его поэтессой для воздвижения поэтического памятника своему героически погибшему дяде Джебаги (сделанный, конечно же, интуитивно) неслучаен и, как это всегда получается у талантливых поэтов, полностью оправдан.

Особо следует отметить, что в данном стихотворении более чем кстати пришлась склонность И. Кашежевой к поиску созвучий, становящихся внутренними рифмами. Строка «Добеги, Джебаги, добеги!», повторенная дважды, как бы собирает в узел всю скорбь по погибшим на войне, которую поэтесса испытывала на протяжении всей жизни.

Вообще говоря, судя по сборнику «На розовом коне», в 80-е гг. излюбленными ритмами И. Кашежевой становятся те, что основаны на анапесте, ямбе и хорее, то есть ощущается явное тяготение к классичности. На основе этих размеров, в зависимости от числа стоп и характера клаузул, можно, как известно, добиваться самых разнообразных семантических

ореолов, но главным из них в этой книге остается тот, что и заявлен в названии: это осененное лермонтовским «Выхожу один я на дорогу...» есенинское «Увядаешь золотом охваченный, / Я не буду больше молодым», то есть, как указывалось выше, мотив дороги, обращающийся в мотив ухода. Вот как звучит этот мотив в исполнении Кашежевой:

*Якорем болезни к бухте-комнате
на зимовку приковав, судьба
шепчет по-есенински: «Вы помните?..»
Строчек нашей юности раба.*

—)))		—)		—)		—))
))		—)))		—)		—))
—)))		—)))		—))
—)		—)		—)		—)		—))

Несмотря на дактилические клаузулы в первом и третьем стихе, придающие ритмическому рисунку несколько иной оттенок (то есть устремленности не столько в будущее, навстречу неизбежности, но в прошлое, о чем с полной прямоотой указано отсылкой к стихотворению С. Есенина «Письмо к женщине», написанному тоже с дактилическими клаузулами, но пятистопным ямбом), в кашежевские строки благодаря выбранному ею размеру задувает ветер, неумолимо отдаляющий от того, о чем она вспоминает, пытаясь «охранить молодость» (отсюда и образ якоря). Четверостишие оснащено пеонами-1 (первая строка, «якорем бо»), третья строка, «шепчет по-е») и пеонами-3 (третья строка, «на зимовку», «приковав зи»), которые, помимо обычной своей функции (состоящей, как говорилось выше, в придании стихотворной речи естественности), привносят в звучание стиха некоторую зыбкость, неуверенность, что вполне уместно при попытках ясно воссоздать в памяти собственную юность.

А вот как звучит у нее мотив утраченной любви:

*Двое любят друг друга:
это боль и восторг,
это лютая мука,
это пуга в висок.*

))	—))	—)
))	—))	—)
))	—))	—)
))	—))	—)

Ритм скупой, сжатый, универсальный; его семантический ореол — это напряженность, будь то нравственных исканий или же философских раздумий. Нам представляется, что и в этом случае И. Кашежевой прекрасно удалось совместить звучание стиха с его содержанием.

В области рифмовки в 80-е гг. у поэтессы можно наблюдать некоторые перемены. Прежних ее, если можно так выразиться, щегольски изошренных рифм становится значительно меньше («прищурясь — прошу вас», «мансарда — Массандра»), но зато все больше появляется рифм неброских, общеизвестных, даже глагольных («свете — эти», «спеши — тиши», «греми — возьми» и т. п.). На наш взгляд, это объясняется тем, что ее все

меньше волнует внешнее, броское, она все больше углубляется в самое себя, когда уже не до того, как ты выглядишь.

Тенденции, намечившиеся в 80-х, в 90-е усилились и окрепли. Рассмотрим несколько стихотворений из книги «Старинное дело» (1994):

Все это было, было...

Сказало Время: «Да».

*И душу мне надбила
народная беда.*

*Я слышу рокот стонов,
а море – не река.*

*Навек боль миллионов –
в спирали ДНК.*

*Горшей самой полыни,
яснее букварей*

видны еще поныне

наколки лагерей.

*И, как боеголовку –
одну на сто ракет –*

*несу татуировку
тех страшных вещей лет.*

*И пусть не пострадала
тогда моя семья,*

*все это повидала
глазами мертвых я.*

Мы намеренно привели это стихотворение целиком, чтобы сразу были видны изменения, произошедшие в поэтике И. Кашежевой в 90-е гг. На всем его пространстве не встретишь ни привычных блесков ярких рифм, а тропы – это двойное сравнение («горшей самой полыни, яснее букварей»), сравнение собственной – метафорической – татуировки с «одной боеголовкой на сто ракет» (то есть это еще и гипербола для обозначения неподъемной тяжести: существуют ракеты со множеством разделяющихся боеголовок, но такой боеголовки, для доставки которой потребовалась бы сотня ракет, человечество еще не изобрело) и метафора-метонимия «все это повидала глазами мертвых я». Нам представляется, что поэтесса намеренно отказывается от всей своей технической оснащенности, потому что содержание, ткань всего стихотворения этого не требует. Оно настолько трагично, что ни в каких украшениях не нуждается и из-за их отсутствия только выигрывает. Ритм:

(— | (— | (—)
 (— | (— | (—)
 (— | (— | (—)
 (— | (— | (—)

Как видим, тот же самый трехстопный хорей, что и в рассмотренном выше стихотворении «Хозяйки медных гор». Мы говорили, что семантическому ореолу данного метра присуща бодрость. И это ни в коей мере не противоречит содержанию анализируемого здесь текста. Бодрость – это раскрытые глаза, бодрость – это стойкость. Трагедия – это не истерика, не надрыв. Используя этот ритмический рисунок вкупе с минимумом других технических средств, поэтесса добилась впечатления античной трагической маски, готовой взглянуть в глаза любому ужасу и – его превозмочь.

Помимо традиционно-элегичных метров, Кашежева пробует себя и в дольнике, стоящем рядом с некогда близким ей (а по-видимому, близким постоянно, ибо, несмотря на все большую самоуглубленность, она всегда остается трибуном) акцентным стихом. Кроме того, она создает метрические структуры самостоятельно:

*Чертополох идейности
забил посеvy духовности.
Тошнит уже от елейности...
Ножами торчат условности.*

Очень интересный ритмический рисунок:

)))	—)		—))
)	—)	—))		—)
)	—)	—))		—)
)	—)))	—		—)

Это все тот же трехстопный ямб, о котором уже не раз было сказано выше, но поэтесса, виртуозно пользуясь повторяющимися дактилическими клаузулами (как известно, повторяющиеся клаузулы обладают суггестивным эффектом), опуская один слог в третьей стопе первой строки, применяя пиррихии (в первой стопе первой строки, третьей стопе второй строки, третьей стопе третьей строки и второй стопе четвертой строки), создает ритм пламенной и – одновременно – сдержанной речи, не услышать которую невозможно. Здесь энергичность ямбического трехстопника создает нового качества – накала высокого ораторского искусства.

Что касается рифмовки, то, как видно из приведенных примеров, в 90-е гг. она у Кашежевой намеренно сдержанна, хотя, конечно, все ее навыки в этой области сохранены («затоптана – зато она»). Поэтессу, испытавшую чрезвычайно ранний успех, в 90-е гг., когда интерес к поэзии неожиданно-негаданно угас (во время, приговор которому она вынесла строками: «Сегодня юноша – тинэйджер, / и рифмы ни к чему ему»), со все большей силой волнуют глубинные вопросы бытия, при решении которых нет надобности в отвлекающем внимание внешнем лоске стиха.

Начав, как и многие талантливые поэты ее поколения, с поиска, который привел ее к блистательным открытиям в области рифмовки и ритмики, в заключительный период своего творчества, прервавшегося, к огромному огорчению тех, кто все-таки не отвернулся от поэзии, так рано, Инна Кашежева в полной мере подтвердила слова Бориса Пастернака: «В родстве со всем, что есть, уверясь / И сталкиваясь с ним в быту, / В конце нельзя не впасть, как в ересь, / В неслыханную простоту».

Людмила ШАУЦУКОВА,

*зав. кафедрой общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин СКГУ,
доцент, кандидат культурологии*

Манкуртизм или транскulturация?

Философ Иван Александрович Ильин говорил так: «Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано народом только по-своему, и все великое рождается именно в лоне национального духа и уклада (Духовное очищение. М., 2004 г.).

Буквально недавно я прочитала книгу Дины Дамиан (ни для кого не секрет, что под многоговорящим псевдонимом скрывается имя доктора филологических наук, автора известных изданий Мадины Владимировны Тлостановой) «В вашем мире я – прохожий» (М.: USSR, 2006 г.).

Стоит ли говорить о том, что когда берешь в руки новую книгу, да еще знакомого автора, да еще если в ней встречаются узнаваемые образы – твоего города, края, знакомых или почти знакомых людей, испытываешь особое чувство волнения и предвосхищения не только художественных, но и личностных открытий, ведь о чем бы ни писал сочинитель, он пишет о себе самом.

Как же ощущает мир в себе и себя в мире, думалось мне, та очаровательная малышка, когда-то восхитившая меня прелестью светлых кудряшек, чья мама – мой университетский преподаватель – дала мне новый импульс в постижении шедевров зарубежной литературы, а отец, проработав много лет ректором университета, оставил о себе добрую память. Скажу сразу: по своим предпочтениям я отношусь к той категории читателей, которая ценит авторскую концепцию, расширяющую привычные координаты миропонимания и мироощущения, имеющую мужество не находиться в плену мифологем, открывающую небанальную, нетривиальную суть вещей, не дающую окостенеть установленному миропорядку и будоражащую мысль, не льстящую читателю в угоду некоему абстрактному гуманизму. Я совершенно согласна с философом И. Ильиным, когда он говорит в своей книге о превращении в ряде случаев национального самосознания в ожесточившийся инстинкт, способный заглушить в душе голос совести, чувство меры, чувство справедливости, когда национальная идея понимается как «странная и опасная смесь из воинственного шовинизма и тупого национального самомнения, слепого пристрастия к бытовым пустякам и лицемерного великодержавного пафоса, за которым скрывается личная или классовая корысть» (там же).

Первый же рассказ (а книга состоит из нескольких рассказов, выстроенных по нехитрой схеме: детство – юность – зрелость, и связанных между собой личностью героини, которая подчеркнуто демонстрирует слияние авторской и личностной рефлексии) вызвал во мне чувство удивления и даже растерянности.

Детсадовская обстановка, в которую попадает героиня, населена монстрами – большими и толстыми тетками в несвежих халатах, «оружиями... чумазыми и... страшными детьми, отнимающими друг у друга

«лысых кукол в порванных платьях», девчонками «с тонкими, вредными губами», мальчишками, которые «дрались так неистово и страшно, что висящая на носу у одного из них сопля окрасилась кровавым цветом». Заметим, что все это происходит на глазах у садовских воспитательниц – дурно пахнущих Харибд, в чьи мясистые лапы мама бросает маленькую дочь, и, уходя, рафинированно прижимает к носу надушенный дорогим французским парфюмом платочек – ведь в этом ужасном заведении так воняет бедностью, карболкой, нищей и прогорклой едой и – о ужас! – нет ни единой книги, которые успели стать смыслом существования трехлетней девочки.

В следующем рассказе подросшая героиня едет с классом в Пятигорск. Незаметно разглядывая своих одноклассников – тупых, узколобых и отвратительно одетых, и такую же убогую училку литературы, она размышляет об их прошлом и будущем: «Империя вырастила нацкадры, свой вариант коричневокожих коммунистов... нацеленных на ассимиляцию... забывших свой родной язык, свою культуру, собственные корни... своих родителей и их могилы». А их дети, названные для карьерного роста русскими именами, проживающие в уродливо-отвратительных пятиэтажках, в которых подъезды воняют котами и мочой, на главной улочке города, «удручающе прямой» и засаженной «уродливыми липами», чья главная площадь «украшена желтым разлапистым зданием Дома Советов с нелепым архитектурным украшением наверху, напоминающим беседу, и толстыми облупленными колоннами», грызутся между собой в желании ухватить имперские крошки с барского стола, преуспевая в этом, т. к. местечко населено исключительно «мутировавшими, беспринципными и завистливыми приспособленцами», по определению скудоумными и недоразвитыми имбицилами. В городишке живут и русские, у которых «новая поросль «просвещенных» кавказцев вызывает раздражение и неприятие», т. к. они «давно облюбовали это солнечное местечко для себя». При этом их «затаенная вражда терпеливо ждет случая выплеснуться наружу».

В рассказе «Поездка на Кавказ» героиня через двадцать с лишним лет почему-то (искренне непонятно, почему?) навещает городок, который стал еще более уродливым и встречается на читательской конференции с местной «псевдоинтеллигенцией». Последняя заполнила зал и, конечно же, героине не на ком остановить взгляд – одни злобные, отвратительно-бессмысленные лица, которые и лицами-то назвать трудно. Одна из них, «ядовитая дама с зеленой кожей и узкими губами» на свой бестактный и тупейший вопрос получает от героини такой мощный хук под ребро, что, казалось бы, добровольцев задавать вопросы не сыщется. Ан нет, некий седой мужчина «с сильным акцентом, но по-русски» спрашивает, почему родной язык не в чести у героини, «ведь язык, как говорит Хайдеггер, дом мысли, и какой же ви писател, кхе-кхе, если не пишете на родном языке». Это вызывает у героини «усмешку и чувство презрительной гадливости ко всем этим убогим интеллектуалам, предсказуемо мешающим Хайдеггера с дремучим национализмом...» – ведь «понятие «родной язык» давным-давно устарело». «Что же касается моих нечастых визитов сюда, – продолжает героиня, – я вам отвечу так: человека тянет к прежним местам жизни, если

с ними связано что-то приятное... Уж извините за откровенность, но меня ничего с этим местом не связывает и никогда не связывало».

Не будем излишне строги к автору, ведь «ничего» можно трактовать по-разному. В данном случае оно означает, что героиня не родилась в этих местах, не дышала воздухом гор, не сделала по этой земле первый шаг, не постигала здесь азы нравственности, не ходила в школу и не дружила с ровесниками, не испытала первого чувства любви и разочарования и еще многого другого. Она всего лишь провела в «городишке» интереснейшую часть жизни, о которой умный человек сказал: «Мы все родом из детства». Впрочем, рискую предположить, что для героини весь мир – чужбина. В отличие от космополита в позитивном смысле этого слова, для которого весь мир – свой, в Москве она – «лицо кавказской национальности» со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами, в Соединенных Штатах ее социальная ниша где-то между мексиканцами и пуэрториканцами, т.к. она сама загоняет себя в определенную резервацию. Потому что самоуважение и чувство собственного достоинства – явления не локальные и не автономные, а лишь звенья известной цепи, чья основная часть – мера любви, которую ты несешь этому миру, мера терпимости, толерантности, понимания слабостей других и желания понять людей даже далеко не совершенных.

А есть хоть какой-никакой позитив в сием сочинении – вправе спросить мой оппонент, законно полагая, что таковой уж точно найдется в обращении героини к родителям, родственникам, может быть, друзьям. Но вот об отце (цитата вольная): «он посмотрел на меня глазами с холодным металлическим блеском и сказал, что в моих нынешних и будущих проблемах виновата я сама». О соседке: «замызганные обои в квартире», «мышь, вольно пасущаяся на обеденном столе», «блеклый голубой халат», «визгливый голос». О родственниках: «низкорослые и недоразвитые родственники моего отца». О друзьях – ничего. Подозреваю, что подобный институт человеческих взаимоотношений начисто отвергается героиней в силу принципиального неприятия ею человеческих контактов непрагматичного толка.

Конечно, легче родить ребенка «из пробирки», от анонимного отца, как это делает героиня – не надо заморачиваться муками любви, а первичные инстинкты можно реализовать при помощи влюбленной дамы нетрадиционной ориентации. Заметьте, можно даже не обременять себя поисками пищи телесной – достаточно тюкнуть другую особь человеческого рода по головке и потом примитивно его сожрать, а «розовую» даму даже удобнее заменить близкородственной особой – есть гарантия, что она будет всегда под руками. Может, достаточно?

Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что содержание художественного произведения (что касается стилистических и прочих характеристик книги, сознательно их не привожу, хотя есть что сказать и по этому поводу) – сугубо духовный феномен, в принципе не поддающийся описанию, а конкретный акт его восприятия предполагает не только дискурсивный анализ. Но когда на периферию зрения отступает сюжетность и фактология творчества, уходит некая конкретность и наступает стадия проникновения в реалии высшего уровня, невербализируемую истину. И если все же попытаться объяснить словами нашу человеческую и про-

фессиональную реакцию на прочитанное, ни в коем случае не претендуя на морализаторство, скажем: картина мира такова, каков внутренний мир человека. Человеческие каноны, или, если угодно, идеалы, чье наличие отличает нас от других одушевленных, соотнесены с той силой, которой человек обладает в обуздывании стихии своего характера – эгоцентризма, гнева, жажды мести, желчности и др. И именно через их обуздание человек обретает ту свободу, которую так жаждет героиня Дины Дамиан. (см. у великих моралистов). Редчайший случай, когда индивид изначально открыт злу, т. е. стихии внутреннего хаоса, а некий духовный и эмпирический опыт, обычно взращиваемый такими вечными и универсальными институтами, как дом, очаг, мать, родная земля, род и этнос, не способен к созиданию, прежде всего себя – он умеет и желает только разрушать.

Было бы наивным полагать, что корни отторжения неприкаянным это универсальных основ человеческого бытия скрыты в бытийственных элементах социального существования героини – детских огорчениях и конфликтах с родителями и одноклассниками, обидах и комплексах тинейджерства и др. – ведь природа зла не онтологична, а аксиологична. Помнится, у Данте в девятом, самом ужасном, последнем круге ада страдают в пасти Люцифера не те, кто пролил реки крови и «пил кровь невинных младенцев», а те, кто отплатил за добро черной неблагодарностью. Понятно, что Иуды были, есть и будут во все времена.

Мне лично непонятно другое. Когда выросший в семье люмпенизированных маргиналов ребенок, которого не любил никто, над которым издевались собственные родители, который за всю жизнь не прочитал ни одной книги, чей киношный опыт ограничивается «стрелялками» и «мочилками», становится бритоголовым скинхедом, искренне считающим, что в его неустроенной жизни виноваты представители иной расы, иной конфессии или другой этнической культуры, это как-то еще можно объяснить. Но даже он хотя бы ритуально приобщен к элементам своей традиционной культуры – ест яичко на Христов день, может быть, носит на шее крестик и уж никак не изгаляется над своими этническими корнями. Вот когда еще более искаженное скинхедское сознание демонстрирует выросшая в абсолютно устроенной семье, занимавшей в социальной иерархии практически верхушку, в любви и ласке не только родителей, но и окружающих, в системе устойчивых гуманитарных ценностей, культивируемых не только общественным устройством, но и любимыми книгами, тем же Максимилианом Волошиным, которого так часто цитирует автор и чьей строкой называет свою книгу, начинает отказывать здравый смысл. И не надо называть авторскую позицию современной, наднациональной, транскультурной, и не стоит объяснять авторские экзерсисы зыбкостью экзистенциального существования героини в вымышленном, фантастическом мире – мы знаем и подобную литературу, и если понадобится, дадим развернутое сравнение.

Дело все в дорогах, которые мы выбираем для себя. У Экзюпери Маленький принц спрашивает: «А где же люди?» И цветок отвечает: «Их уносит ветром, ведь у них нет корней». Я бы добавила – смерч уносит не желающих эти корни иметь, уж не говоря о тех, кто с отвращением и наслаждением топчет их ногами.

Светлана ТЮБЕЕВА

«Точь-в-точь как в жизни...»

Развитие сатиры, которая отражает в своем художественном микромире общие закономерности эстетического развития, говорит об укреплении реалистических тенденций в национальной литературе. Во второй половине XX века интенсивное развитие сатирических произведений наблюдается во всех других литературах Северного Кавказа. Известный демократизм в отношениях между всеми горцами, вкус к хлесткому слову, к языку, вкус, воспитанный самим языком, – все это способствовало развитию разнообразнейших форм сатиры.

Говоря об особенностях балкарской сатиры, нужно отметить, прежде всего (это в равной степени касается и фольклора, и современной сатиры), конкретно-чувственный, а не рационалистический характер художественного мышления.

С углублением исследовательской роли литературы повышается и исследовательская роль сатиры. Последняя не только начинает констатировать факт, а проникает в социальную его психологию, а значит, глубже исследует характеры и явления, достойные обличения. Для того чтобы сатирический характер не стал схемой, необходимо показать его внутреннюю жизнь.

Переход от бытового анекдота к сатире, которая строится на индивидуализированном сатирическом характере, и связанные с этим процессом линии художественного развития, которые наметились в балкарской литературе, уместно проанализировать на примере творчества Эльдара Гуртуева.

Знакомясь с юмористическими новеллами Э. Гуртуева, мы приходим к выводу, что балкарская сатира обогатилась новыми гранями сатирического анализа – пародией и иронией. Дело в выбранном им ракурсе повествования. Написанные от первого лица, его рассказы раскрывают нам весьма колоритного героя. Этот герой – наш современник, наблюдательный, веселый, доброжелательный человек.

Уже первые строки его «Автобиорассказа», с которого начинается один из его сборников, настраивают нас на самый доброжелательный лад: «Салам алейкум, дорогой читатель. Двери моей скромной сакли-книжки открыты для тебя. Входи, желанный кунак, выпей холодного балкарского айрана. А я постараюсь, чтобы ты не скучал, и поведаю несколько забавных рассказов из жизни моего народа, из своей тоже. Кто знает, может один из них тебе и понравится...» – так начинает Э. Гуртуев первые страницы своей книги. И сразу же вас окутывает волна внимания и заботы, здесь готовы угодить всем вашим прихотям и позаботятся о вашем самочувствии. «Итак, добро пожаловать, дорогой кунак, в мою скромную саклю».

Заявка на гостеприимство не просто декларация обычаев народа, она – суть, содержание каждого его рассказа. Юмор Э. Гуртуева – это юмор жизненных парадоксов.

В одном случае его герой не может устроиться в гостиницу, в другом сконфужен тем, что принял свою соотечественницу за иностранную туристку. Третий забросил свою семью из-за чрезмерного увлечения шахматами. И был неприятно поражен тем, что в один из вечеров «на ужин» получил от своей невозмутимой жены мат Легала («Печальный эндшпиль»).

Как видим, современность налицо. Дело, однако, не в современном антураже, а, прежде всего, в авторской манере, в личном присутствии автора в повествовании, в переакцентировках его «сатирического внимания», в самом понимании смешного.

Если рассказы Хабу Кациева отличались эксцентричностью, «сделанностью» сюжета, то рассказы Э. Гуртуева – это наша повседневная, будничная жизнь, всего лишь тонко подмеченная автором. Эльдар Гуртуев не загромождает искусственными трюками свои рассказы, а выбирает жизненный факт, который ведет за собой комические положения. Таковы рассказы «Шайтан-арба», «Три истории про Хасанчика», «Приключения Хаджи-Абрека» и т. д.

Если до сих пор в балкарской литературе шло прямое, непосредственное обличение, то у Э. Гуртуева осмеяние происходит при помощи иронического двойника (в роли которого чаще всего выступает сам автор), незримо присутствующего в рассказе. Иронический подтекст звучит в самой авторской речи, в ремарках, комический эффект создается несоответствием между тем, что говорит автор и что он думает. И здесь авторская ирония смыкается с пародией. Для примера возьмем рассказ «Поединок». В его основе – ссора двух соседок, которая разгорелась из-за случайной драки между их резвыми внуками.

«Так вы еще не знаете, как умеют браниться старые балкарки? Вам ни разу не приходилось быть свидетелем подобного поединка? Нет? Значит, вы до сих пор не познали прелести удивительно редкого, совершенно бесподобного вида устного народного творчества» («Поединок»).

Далее автор создает экспозицию, показывающую идеальную атмосферу согласия между соседками, даже слишком идеальную, чтобы в конце концов она не была нарушена.

Блещет всеми красками простонародного балкарского языка разгоревшийся поединок двух бабушек. Авторские ремарки подогревают комический драматизм ссоры, которая содержит все атрибуты настоящего поединка. Стиль автора, передающий все нюансы «дамского» бранного лексикона, создает атмосферу неослабевающего смеха. Здесь очевиден факт литературного пародирования. Приемы этого стиля напоминают гоголевскую новеллу «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», но, конечно, вне того финала, который делает комизм произведения Гоголя поистине трагическим.

Конечно же, в простонародном языковом потоке («Поединок») сатира Э. Гуртуева чувствует себя более непринужденно, но и в чисто литературных рассказах, лишенных опоры на литературную речь, она ведет себя так же уверенно.

Иронична атмосфера печали и тягостного молчания: «Черные пид-

жаки сурово насупившихся мужчин и цветастые платья легкомысленных женщин плыли перед его болезненно горящим взором в каком-то зыбком тумане». Полон иронии пейзаж: «...В темном бархате неба плясали глупые снежинки». «Скатерть, светлая, как грусть оратора», «слеза, крупная, как галочка в отчете»...

Сочувствие, желание пробудить добрые чувства, мягкая ирония пронизывают его рассказы. В них всегда присутствует этический элемент, хотя автор, как нам кажется, далек от преследования воспитательной цели.

В чем же магия Эльдара Гуртуева? Почему его новеллы и по сей день остаются излюбленным и увлекательным чтением? Прежде всего, вероятно, тем, что творчество Э. Гуртуева – мощный источник добра и человечности. Его рассказы не только пленяют и восхищают, радуют и увлекают читателя. Они пробуждают в его душе целый мир добрых чувств, вселяют в нее оптимизм и надежду, проливают на нее бальзам утешения. И это утешительство особого рода. Автор совсем не стремится вселить в читателя несбыточные надежды или заставить уповать на чудо. Просто он хочет обратить внимание на те подлинные человеческие ценности, которые всегда могут послужить опорой и утешением в трудных жизненных ситуациях,

В его рассказе «Цена топора» мы открываем для себя еще одну сторону человеческих отношений, и, кто знает, не придет ли то время, когда именно эти отношения будут востребованы с новой силой. «Вот, например, базары. Вы туда зачем ходите? Понятно, за покупками. А Зекерья – нет... Он ходит на базар, как на праздник души. Он там черпает радость и вдохновение. Танец красок, музыка запахов, драмы и комедии человеческих отношений – вот что такое базар для нашего Зекерья!»

Рассказы Э. Гуртуева весьма полезное чтение для юношества, ибо они учат мужеству, верности и благородству. Остается лишь отметить, что свои уроки нравственности Э. Гуртуев преподносит читателю без малейшего намека на дидактизм или морализаторство. И делает это столь пленительно весело, так ярко и непринужденно, что именно эти «уроки» прежде всего западают в душу и сердце читателя, а затем незаметно овладевают его сознанием. Но тем они и ценнее. Возникающее в ходе повествования напряжение снимается с помощью мягкой иронии или юмора. Нет у него и героев хнычущих и плачущихся на свою судьбу. Наоборот, его герои – оптимисты, и оптимисты с большой буквы. В этом творчество Э. Гуртуева сродни творчеству О. Генри.

Жанр новеллы получил весьма широкое распространение в американской литературе середины XIX – начала XX века. Возникла даже особая американская разновидность этого жанра, получившая название «Шорт стори», что по-английски означает «короткий рассказ». Выдающимися мастерами жанра «шорт стори» были Вашингтон Ирвинг, Эдгар По, Натаниэль Готори, Амброз Бирс, Брет Гарт. Эдгар По даже сформулировал основные законы создания «шорт стори», которые предусматривали краткость формы, единство и динамизм сюжета и неожиданную развязку.

В балкарской литературе, по нашему мнению, Э. Гуртуев являет собой пример блистательного овладения жанром короткого рассказа. Он

не знает себе равных в мастерстве и точной выразительности при создании «неожиданных развязок». Жанр малой прозы требует от писателя экономного и точного отбора выразительных средств. Э. Гуртуев умеет двумя-тремя многозначными деталями дать читателю исчерпывающее представление о характере героя.

« – Нет, повторила Кермахан. – Не дожить мне до того дня, когда придет мой несчастный Мухтар...»

Таусолтан усмехнулся. Он считал, что бабка вполне переживет его самого. А сам он надеялся увидеть искусственное солнце, которое, как люди говорят, зажгут в канун третьего тысячелетия» («В гостях у ангелов»).

Неожиданная развязка в рассказах Э. Гуртуева – не просто блестящий технический прием. Иногда, как уже отмечалось выше, такая развязка мотивируется неожиданным поворотом в душе героя, вызванным неординарным поступком другого человека. Часто в основе неожиданной развязки у Гуртуева лежит непредсказуемость человеческого поведения, призванная, по мнению автора, подчеркнуть сложность и своеобразие человеческой природы.

Юмор буквально пропитывает и языковую ткань рассказов Гуртуева. Текст насыщен народными остротами, каламбурами, забавным словотворчеством. Писатель часто оперирует образами и аналогиями из литературы, истории, мифологии, фольклора: «его язык страшнее сучковатой кизиловой палки, такой, что камень расколет» («Вот так и живем»); «А теперь начнем выяснять день, месяц и год рождения уважаемого тамады. Ну... хотя бы год. Заурбек съезжился и обмяк, как горец над трупом своей единственной лошади» («День рождения»); «мои руки делали свое дело, крепкой веревкой из конского волоса крепенько связали фашиста, совсем как барана на курманлык», «измучились с этой жирной тушей, волоча ее по земле» («Медаль Бисолтана»); «Фигура эта была любопытная – этакое причудливое соединение вчерашнего и сегодняшнего. Были ведь времена, когда в церквах и мечетях устраивались клубы и избы-читальни. На такую модернизированную мечеть смахивал сам Хажомар» («Знаток из Герпегежа») и т. д.

Виртуозное владение языковыми средствами, которое всегда восхищает читателей – результат упорного труда, неутомимого поиска новых форм выразительности.

Автор от рассказа к рассказу оттачивает свое мастерство, здесь нет повторов, нет похожих типов и характеров, жизнь показана во всем ее многообразии. И все это – с чувством любви и бережного отношения к своим героям, с чувством тонкого юмора, легкой иронии и сатиры, конечно же, разящей, но не в том ее качестве, в котором использует ее в своих произведениях Н. В. Гоголь, а, скорее всего, по идее, близкой к сатире О. Генри и В. Шукшина.

Сатирический характер прозы Э. Гуртуева современен и социален, он исследуется в соединении пороков социальных и житейских, в естественном, природном бытовании. Творчество Э. Гуртуева, как чистый горный источник из которого пьешь и никак не можешь напиться. Тонкая

ирония и лукавство искусного рассказчика у Гуртуева – это подводные камни, скрытые неторопливым течением внешне серьезной мысли.

Здесь он в своей спокойной и даже несколько чопорной манере напоминает сельского доктора, пользующегося всеобщим авторитетом. Кстати, трудовую деятельность Гуртуев начинал фельдшером (совсем как А. Чехов), а впоследствии, почувствовав призвание к врачеванию морально-нравственных недугов, взялся за перо. И перо попало ему острое. Начинает он в мягкой, обволакивающей манере, вполне безобидно, но потом «пациент» чувствует всю «остроту» пера юмориста.

Самое главное, что удалось Гуртуеву, – это преодоление сугубо национальных рамок в тематике, идейном содержании, профессиональных приемах творчества. Его герои носят горские имена, они национальны по своему душевному облику, манере поведения, но так общечеловечны по своим пристрастиям и страстишкам, нравственным недугам или достоинствам, сам же автор выступает умным, веселым и находчивым комментатором происходящего.

Многие рассказы Э. Гуртуева – это маленькие шедевры, в которых форма и содержание находятся в совершенной гармонии. В них выверено каждое слово, каждый поворот сюжета. И не тускнеют с годами краски этих маленьких шедевров.

Читателю, впервые открывающему книги Гуртуева, предстоит встреча с художником большого сердца и неотразимого обаяния, с талантом ярким и оригинальным... Вероятно, для одних это будет встреча с давним и добрым другом, для других – новое и увлекательное знакомство. Но и тех, кто впервые откроет для себя юмор Э. Гуртуева, и тех, кто уже успел узнать и полюбить его, ждут волнующие и радостные минуты соприкосновения с настоящим искусством и настоящим талантом:

«Сижу на веселой кавказской свадьбе. Кто главный хозяин застолья? Тамада, конечно. Но не только он. Над всеобщим весельем царят горское лукавство, меткая шутка, острое словцо, забавная история, и не без умысла. Сидишь на таком веселье и слушаешь. И думаешь: вот он – мой родник неизбывный, мой клад неистощимый, богатство мое бесценное – века пережившее, звучное балкарское слово! Слово, подобное вершине Дыхтау. Манит и зовет меня эта вершина первозданной белизной да мудростью степенной».

Радина ШОМАХОВА

Аспекты отношения «человек – среда» в кабардинской прозе

Целый ряд прозаических произведений второй половины XX в. концентрируется вокруг проблемы взаимоотношений человека и среды. При этом мировоззренческие поиски осуществляются в разных плоскостях: проблема нравственного выбора, проблема взаимоотношения человека и общества, человека и истории, проблема судьбы, человеческого предназначения, соотношения нового и старого. В качестве примера достаточно вспомнить произведения Ч. Айтматова, Д. Гранина, В. Астафьева, С. Залыгина, Ю. Трифонова, В. Распутина, если же говорить о кабардинской прозе, то это, несомненно, – произведения А. Кешокова, Ад. Шогенцукова, К. Эльгара, Б. Мазихова, многих других. Каждый автор находит собственные пути освещения, казалось бы, схожих проблем современной ему действительности. В этом нет ничего нового. Герои многих произведений обозначенного периода погружены в сосредоточенные раздумья – о человеке, о судьбе духовных и нравственных ценностей, о противоречивых отношениях людей с природой, о цене своих обретений. *В этих размышлениях литературных героев, конечно, проявляется исконная потребность человека обозначить свои исторические, духовно-нравственные координаты, а они всегда занимали литературу. И чем крупнее художник, чем глубже его историческое мышление, тем более весом творческий результат его раздумий, цель которых – увидеть истинный облик времени, связать мелькающие, сиюминутные будни с обозримыми тысячелетиями прошлого и предвосхищениями будущего* [1; 234].

Вероятно, в определенном отношении, творчество кабардинского писателя А. Эльмесова тем и привлекает внимание, что, реализуя свои замыслы в русле перечисленных проблем, почти не изображает процесс мучительных размышлений, во всяком случае, не акцентирует на нем свое внимание. Он, если можно так выразиться, словно движется от типического к личностному, неповторимо своеобразному, именно для того чтобы выйти на качественно новый уровень типического.

Темы, затронутые в произведениях, о которых пойдет речь, вполне ординарны для литературы так называемого постперестроечного периода. Так, в центре повести «Старик и лошадь» – прошедший через страшные пытки ГУЛАГа, искалеченный физически, но не сломленный морально, человек, который возвращается в родное село после многолетнего заключения и видит, как все разительно изменилось: люди, улицы, дома, даже название села уже другое. Зракуш – так зовут героя эльмесовской повести, – обнаруживает в имении, принадлежавшем когда-то его семейству (фактическим основателям этого селения) чужих людей, некоторое время живет у них, потом отправляется работать сторожем на полевом стане. Последняя цель в жизни Зракуша – отыскать своего внука – единственного наследника его фамилии, – герои встречаются, но и этот

проблеск счастья кратковременен, поскольку родные друг другу люди долгое время находятся в неведении относительно связывающих их уз. Правда раскрывается только перед самой смертью Зракуша, причем его последние дни оказываются ускоренными наветом злопыхателя. Через всю повесть проходит мысль о покорности судьбе, воле Всевышнего, о той покорности, которая укрепляет дух, не позволяя ему согнуться под воздействием страшного времени.

Можно предположить, что автор сочувственно относится к своему герою, осуждает людскую безучастность, в то же время он трезво и объективно оценивает устойчивость такого поведения, его привычность и неискоренимость. *Что же делать, такова жизнь: наполненное до краев и наполненное до половины не знакомы друг с другом, – так говорили в старину.* К подобным комментариям, апеллирующим к устойчивым формулам людской психологии, Эльмесов прибегает очень часто.

Психология жителей изображенного в повести селения резко контрастирует с установками героя. Поражают смирение и религиозность Зракуша, мало совместимые с чередой несправедливостей, которые пронизали его жизнь. Герой предан своей религии – автор скрупулезно выписывает сцены совершения стариком намаза, вплетает в его речь формулы покорного согласия с выпавшим жребием. И лишь в конце произведения обозначается предполагаемый мотив этой религиозности: искупление греха, совершенного в молодости, – убийства змеи. Символично, что в конце своего земного пути Зракуш снова сталкивается со змеей, но на этот раз не убивает опасную тварь, а отправляет ее назад, в свое логово. Таким образом, вера перерастает здесь в символ ненасилия над живой душой, кому бы таковая ни принадлежала.

Символическое прочтение в этом плане получает также расчищаемая грязь, освобожденный ручей, обрыв, к которому подходит Зракуш. Герой ориентирован на созидание и просветление пространства, в котором он существует (помощь хозяйке Мудара, очищение поросшего сорняком двора, освобождение родника).

Синхронно действиям героя отслеживаются универсальные законы житейского цинизма, причем последние изображаются во взаимодействии с чертами национальной психологии. Показательно в этом смысле столкновение «хабзэ» – неписаного свода адыгских норм поведения – и «новой» жизни. Реалистично обрисовывается колхозная действительность, где стерта установленная обычаями «дистанция» между мужчинами и женщинами, старшими и младшими, утрачены славившиеся исстари степенные манеры горцев, где странная на этом фоне бравада безграмотностью и отсутствием самоконтроля. Очень красноречив в этом плане эпизод чествования Зракуша в колхозе. В описании застолья автором словно намечаются иносказательные ступени деградации: от старинной кабардинской песни к русскоязычным песням, смысл которых неясен совершенно, а далее – к песням-бессмыслицам по сути, – но даже это неведомо поющим и абсолютно их не волнует. Несовместимость героя с «поджидающей» его действительностью фактически открывает произведение Эльмесова. *Прошло два-три года после войны, когда*

Зракуш вернулся в родное село. Подобно своему имени, он был древен, можно было принять его за дряхлого старика. Упоминание времени, определение «древний», позволяет сразу же увидеть в герое образ целой эпохи – дореволюционной вехи, за очень короткое время насильственно превращенной в отвергаемое прошлое. *Печальная тень* – называет его автор, но интересно, что завершает этот ряд определений сравнение героя с деревом, которое у Эльмесова символизирует нестигаемую волю к жизни.

Время движется, вместе с ним меняются духовно-нравственные ценности, на что чутко реагирует литература, отмечая неизбежные в историческом процессе потери и бесспорные обретения. Важность этих явлений в северокавказском литературном контексте отмечает К. Султанов, говоря о том, что *нравственный конфликт предстает социально не менее значимым, чем общественные коллизии, и предстает как нелегко решаемая проблема* [2; 119].

Судьба Зракуша осмысливается через историю его семьи, а также в параллелях с судьбой старого коня. Образ животного имеет здесь особую роль, его «очеловеченность» дополнительно подчеркивается именем коня – Мурид. Через этот образ акцентируется обязанность человека быть внимательным, чутким, чтобы получить в ответ добро и помощь, но вместе с тем – звучит мысль о неблагодарности времени, часто не востребованности самых лучших душевных качеств. Эти размышления перенесены на коня, герой нигде непосредственно не высказывается о предназначении человека, да его об этом и не спрашивают, периодически им произносятся лишь «формулы» покорности судьбе. *«Перенесенными мною страданиями тебя не попрекаю, Всевышний», – шептал он...*

Своеобразную альтернативу решению темы надломленной судьбы, заявленной в повести «Старик и лошадь», автор предлагает в рассказе «Меняющий образ». Оба произведения очень сильно перекликаются по своей тематической направленности, но в последнем случае в вопросы нравственности и духовной стойкости вплетается экологическая тема.

В сопоставлении двух названных произведений ясно определяется то, что сквозь разность изображенных эпох и обстоятельств отчетливо проглядывает один и тот же механизм подавления личности, в одном случае реализуемый органами ГПУ, в другом – КГБ.

Тема переменчивости, звучащая в названии произведения, вводится через образ запущенного парка, от него рассуждения двух собеседников переходят к образу «порабощенной» и надломленной Вселенной, которой не от кого ждать защиты и покровительства, кроме как от человека. Постепенно обозначается проекция на судьбу человека, что, в общем-то, не ново для литературы, и автор не пытается отыскать здесь какие-то особые пути. Бросается в глаза активная роль психологических параллелизмов. Состояние природы как бы «дает реакцию» на душевное состояние героя, в ряде случаев предваряет событие, либо «поясняет» уже происшедшее.

Определенная линейность присутствует в том, как раскрывается трагедия Азнаура. Герой, показанный в начале своего жизненного пути, идеален. Безупречны его характер, речь, раскрывающие красоту и неза-

пятнанность души. Предсказуем, в том отношении, что составляет полное соответствие внешности и внутреннего содержания, портрет Азнаура, показанный в конце произведения. *Моего красавца Азнаура уже не существовало, он исхудал, напоминая собой тень*. История героя, незаурядные способности которого пытаются подчинить служению правоохранительным органам, «усложняется» введением в повествование своеобразного «двойника», как бы представляющего в ином свете потенциал грамотного, благовоспитанного человека. Трагедия Зракуша из повести «Старик и лошадь» по своим масштабам несопоставима с трагедией Азнаура. В сравнении с теми испытаниями, которые судьба уготовила старику, и в соотношении с той духовной мощью, которую раскрыли в нем страшные события его жизни, становится явным, что Азнаур, выражаясь фигурально, «сломился от легкого дуновения ветерка». Однако возможно, что именно в этом и состоит трагизм той ситуации, которую хочет донести до читателя автор: хрупкость и беззащитность жизни, обнаруживаемая на фоне неумемного стремления поставить себе в услужение кого-то другого, стремления, ведущего к краху и судьбу отдельно взятого человека, и судьбу целой вселенной.

Существенны нюансы, которые фиксирует в рассмотренных произведениях писатель: преодоление собственной озлобленности в обстановке тотальной жестокости и предательства, соотношение принципов национальной морали и примет нового быта, соотношение высокой духовности и закрепленной в веках циничной логики человеческого общежития.

В сходных ситуациях герои Эльмесова проявляют себя по-разному: различны реакции на одни и те же события, мировоззренческие установки тех, кто очень тесно объединен условиями жизнеобитания. Вместе с тем автор дает понять, что каждое подобное проявление заведомо встроено в матрицу давно и всем известных отношений: «такова жизнь», «исстари так повелось», «так уж устроен человек» – неслучайно эти фразы проходят несколько навязчивым лейтмотивом через все произведения кабардинского прозаика.

Примечания

1. Воронов В. Художественная концепция. Из опыта советской прозы 60–80-х годов. М., 1984. С. 384.

2. Султанов К. К. Динамика жанра: Особенное и общее в опыте современного романа. М., 1989. С. 153.

Анзор КИРЖИНОВ,
ученик 10 «Д» класса,
МОУ СОШ № 1, с. Шалушка,
автору 16 лет

Анзор – из семьи архитектора, как и два его брата, Артур и Тимур, с детства увлекается рисованием. Представляем некоторые из его работ на мраморе.

Борис АЛЧАГИРОВ

МИР В НАНОИЗМЕРЕНИИ

В прошлом году в институте повышения квалификации (ИПК) и переподготовки работников образования (ПРО) КБГУ состоялся совместный семинар по теме «Преподавание физики в школах КБР в условиях развития системы образования в России». В работе семинара приняли участие представители Министерства образования и науки КБР, ведущие ученые-педагоги и все заведующие кафедрами физического факультета КБГУ во главе со своим деканом, а также более ста учителей физики из разных школ нашей республики.

Во время открытого и заинтересованного диалога между участниками семинара многие учителя физики обратили внимание на необходимость более полного ознакомления их с тематикой научных разработок и актуальными проблемами, решаемые учеными университета, а также с их главными достижениями. Более того, оказалось, что учителей интересуют также проблемы практического использования достижений физиков университета, в частности, рентгеновских линз профессора М. Кумахова и др. Учителя-физики высказали также пожелание более широкого освещения подобных вопросов в местных средствах массовой информации.

Многие мальчаны, проезжая мимо гормолзавода по горбатому мосту над железнодорожными путями, видимо, все еще вспоминают о трагедии, произошедшей на этом предприятии в 1987 г. Тогда мощный взрыв внутри главной башни пробил с легкостью толстые железобетонные стены, оставив зияющие метровые отверстия в ней, заодно в мгновение ока похоронив нескольких рабочих.

Тогда многим было просто невдомек, что первопричиной всего случившегося стали... обыкновенные мельчайшие пылинки муки, взвешенные в воздухе, концентрация которых оказалась уж слишком большой. Дело в том, что после тонкого помола каждое зернышко пшеницы миллиметровых размеров дробится на многие тысячи отдельных частичек, к тому же с чрезвычайно развитой поверхностью каждая: исходная поверхность в несколько квадратных миллиметров увеличивается до сотен квадратных метров. Элементарный подсчет показывает, что в агрегате, состоящем из одной тысячи частичек, пятьсот из них оказываются на его поверхности, т. е. половина «объемных» частиц, из которых состояло каждое зернышко, после тонкого помола становятся «поверхностными». Более того, адсорбционная способность поверхностей подобных сверхмалых частичек увеличивается до нескольких сот раз! Таким образом, заметная часть громадной внутренней энергии, заключенная прежде в каждом зерне, оказывается теперь принадлежащей поверхностным частицам, т.е. становится поверхностной энергией. А системы, подобные мучной пыли с воздухом со столь повышенной энергией, как известно из физики, становятся неустойчивыми и при определенных условиях теряют

ее. Поэтому не удивительно, что при больших концентрациях в воздухе мучных пылинок-наночастиц поверхностной энергии системы хватает для совершения работы по осуществлению взрыва столь огромной разрушительной силы.

Слово «нано» в наши дни стало чуть ли не самым популярным и востребованным, как в свое время слова «космос» и «космонавтика», «перестройка» и «ускорение», «высокотемпературная сверхпроводимость» и другие, ознаменовавшие переломные моменты нашей жизни и знаменательные вехи научно-технического прогресса. Теперь у всех на устах – новые, доселе незнакомые словосочетания с этой, казалось бы, известной каждому школьнику, приставкой «нано» (от греческого «nanos», что дословно переводится как «карлик»), – миллиардной доли чего-то, в данном случае длины, т. е. одного метра: «нанотрубки и наноматериалы», «нанотехнологии» и «наноструктуры» и пр. А в одной из статей, только что опубликованной в солидном академическом журнале, я обнаружил сосем уж необычное применение этой приставки – «...наноземлетрясения».

Действительно, нанотехнологии и наноматериалы рассматриваются сегодня во всем мире как фундамент новой наукоемкой экономики XXI века, как основа новейшей научно-технологической революции, которая в корне должна изменить нашу жизнь и окружающий мир в лучшую сторону. В скором будущем именно по уровню развития нанотехнологий будут оценивать и определять экономический потенциал той или иной страны. Поэтому понятно, что в своих посланиях Федеральному Собранию РФ президент В. Путин, как никогда ранее, особое внимание уделил науке: большую часть своего фрагмента выступления, посвященного науке, он уделил программному заявлению о необходимости «...создания в России эффективной системы исследований и разработок в области нанотехнологий». При этом президент до десятка раз употребил слово «нано». Но главный сюрприз в выступлении президента заключался в его заявлении о том, что на развитие нанотехнологий и nanoиндустрии в России «...государство не намерено жалеть денег». В подтверждение своих слов президент сообщил о том, что в рамках федеральных целевых программ в бюджете страны на решение проблем, связанных с материально-техническим обеспечением соответствующих технических, кадровых и организационных работ закладывается аж 180 миллиардов рублей! Сравнивая аналогичные показатели прошлых лет по затратам на науку в России, можно заметить: эта сумма сопоставима с общим финансированием всей науки в целом, что и подчеркнул сам президент: «Обращаю ваше внимание – мы, по сути, открываем еще одно, сопоставимое с общим финансированием науки, направление. Почти в таком же объеме!» По словам президента, сказанным им в самом конце ноября, расходы государства на развитие нанотехнологий в России будут только возрастать, причем в разы, а одновременно с этим – внимание и постоянный контроль за целевым расходованием выделяемых средств.

Известно, что на фоне развития отдельных направлений науки и

специальных дисциплин, которые идут постоянно, хотя и с разной активностью в разные периоды времени, особую значимость все чаще приобретают междисциплинарные исследования. Именно так и произошло с наукой о нанокристаллическом состоянии вещества, которая родилась на стыке трех разных наук – физики, химии и материаловедения.

В 1991 г. углеродные нанотрубки – еще одна из новых (после открытия фуллеренов) форм углерода, впервые были получены японским исследователем Иджима в виде осадка, образовавшегося на катоде при распылении графита в электрической дуге. Ученые затем обнаружили, что диаметр отдельной нанотрубки не превышает нескольких нанометров, а протяженность ее вдоль оси составляет от одного до нескольких микрон. Оказалось, что нанотрубка состоит из одного или нескольких слоев, каждая из которых представляет собой сетку графита, основу которой составляют шестиугольники с расположенными в вершинах углов атомами углерода. Самое удивительное заключалось в том, что во всех случаях расстояния между слоями оказались постоянными и равными 0,34 нанометрам, то есть точно такими же, что и между атомными слоями обычного кристаллического графита! Как правило, верхние концы нанотрубок закрыты многослойными полусферическими крышечками. Такие структуры, состоящие из свернутых сеток с атомами углерода в узлах, и получили название нанотрубок. Идеальной считается цилиндрическая нанотрубка, полученная при свертывании плоской гексагональной сетки графита без швов. В настоящее время усилия ученых направлены на разработку стабильных технологий получения углеродных нанотрубок, которые еще очень сложны, а свойства нанотрубок в значительной степени все еще зависят от тонкостей и особенностей технологии их получения.

Особый интерес ученых и технологов вызывает и привлекает сверхпрочность углеродных нанотрубок, превышающая, к примеру, прочность сталей в несколько раз. Более того, однослойные нанотрубки могут упруго удлиняться на 16 %. Чтобы оценить по достоинству этот параметр, для сравнения отметим, что если бы железо обладало такими же свойствами, то железная спица длиной один метр могла бы удлиниться под нагрузкой на 16 см, а после снятия нагрузки вновь вернуться к исходной длине! Подобные сверхупругие свойства нанотрубок вскоре позволят получать композиционные материалы, способные обеспечивать высочайшую прочность при сверхвысоких упругих деформациях, изготавливать сверхлегкие и сверхпрочные ткани и одежду для космонавтов, пожарных и др. Поэтому область применения нанотрубок обещает стать необычайно широкой и перспективной.

К удивительным свойствам нанотрубок относится также их огромная (в сравнении с традиционными материалами) электронная эмиссия, т. е. способность к испусканию электронов (с единичной площадки) в невиданных количествах. Нанотрубчатые катоды представляют собой сгусток микроострий, с которых, по законам физики, эмиссия электронов облегчена: у сверхострых кончиков отдельных нанотрубок напря-

женности электрических полей становятся настолько большими, что электроны практически самопроизвольно начинают «срываться» с них, самопроизвольно и лавинообразно. Заметим, что ученым России принадлежит приоритет получения автоэлектронной эмиссии из углеродных нанотрубок. Использование этого явления на практике имеет огромное значение: дисплеи и телевизоры на углеродных нанотрубках обладают экологической чистотой, отсутствием вредных излучений, плоским, не искажающим изображение экраном, а также высокой яркостью и четкостью изображений, естественной гаммой цветов. Новое поколение мощных многолучевых сверхвысокочастотных приборов своим появлением также обязано наноструктурным автокатадам, разработанным в России, в частности в Саратовском филиале института радиолектроники РАН, аналогов которым в мире еще нет.

Известно, что одной из главных тенденций развития микроэлектроники является уменьшение размеров приборных структур. В современных интегральных микросхемах они составляют около миллионных долей метра. Но, по мере приближения этих размеров к нанометровой области, а это – образования из нескольких единиц или десятков атомов, все в большей степени проявляются так называемые классические и квантовые размерные эффекты физико-химических свойств вещества, которые сами являются порождением и следствием квантовых свойств электрона. А из квантовой физики следует, что электрон может быть представлен не только как корпускула-частица, но и как волна, описываемая соответствующей волновой функцией (так называемый корпускулярно-волновой дуализм частиц). Поэтому распространение этой волны в наноразмерных структурах контролируются эффектами, связанными с квантовыми ограничениями, интерференцией и возможностью туннелирования (просачивания) электронов через потенциальные барьеры. Таким образом, в наноразмерных структурах волновая природа электронов и соответствующие явления становятся основополагающими: здесь начинают действовать уже другие, совсем отличные от законов классической физики, закономерности. В результате свойства наночастиц в корне отличаются от свойств массивных тел. Ученые полагают, что в будущем удастся перейти к технической реализации теоретической возможности запоминать и передавать элемент информации (1 бит) с помощью... одного электрона, локализация которого в пространстве может быть задана одним атомом, а также практического создания однофотонных элементов и пр.

Примером эффективности идей и возможностей нанозификохимии и нанотехнологии является также их применение на одном из направлений альтернативной энергетики – использование солнечных батарей для преобразования солнечной энергии в электрическую. Данная проблема актуальна не только для обеспечения энергией космических летательных аппаратов, но и на Земле. Напомним, что в экипировке американского пехотинца сейчас до 20 % веса составляют батареи, которые питают различные электронные системы – связи, навигации, приборы ночного видения и т. д. В настоящее время достигнутый усредненный мировой

уровень эффективности преобразования солнечной энергии в электрическую составляет лишь около 18 %. Применение же нанотехнологий открывают новые возможности для создания высокоэффективных солнечных элементов, например, введением и размещением в запрещенной зоне полупроводника квантоворазмерных нанокластеров, т. е. так называемых «квантовых» точек. Как показывают теоретические расчеты и предварительные экспериментальные исследования ученых, эффективность таких приборов-преобразователей может быть повышена до 60 %.

Не секрет, что достижения нанофизики и нанотехнологии используются и в военном деле, способствуя укреплению обороноспособности страны. В России разработаны технологии получения нанопорошков тантала, ниобия, алюминия и других высокоактивных металлов, не имеющих аналогов в мире. Успехи и достижения нанотехнологии позволили разработать новые взрывчатые композиции на основе высокоактивных нанопорошков, что дало возможность в сотни и тысячи раз увеличить скорость взрывного процесса. Более того, при соответствующем наборе наноконпонентов можно перераспределять энергию взрыва между различными поражающими факторами и достичь сверхмощного светового воздействия при минимальной энергии ударной волны и пр. Недавно мы стали свидетелями успешно завершившихся в нашей стране испытаний новой бомбы невиданной до сих пор мощности, не уступающей по разрушительной силе атомной бомбе.

Одним из условий дальнейшего развития атомной и ядерной энергетики является снижение удельного потребления природного урана при производстве энергии, что достигается в основном за счет увеличения полноты выгорания ядерного топлива. Для реакторов на быстрых нейтронах она должна составить не менее 20 %. Этого можно достигнуть за счет нанодобавок к ядерному топливу, обеспечивающих активацию процесса спекания уран-плутониевых оксидов и нитридов. Более того, упрочнение радиационно-стойких сталей оксидными нанопорошками позволяет решить важную техническую проблему – обеспечение радиационной прочности оболочек тепловыделяющих элементов ядерных реакторов и тем самым значительно повысить безопасность эксплуатации атомных электростанций и ядерных энергетических установок и т. д. В настоящее время разработаны технологии, позволяющие за счет соответствующей обработки и придания поверхностным слоям конструкционных сталей нанокристаллических структур улучшить прочностные, усталостные и ряд других важных механических свойств сталей до полутора-двух раз.

Использование достижений нанотехнологии в биологии значительно расширяют возможности этой науки и способствуют новым открытиям в важнейшей для людей области знаний. Известно, что из более полутора миллионов бактерий высокого таксономического ранга царства животного и растительного мира к настоящему времени изучены и идентифицированы лишь около 10 тысяч. Среди них особое внимание уделяется исследованиям «нанобактерий», которые не видны при использовании самых высокоразрешающих световых микроскопов. Заметим, что термин

«нанобактерия» впервые употребил американский микробиолог Ричард Морита. Теоретические расчеты показывают возможность существования и жизнеспособность клеток диаметром несколько десятков нанометров. В частности, финский микробиолог Олави Каяндер в конце 90-х гг. обнаружил такие клетки внутри песчинок при мочекаменной болезни. Еще ранее было описано формирование наноклеток внутри туберкулезной палочки. По наблюдениям американского профессора И. Фридмана (США, университет штата Флорида), микробиология песка пустынь представлена в основном наноформами, из чего следует печальный вывод о том, что замещение обычных бактерий нанобактериями сопровождается опустыниванием земель. И хотя на сегодняшний день чистые культуры нанобактерий в практике микробиологических лабораторий мира отсутствуют, но Каяндеру с сотрудниками удалось выделить нанобактерии из сыворотки крови.

В России также успешно ведутся исследования по выделению нанобактерий, в частности в Институте биохимии и физиологии микроорганизмов им. Г. К. Скрыбина. Предварительные результаты проведенных в этом институте исследований приводят к выводу, что песок и камень в почках действительно формируются при активном влиянии нанобактерий, служащих центрами минерализации, а также к предположению о том, что именно эти микроорганизмы провоцируют различного рода «наслоения» в человеческом организме – вплоть до склеротических бляшек на стенках сосудов. Изучение кальцификатов в плаценте рожавших женщин показали, что подобные минеральные образования представляют собой опасную патологию и угрожают не только утолщением плаценты, но и гибелью плода. В ходе исследований ученые обнаружили нанобактерии в зонах кальцификации и их отсутствие в здоровых тканях.

Лариса АЛОЕВА

«Я будущность свою измерил...»

Кабардино-Балкарский институт бизнеса. Золотой островок прагматизма, строгих академических знаний современной экономики и права, и, одновременно – лирики и романтизма, где складывается традиция формирования нового поколения молодых предпринимателей. Возможность полностью посвятить себя изучению бизнеса и права, отечественного и международного, и вместе с тем упиваться и «смаковать» открытия гениальных предшественников в области духовных знаний, вырабатывать вкус, жить в ритме поэзии и танца, учиться систематизировать знания предков. Институт бизнеса ставит задачу сделать мир широко открытым и доступным для своих студентов. Для этого приглашаются высококвалифицированные специалисты из США, Германии, Франции, чтобы научить мыслить международными категориями бизнеса и права, и вместе с тем проводятся общественные чтения по интеграции истории и культуры этносов.

По мнению ректора института, нынешнее время можно охарактеризовать как опаснейшее для всей человеческой цивилизации. И одну из главных опасностей представляет собой невежество, замаскированное под «узкоспециальную образованность». В 18–20 лет человек, заикленный только на одной «узкой специальности», вполне осознает такую ущербность, если хоть раз задумывается о своем месте в окружающем мире, поскольку не обладает целостным представлением о самом мире, в котором предстоит ему жить. Но в одиночку он не может справиться со своим незнанием. Поэтому вуз, отлично понимая все сложности времени и особенности социальной психологии, кардинально меняет систему преподавания и помимо основного, профессионального, вводит дополнительное обучение, близкое классическому образованию. Но чтобы из студентов получилась яркая индивидуальность, нужно чтобы сами преподаватели были таковыми. Именно по этому принципу руководство института приглашает читать лекции запоминающихся личностей, таких, как заслуженный учитель КБР Масират Беканова и заслуженный деятель культуры РФ Джабраил Хаупа, ведь предстоит вести сложную, творческую и ответственную работу среди студентов по созданию комфортной гуманитарной среды.

Масират Беканова вспоминает: «Приглашение в институт бизнеса было совершенно неожиданным. И в какой-то момент даже возникло сомнение – смогу ли справиться? Надо было понять и признать, что культурная самобытность, патриотизм, забота о будущих поколениях, которые читаются между строк многочисленных источников зарубежных и отечественных авторов, требуют, прежде всего, не перелистывания и перелицовывания фактов и событий, изложенных в них, а самостоятельного мышления, что на общественных чтениях должно сводиться к совокупности здравого смысла. Это означало, что надо учиться самой и учить студентов, учитывая, насколько серьезными оказались уроки, которые дала нам политическая, правовая, эстетическая культура адыгского народа. Собственно, речь шла с самого начала о необходимости заполнить

пробелы в гуманитарном образовании сегодняшнего поколения молодых людей на родном языке.

В общем-то, мы призваны были вместе с Джабраилом Хаупа, выполнить миссию Сократа, встав на почву истины и морали, поговорить со студентами о вечных темах и проблемах жизни: счастье, надежде, любви, Родине, справедливости, добре, свободе и ответственности. Эти высоконравственные, но абстрактные категории мы должны были заполнить конкретным содержанием, которое несут в себе «Адыгэ Хабзэ», фольклор народа в виде пословиц и поговорок, устных сказаний; история как выразитель мысли и политический действий; как ни странно, даже традиционная кухня адыгов. Подумав, я сказала «да». Теперь, когда позади год работы, я понимаю, какую критическую школу воспитания прошла я сама благодаря Феликсу Хараеву».

В течение года каждый вторник недели в КБИБ проводились многочасовые общественно-научные чтения, посвященные самым различным аспектам развития истории, культуры, этики и этикета коренного народа республики. Цель чтений, как вы теперь уже знаете, исследование и распространение гуманитарных и научных знаний в области духовного познания адыгского мира. Когда профессор Джабраил Хаупа, весело и влюбленно читавший курс адыгской фольклористики, этики и этикета – через сказки, побасенки, многоголосые «ежу» и любовные песни, притчи и плачи, легенды и бывальщины из жизни народных героев Казаного или Пачева – открывал за несколько часов общения духовный материк неведомого, восторженные и благодарные студенты аплодисментами приветствовали его. По-юношески порывисто и легко, весь во власти вдохновения, Хаупа декламировал на память огромное количество стихов, обрушивал на аудиторию каскады свободно льющейся речи на родном языке и музицировал у рояля что-то особенное, а студенты, притихшие и замороженные, постигали подлинную глубину знаний философии своего народа. Запомнились ли молодым людям подобные встречи? Без сомнения.

«Золотым соловьем» прозвали в институте Масират Беканову за проникновенный голос и умение непостижимым образом вещать про самые сложные и трудные страницы истории адыгского народа. Именно благодаря общественным чтениям определился интерес к прошлому и настоящему своей «малой Родины» у большинства студентов КБИБ.

Как говорит студент Ашамаз, «исторические сочинения, даже популярные, к сожалению, не доходят до сердца, не будоражат ум, так как не передают картины в целом и противостояния мнений. Не всякий, даже грамотный человек, понимает, что жизненный опыт – всегда исторический опыт, основанный на сравнении настоящего и прошлого. Масират же обобщила и систематизировала огромный объем информации на подобных встречах».

Таким артистичным и доступным образом, через великолепных рассказчиков и собеседников, институт восполнил у массовой аудитории потребность знать прошлое, традиции и культуру своего народа, что, в общем-то, является вполне естественной потребностью таких ребят как Ашамаз.

Самое страшное в сегодняшнем времени заключается в том, что ничего не стоит разрушить культурные ценности народа, в том числе и конкретного человека, за очень короткое время, а для возрождения их потребуется немало поколений и времени.

Конечно же, организатор общественных слушаний Феликс Хараев прекрасно понимает, что не все ответы, уместные в прошлом, применимы в сегодняшней жизни, взять хотя бы тот же этикет, а множество современных актуальных проблем попросту не существовало во времена прабабушек и прадедушек. При ближайшем рассмотрении контрастов и несостыковок выясняется, что рекомендации может делать только современная наука и пылливый ум каждого, кто не далек от духовной истории собственного народа, а не догма или схоластический вымысел. В этом смысле общественные чтения, ставшие традицией КБИБ, привлекли своими парадоксами к участию не только молодежь, но и равнодушных к знаниям людей разных возрастов, ставших добровольными слушателями «бесплатного духовного всеобуча». Народ узнавал по своему «телеграфу» и приходил с жадной узнать что-то новое. Никто не закрывал перед ними двери. Медалиева Тамара – пенсионерка, после очередных слушаний сказала студентам: «Завидую вам. Пришла учиться с вами тому, что нигде в другом месте не услышишь. Это – единственное место, где ценится воспитание». Георгий Глостанов высказался несколько иначе: «В наше время не было такой уникальной возможности – запреты, ограничения. Сегодня – ваш день, вы независимы и свободны в своих суждениях. Вам дают самые разносторонние знания на родном языке. Вам повезло. Нам же говорили: «Ваш язык и ваша культура дальше Пятигорска не тянут».

Очевидно, что общественные чтения, которые в народе уже прозвали «хараевскими», представляют собой обширное поле для взаимодействия и активного сотрудничества не только студенческой молодежи, но и общества, являются поиском основ гражданского мировоззрения. Осознание того, что мы подходим к задачам возрождения и преобразования человеческой личности, в начале XXI века в России чрезвычайно поверхностно и уже сегодня востребовано многими небезразличными к своей культуре людьми. К сожалению, игнорируется тот факт, что всякое развитие начинается и завершается в сфере Духа. Автор замечательной книги «Дух, душа и будущее», доктор философских наук Феликс Хараев на вопрос о том, что же побудило взяться за организацию общественных слушаний по духовной культуре в столь меркантильное для всех время в институте бизнеса, растрачивая на это время и деньги, ответил: «Чтения – это замечательное событие в жизни студенчества. Оно должно стать толчком к гражданскому пробуждению и воспитанию. Но чтобы воспринять это событие, надо быть сопричастным к тем основаниям, из которых строится культура и история этноса. И строить свою конкретную позицию в жизни. Основанием тому является, прежде всего, знание, вера в смысл происходящего и в будущее своего народа. Существо любой образовательной проблемы, даже такого института как наш, сугубо специфичного, опирается в неразрывную связь образования и сознания. Представьте себе: какой получится бизнесмен без гуманитарной составляющей? Этаким уродливый Дак Скрудж из утиной истории. А ведь общество нуждается в стремлении человека возводить свою природную и социальную жизнь до уровня духовности. Мы не можем сказать сегодня: заказ на интеллект и интеллигентность отменяются в силу отсутствия госзаказа и малых средств на образование. Мы просто обязаны с точностью измерить будущее своих детей...»

Изабелла БИЧИЕВА

Социально-политические условия формирования национальной кабардинской интеллигенции

Национальная интеллигенция Северокавказского региона формировалась в конце XVIII – начале XIX вв. По мере хозяйственного и политического освоения Северного Кавказа здесь складывалась и русская интеллигенция, и интеллигенция «малых народов». С окончанием Кавказской войны в условиях реализации буржуазных реформ 60–70-х гг. процесс организации светской интеллигенции среди горских народов принял целенаправленный характер. Появление работников интеллектуального труда означало прогресс в области культуры, науки, техники и организации производства, рост общественно-политического и национального самосознания народа. Исследование роли и деятельности интеллигенции в развитии культуры местных народов, вклада северокавказской интеллигенции в российскую культуру и науку, место интеллигенции в политических процессах XIX–XX вв. поможет понять особенности и специфику истории и культуры этого региона.

В условиях Кабардино-Балкарии, где не было национального рабочего класса, интеллигенции принадлежала особая роль в судьбах народа. В предреволюционный период интеллигенция выступила в роли культурной элиты адыгского общества, в рамках которой сформировались представления о национальном возрождении, о путях достижения свободы, равенства и прогресса.

Интеллигенция занимает особое место в общественной и интеллектуально-культурной жизни общества и выполняет роль хранителя культуры, знаний и традиций народа. Сформировавшись под влиянием и традиционной культуры, адыгская интеллигенция несла в массы национальные идеи и политические знания, способствуя росту национального самосознания. Немногочисленная кабардинская интеллигенция имела большое влияние на жизнь народа. Именно она создала интеллектуально-культурные основы, без которых дальнейшее развитие этноса было бы невозможно.

События конца XIX – начала XX вв. в России кардинально повлияли на весь ход исторического развития народов Северного Кавказа. В обновляющемся традиционном обществе формировалась национальная интеллигенция – цельная, образованная и претендующая на общественное влияние, выражавшая растущие социальные и культурные интересы своих народов. Как писали в 1878 г. «Терские ведомости», «горцы поступили в число российских граждан не совсем дикарями, а людьми, горьким опытом убежденными в необходимости прочного общественного спокойствия».

В этой связи считаю необходимым высказать некоторые соображения применительно к конкретным явлениям идеологической жизни адыгов. Поэтому при решении вопроса, можно ли причислить того или иного

деятеля к интеллигенции, видимо, нужно исходить, прежде всего, из системы идей, которыми он руководствуется в собственной практике.

Своеобразие кабардинской интеллигенции предстает особенно наглядно, если проследить ее историческое движение, выявить основные этапы ее формирования и развития. Период конца XIX – начала XX вв. является трансформационным для адыгской интеллигенции. На этом фоне происходило зарождение кабардинской интеллигенции, формирование ее взглядов и выработка приоритетных направлений ее деятельности. К числу основных факторов, оказавших влияние на образование в кабардинском обществе интеллектуальной элиты можно назвать:

1. Последствия Кавказской войны, то есть формирование многочисленной зарубежной диаспоры.

2. Целенаправленная политика России по созданию интеллектуальной прослойки из представителей кабардинского населения, как проводников влияния в северокавказском регионе.

3. Насущная потребность в подготовке квалифицированных производственных и административных кадров из горцев, вызванная интеграцией Кавказа в государственные структуры России.

Изменения в общественном сознании, связанные с поисками путей взаимодействия с опытом мировой цивилизации, культурные связи с которой осуществлялись по двум основным каналам – «восточному» и «российскому».

Определяющей целью общественной деятельности кабардинской интеллигенции стало обеспечение сохранения и воспроизводства этнической культуры. Согласно этому обнаружилось устойчивое стремление к наиболее органичному вхождению в социально-политическую систему Российского государства. Представители интеллигенции тонко чувствуют не только несовершенство общественного устройства кабардинского народа, но и начинают понимать недостатки общественно-политического строя России, а также ее политики в национальных окраинах. С негодованием отмечают, что русские заняты систематическим попранием человеческого достоинства коренного населения. Общение с русскими вносит коренные изменения в бытовые и семейные отношения кабардинцев, преобразует их нравы, обычаи. Роль интеллигенции в деле сохранения и развития значительных для дальнейшей эволюции этноса элементов культуры была незаменима. В связи с этим и определилось основное направление деятельности кабардинской интеллигенции – просветительство в самом широком смысле, которое осуществлялось посредством различных форм образования, распространения знаний, развития периодической печати.

Всестороннее преобразование общественного быта кабардинцев, становление товарно-денежных отношений в сельских обществах, интенсификация межличностных контактов местного населения с жителями казачьих станиц, областных центров Северного Кавказа заложили основы для начала нового этапа в развитии национальной духовной культуры. Его неотъемлемой частью, идеологической основой и важнейшей движущей силой стала деятельность интеллигенции, в которой были обозначены

ориентиры модернизации традиционного мировоззрения кабардинского народа.

Интеллигенция пореформенного периода представляет собой качественно новый тип общественного деятеля, целенаправленно получившего светское образование, не связанное с военной службой. Качественно иными были объективные условия их деятельности: разбросанность по огромному территориальному пространству, деятельность в различных государственных образованиях, отличия в идеологии, оказавшие влияние на их мировоззрение ¹.

Величайшей трагедией XIX столетия явилось выселение, разбросавшее по обширным пространствам Османской империи остатки адыгского этноса, выжившие после Кавказской войны. Со второй половины XIX века духовная жизнь, равно как и развитие интеллигенции, стала развиваться в очагах, почти не сохранивших друг с другом культурных связей и существующих под влиянием других этнокультурных традиций: на Северном Кавказе в Российской империи и в различных районах Османской империи.

Существовала обособленность интеллигентской прослойки, особенно на этнической родине, оторванность от народа. Их мировоззрение существовало отдельно от обыденного мировоззрения большинства кабардинцев, хотя и, несомненно, испытывало в разной степени их влияние.

¹ «Терские ведомости». № 28. Владикавказ, 1878.

Залина ДОХОВА

Национальный колорит (обращения-пожелания) в произведениях Ахмедхана Налоева

Национально-специфические реалии многочисленны в рамках определенной культуры, соответственно и языка. Поэтому в лингвистике в последнее время большое внимание уделяется проблеме перевода. Выявляется все больше и больше дискуссионных вопросов в этой области. Спорным является и дефиниция самого термина «перевод». В связи с чем считаем необходимым привести наше определение этого понятия: верное и полное выражение средствами одного языка того, что уже выражено ранее средствами другого языка, то есть имеется в виду дословное воспроизведение языка оригинала, при одновременном отражении «духа», смысла подлинника.

К сожалению, многие произведения адыгских писателей не переведены на русский язык, некоторые – переведены таким образом, что подлинник переосмысливается, подвергается преднамеренным искажениям, фальсифицируется, а некоторые моменты вообще опускаются.

Для того чтобы обозначить эту существующую проблему, попытаемся на некоторых примерах (обращения) показать специфику одного языка посредством другого, сохраняя и даже выделяя элементы народного, в данном случае адыгского, своеобразие и, в частности, черты местного колорита, адыгской ментальности. То есть речь пойдет о словоформах, функционирующих в адыгских языках в качестве обращения, но при переводе на русский язык, как правило, теряющих характерную для них функцию адресации речи и приобретающих иные функции, не присущие обращению. Их условно обозначим термином «обращения-пожелания».

В качестве иллюстрации обратимся к произведениям Ахмедхана Налоева, где часто используются обращения-пожелания. Например:

– **гъуэгу мыгъуэм ежъэн (да вступишь тебе на проклятый путь):** Дэнэ здэзгъэзжынур, **гъуэгу мыгъуэм ежъэн**, сэ си унафэр згъэзэщлауэ соклуэж, си гъусэр улэгъэ хьуауэ – Куда мне воротиться, **да вступишь тебе на проклятый путь**, я возвращаюсь вместе с раненым товарищем, выполнив порученное мне дело на Рейхстаге («Рейхстагым адыгэбзи тетщ», с. 11), **Е гъуэгу мыгъуэм ежъэнитI**, Хужьэ и джэдыщIэ бэгъуам зыщIыхэвгъэкIыжыр сыт, фынакIуэу фымышхыу?.. – **Эй, да вступите вы вдвоем на проклятый путь**, почему вы лишаете себя расплодившихся курочек Хуж, не приходя к нам и не отведая их («Тутын къыщIидзэжаш», с. 92), СэлэфкIий уигъэкIуэнщ, **гъугъуэгу мыгъуэ ежъэн!** – Он отправит тебя в Соловки, **да вступишь ты на проклятый путь!** («Псы Iуфэм Iут унэ цIыкIу», с. 322);

– **зи унагъуэр / унэр бэгъуэн (да расплодится твоя семья, твой дом, очаг):** Хьарбыз къыхэхыкIэ пщIэ си гугъати, нэхьыфIыIуэу къытхуэхь, **зи унагъуэр бэгъуэн!** – А я-то думал, что ты знаешь, как выбрать хороший арбуз, принеси нам получше, **да расплодится твоя семья, твой дом, очаг!** («ПщIыхьэпIэ ящэ хабзэкъым», с. 65), Сыт къыпщыщIар, **зи унэр бэгъуэн**, уи фэм уитыжкъыми? – Что с тобой случилось, **да расплодится твоя семья**, ты плохо выглядишь? («Бжъы», с. 110), **А зи унэр бэгъуэн**, «бисмылахьы» щхьэ жумыIэрэт?! – А, **да расплодится твоя семья**, почему ты не проговаривал молитвенное слово «бисмилахи»? («Жэщ гъуэгуанэ», с. 128), Ыпы, **уи унэр зыгъэбэгъуэн!** – Нет, кто расплодит твою семью! («Ди зэхуэдэ щэхущ», с. 157);

– *зи унэ делэ кърамылъхуэн (да не родится в твоём доме умалишенный, глупец):* А, *зи унэ делэ кърамылъхуэн*, иджыри къэс щхэ иумытарэ абыхэм пщий? – Эх, *да не родится в твоём доме умалишенный, глупец*, почему ты до сих пор не дала им орехи, семечки? («Тезыр», с. 200);

– *зи макъыр щы цлагъым къыщцэИукъын (да будет слышен твой голос из-под земли):* *Зи макъыр щы цлагъым къыщцэИукъын!* – *Да будет слышен твой голос из-под земли!* («КъыщцэИай!..», с. 48).

Часто А. Налоев употребляет обращения-пожелания с составляющим словом *Аллах / Тха (Бог):* ...*тхьэр зи ужь нувэн, щцалъхэху упцщцэрэ?.. – ...пусть Тха следует с тобой*, тебе не терпится пока его похоронят?.. («Луэхушхуэнщцэшхуэхэр», с. 33), Уа, Дышэ, укыщылъэтыркэ, *тхьэр зыгъэщцын...* – Уа (О, Оу), Дыша, может, поднимешься, да нарушишь ты верность Тха... («Урыху акъужь», с. 143), Еу-у-уей, *ей алыхьым и нэлатьыр зытехуэн къом...* – Еу-у-уей (междометие), *эй, множество, да падет на вас проклятье Аллаха...* («Хьэ», с. 86), «Уо-у! ХьэдэИус алыхьым ищцын» – «Уоу (Оу-у)! *Да чтоб Аллах превратил тебя в хадаус (поминальную еду)*» («Луэрылуатэ», с. 149), Тэдж, *алыхьым зи унэр къыбгъэн!* – *Вставай, да возьмет (примет) Аллах твой дом, семью под свое покровительство!* («Псы Иуфэм Иут унэ цыкыу», с. 322).

А. Налоев иногда использует обращения, которые не имеют соответствующих эквивалентов в русском языке. Поэтому мы переносим их в язык перевода для выделения оттенка специфичности, который присущ выражаемой им реалии. Таковыми, например, являются слова – обращения: *л'аун – л'эун (зи л'эужьыр унэн – да осчастливится твоё потомство):* Ицэ, *л'эун!* – *Давай, л'аун (да осчастливится твоё потомство)* («Псы Иуфэм Иут унэ цыкыу», с. 322); *унажин – унэжын (да осчастливишься ты):* А, *унэжын*, щхэ умыжейрэ... – А (Эй), *унажин (да осчастливишься ты)*, почему ты не спишь... («Ахьшэ», с. 74), СытылI, *унэжын?! – Какой мужчина, унажин (да осчастливишься ты) ?!* («Къаубыдаш», с. 167).

Некоторые обращения прямо указывают на специфику адыгской культуры. Например, в Кабарде существовал обычай, согласно которому у провинившихся, опозоривших семью девушек за соответствующие проступки отнимали самое ценное, дорогое – волосы. Увидев обритую девушку, человек сразу понимал, с кем имеет дело. То есть безволосая девушка стала символом бесстыдства, что не могло не отразиться и в языке. Так появилось бранное, инвективное обращение *зинэ цлафтэкIэ къальхуа (рожденный от бесстыжей, безволосой женщины (незаконнорожденный):* Думыгъэш жыслакъэ, *зинэ цлафтэкIэ къальхуа!* – Я же сказал, не иди ему на уступки, *рожденный от бесстыжей, безволосой женщины!* («Рейхстагым адыгэбзи тетщ», с. 20).

Таким образом, произведения А. Налоева насыщены специфическими выражениями – обращениями, аналогии которых не встречаются в русском языке. Они заключают в себе ярко выраженную национальную окраску, что лишней раз подчеркивает своеобразное развитие каждого, отдельно взятого языка, особенности, присущие только ему. Поэтому существует необходимость в правильном (адекватном) переводе произведений адыгских писателей, передаче специфики ценностей национальной культуры, картины мира и т. д.

Литература

1. Налоев А. Х. Дом на берегу реки. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 3. На-
льчик: Эльбрус, 1995.

Жанна ТХАЗЕПЛОВА

Сохранение этноса и национальных особенностей КБР в условиях глобализации

Под глобализацией культуры принято понимать процесс универсализации и создания духовной сферы человечества. В основу такой глобализированной мировой культуры положена массовая культура Западных стран и в первую очередь Соединенных Штатов Америки. Такое развитие происходит в результате стихийного усвоения западной массовой культуры и целенаправленного движения европейского и американского капитала в поисках новых рынков сбыта своей продукции, в том числе и информационной. В настоящее время глобализация в области культуры (культурная глобализация) в той форме, в которой она существует, включает в себе серьезную опасность. Она сводится к унификации национальных культур, на основе западных образцов. Западная культура преподносится как общемировая и самая прогрессивная. Односторонний характер культурного взаимодействия ведет к подавлению национальных культур и, в конечном счете, может привести к потере национально-культурной самобытности не только малочисленными народами, но и довольно многочисленными.

Задача сохранения национальной культуры практически целиком ложится на простого человека, которому очень трудно ориентироваться в постоянно изменяющемся мире. Мы затрудняемся сказать, сохранится ли традиционная культура при сохранении существующих тенденций.

В рамках процесса глобализации, особенно усилившегося после распада СССР, стало расти влияние западной культуры на общество. В основном источниками западного влияния являются СМИ (телевидение, радио, товары – от предметов одежды до электроники, и т. д.). Средства массовой информации оказывают влияние на культурную жизнь, какое они оказывают и в России, т. е. колоссальное.

Так, в Кабардино-Балкарии транслируются основные российские и некоторые зарубежные телеканалы, и так же доступны десятки радиостанций на разных языках мира. Зарубежные СМИ воздействуют наиболее сильно на подрастающее поколение, оказывают влияние на формирование их взглядов на жизнь, убеждений, эстетических вкусов, привычек, увлечений и занятий. Западная развлекательная культура в глазах молодых не имеет достойного конкурента. Усвоение западной культуры обществом – процесс стихийный, неконтролируемый и неравномерный. Западной ориентации в культуре придерживаются, по большей части, представители молодежи. Однако речь не идет о полном или частичном переходе к западному образу жизни. Уместнее говорить о растущем числе элементов культуры, усвоенных под европейским или американским влиянием.

Кабардинская и балкарская национальная культура также находится в постоянном движении – исчезают красивые обычаи, забываются нормы национального этикета. Надо также сказать, что для многих кабардинцев и

балкарцев, как и для многих в России, Европа и США являются примером для подражания в разных сферах жизнедеятельности. Такое положение, обусловлено многими факторами, основными среди которых являются – во-первых, малочисленность, что делает их легко восприимчивыми к чужой культуре, а во-вторых, отсутствие цельной государственной программы и целенаправленной деятельности по популяризации и сохранению традиционной культуры в сообществе. Следовательно, тенденция усиления роли Запада в духовной жизни будет сохраняться.

В условиях глобализации необходимо сохранить уникальность каждого этноса Северо-Кавказского региона, ибо самый малочисленный народ обогащает духовную культуру человечества. Справедливым является, по нашему мнению, утверждение Т. П. Григорьевой, что «народы обязаны беречь свое национальное достоинство, ибо только в этом они могут внести в общую сокровищницу народов что-то свое, неповторимое, без чего невозможно мировое единство. Тот, кто забывает об этом, не только ущемляет национальное чувство другого народа, но и наносит ущерб самому себе, ибо отказывается от того, что принадлежит всем». Этнокультура народов Севера Кавказа уникальна и самобытна, и она нуждается, как и любая культура, в сохранении. Наши народы были достаточно мудры, чтобы сохранить наиболее важные, органичные элементы национальных культур. Они смогли донести культурное наследие из глубин веков до наших дней. Именно на этих непреходящих духовных ценностях мы и должны строить будущее нашей культуры. Необходимо сделать все возможное, чтобы процесс функционирования и развития культуры был гармоничным, органически связанным с корнями культурного наследия, которое по существу и определяет самобытность наших народов. И адресат этих усилий, прежде всего, молодое поколение [4:6].

Вопрос о сохранении своей этничности непосредственно связан с вопросом об управлении в сфере культуры. Необходимо заинтересовать молодежь народной культурой (песнями, танцами) и поддерживать собственный язык и культуру, что в целом будет способствовать развитию национального самосознания. Сохранение этнической специфики, национальных особенностей необходимо для дальнейшего гармоничного развития народа, при этом налицо и экономическая выгода (туристическая привлекательность, туристический бизнес, который также будет способствовать экономическому и культурному развитию государства и народов, проживающих в нем). Необходимо возрождать многие внешние стороны традиционной духовной и материальной культуры, такие, как костюм, архитектура, календарные праздники и обряды, музыка, песни, танцы и т. д., и таким образом создавать необходимые условия для саморазвития национальной культуры.

Возврат к национальной культуре, по мнению русского ученого В. К. Соколовой, должен происходить не только с помощью более успешного овладения своим родным языком, но и сохранением и изучением своих национальных традиций, сконцентрированных в том числе в календарных и семейных обрядах и обычаях [3:3].

Культура Кабардино-Балкарии, имеющая древние корни, известна в мире своим отчетливо выраженным кавказским характером, и действенное сохранение этого культурного наследия является необычайно важной и насущной задачей культурного строительства в Кабардино-Балкарии в новом веке.

Кабардинская и балкарская нации на длительном пути своего развития создали собственные прекрасные культурные традиции. Это – колоссальное духовное достояние, это – духовные узы, которые связывали бесчисленные поколения, это – духовный фундамент единства страны и сплоченности народа. Мы чрезвычайно ценим и оберегаем их, мы должны постоянно подчеркивать их величие.

Несмотря на усиление процесса глобализации в большинстве стран мира сохраняется интерес к национальным традициям. Об этом свидетельствуют успешные гастроли народных песенных и танцевальных коллективов.

Повышается качество культурно-художественных программ, предлагаемых за рубежом. Наши деятели искусства принимают участие в музыкальных, хореографических и многих других международных художественных конкурсах или международных праздниках искусств. Во всем этом полностью проявляется открытость процесса строительства современной культуры. Именно подобная беспрецедентная открытость мощно стимулирует развитие всей культуры и расцвет литературы и искусства.

Взаимодействию культур способствуют также массовые переселения людей (миграции), межэтнические контакты, межнациональные (смешанные) браки. При правильном взаимодействии культур (без угрозы утраты культурного своеобразия для одной из них), будет происходить их гармоничное сочетание. Сохранение разнообразия культур и традиций является одним из наиболее эффективных путей достижения социальной интеграции [2:35].

Мы считаем, что потеря национальной культуры будет горестной утратой не только для нас самих, но и для всего человечества, чье культурное богатство заключено в национальном многообразии.

Подводя итоги, следует сказать, что сегодня культура Кабардино-Балкарии зависит во многом от того, сможет ли наше общество направить влияние глобализации в продуктивное русло культурного взаимообогащения. На наш взгляд, процесс глобализации культуры – явление неоднозначное. Размах и сила его заставляют опасаться за сохранение уникального культурного облика различных народов, особенно если дело касается такого малочисленного этноса, как кабардинцы и балкарцы.

Сохранение этносов, этнокультур, является задачей очень сложной и требующей вмешательства государства, науки, религии и т. д. Утрата традиционной культуры грозит дальнейшему существованию самого этноса. Сохранение этнических традиций важно для будущего глобального человеческого сообщества, как и сохранение самих этнических общностей. И мы уверены, что кавказский народ сумеет сохранить и обогатить свои духовные ценности в системе мировой цивилизации.

Библиография

1. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 19.
2. Сакович В. А. Объективный характер интеграционных процессов в современном мире // Ежегодник Института межэтнических исследований. Кишинэу, 2001. С. 35.
3. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. М., 1979. С. 3.
4. Тхагазитов Ю. С. С оптимизмом смотрю в будущее наших национальных культур // КБП. 1997. 6 марта.

**Особенности национальных и культурных процессов
в условиях полиэтнического региона**

Все национальные республики сталкиваются с крайне сложными задачами трансформации прежнего культурного достояния, его приспособления к требованиям современности. Не только темпы, но и характер развития оказались в значительной степени обусловлены этой спецификой, качественным своеобразием исходных факторов общественной жизни.

Поэтому столь актуальна задача осмысления современных культурных процессов, разработка концепции культурной политики, выработка принципов, целей и форм регулирования культурного развития на региональном уровне. В этой связи исключительно важное значение приобретает такой системообразующий фактор общества, как культура – комплекс характерных материальных, духовных, интеллектуальных и эмоциональных черт общества, включающих не только различные искусства, но и образ жизни, основные правила человеческого бытия, системы ценностей, традиций и верований.

Человек и все человечество в целом находятся сегодня в системе не востребованной морально-нравственной культуры прошлого, беспокойного, трепетного и страшного времени. Поэтому само время наступившего XXI в. и потребности народов требуют возрождения и обновления национальной культуры в ее исторических традициях, моральных ценностях человека – для передачи их будущим поколениям в системе устойчивого, общественного и государственного, в рамках демократического развития народов Кавказа.

Известно, что Северный Кавказ, как и другие горные территории мира, представляет стратегический интерес. В то же время Северный Кавказ воспринимается в России как место этнических конфликтов и терроризма.

Очевидно, это объясняется тем, что государственная национальная политика на Северном Кавказе не отражает остро противоречивые северокавказские реалии. Отсутствуют объективные знания о процессах, происходящих в регионе. В результате некоторые СМИ, манипулируя общественным сознанием, усугубляют и без того сложную ситуацию. В целом проблема будущего этнокультурных ценностей северокавказских народов в условиях глобализации остается открытой. Она зависит от многих факторов, но в большей мере от того, как Северный Кавказ, принимая вызов открытости, может сохранить свою оригинальность [2:12–13].

Срединное положение Северного Кавказа между Востоком и Западом привело к формированию здесь достаточно открытого, пограничного типа культуры, который в принципе способен воспринимать новации, адаптируя их к своей региональной специфике. Таким образом, культура – и ее трактовка в условиях глобализации – помогает разобраться в процессах, которые происходят в исследуемом регионе, а именно в КБР.

Несмотря на явно выраженные особенности природных ресурсов и экономики, региональная специфика национально-государственного образования, каким является КБР, более всего заметно в сфере культуры. Геополитическое положение республики в нынешней сложной политической ситуации на Северном Кавказе и Закавказье, с одной стороны, весьма неоднозначно, а с другой – является чрезвычайно важным, если не ключевым.

Несмотря на это, трем основным этническим группам Кабардино-Балкарии (кабардинцам, балкарцам, русским) удастся не только сохранять и поддерживать единую государственность и гражданский мир, но и сама КБР во все большей степени активно содействует стабилизации и миру на Кавказе.

Формирование культурной политики в современном гражданском информационном обществе – одна из важнейших задач не только потому, что сегодня кардинально изменилось место культуры в иерархии ценностей, ее состав и социальные функции, формы и объемы ее потребления, вся ее парадигма в целом, – но и потому, что традиционная культура занимала и занимает особое место в жизни республики.

Последние два десятилетия изменили самосознание кабардинцев и балкарцев в силу происшедших в стране и мире политических и социальных реформ. Очевидно, что и в будущем необходимо учитывать происходящие в мире процессы динамики этнического плюрализма, т. е. этнос, пытающийся сохранить традиционно застывшие формы культуры, не в состоянии интегрировать в мировой культурный процесс.

Другая проблема состоит в том, что глобализация культуры подрывает основы творческого многообразия и культурного плюрализма, что особенно опасно для культур немногочисленных этносов, к которым относятся кабардинцы и балкарцы. Всеобщая унификация означает практически смерть их этнических культур, так как может повлечь за собой искоренение осознания этносом себя как общности в рамках национального единства, основанного на важнейших культурных ценностях.

Многоязычная традиционная культура народов Кавказа, в том числе кабардинцев и балкарцев, издавна поражала исследователей, которые анализировали взаимовлияние их быта, общности образа жизни.

Основным фундаментом культуры является древнейший свод нравственных законов и правил «Адыгэ хабзэ», т. е. адыгский этикет, общий для всех – кабардинского, адыгейского, черкесского, шапсугского – этносов. Такой же свод нравственных законов есть у балкарцев – «Тау адет» (горский этикет), который передается из поколения в поколение.

Народам Кавказа дарована стойкость духа, благородство и честь, мужество и многие моральные ценности, которые помогают устойчиво

сохранять свои традиции, свою культуру. Горская пословица гласит, что ни одно дерево не растет без корней. Об этом свидетельствует многовековой опыт совместного проживания многих национальностей в КБ.

Принадлежность к разным этносам кабардинцев и балкарцев является уникальным феноменом межнационального общения и развития уникальных этнокультур этих народов. Этнопсихологическая совместимость между ними существует на протяжении многих веков. Стабильность в сфере социальной жизни кабардинцев и балкарцев, их культурная открытость для других наций – немаловажные факторы в объединении всего русскоязычного населения, проживающего в КБР.

Факторы качественных изменений в национальном самосознании нужно учитывать тем, что уникальность Северного Кавказа не только в его многонациональности, а в стойкости его вековых обычаев, что распространяется на общественную жизнь людей и на быт, охватывая семейно-бытовые отношения, духовную и материальную жизнь общества. Особенность этого региона еще и в географическом расположении: на стыке двух мировых культур – азиатской и европейской.

Традиции, обычаи, ценностные ориентации, нормы, объединяясь, образуют нормативный уровень этнокультуры, так как именно он обеспечивает регуляцию и управление человеком и социальными группами. Именно этнокультура выполняет координирующую функцию посредством выполнения и соблюдения индивидом традиций, обычаев, норм и т. д.

Этническая специфика народов Северного Кавказа из сферы материальной культуры в условиях глобализации как бы перемещается в сферу духовную. В ней нельзя не учитывать возникновение и влияние на сферы сознания людей новых традиций, в том числе в среде повседневной культуры, элементы которой возникают и проникают в жизнь народа, видоизменяясь и взаимообогащаясь.

Исторический опыт свидетельствует, что большинство появившихся в обществе культурных новшеств сначала вызывали неодобрительную реакцию, настороженность (сопротивление), особенно среди средних и старших поколений; пройдя определенное время, эти новшества становились малозамечаемыми (смирение), после этого они превращались в нормы (адаптация). Такова характерная черта эволюции культуры. Конечно, бывают случаи, когда не приживаются те или иные новоявленные элементы, но это, скорее всего исключения из правил, нежели золотое правило.

Таким образом, культурная динамика развивается в направлении сотрудничества между культурами, основанного на культурном плюрализме, который представляет собой адаптацию человека к чужой культуре без отказа от своей собственной. Он предполагает овладение человеком ценностями еще одной культуры без ущерба для ценностей своей собственной культуры.

В мире нет бездарного народа, все народы – большие и малые – обогатили духовно-нравственные ценности человечества. Духовное, культурное наследие горцев Северного Кавказа составляет основу их национального богатства.

**Мухарби САБЛИРОВ,
Тимур ДЗУГАНОВ**

Советизация системы образования на Северном Кавказе

В развитии культуры народов Северного Кавказа, и в первую очередь ликвидации неграмотности, в обучении детей, становлении национальной литературы и искусства, сохранении и совершенствовании родного языка, формировании нации огромное значение имело создание национальной письменности. Она должна была сыграть определяющую роль в формировании национального самосознания и государственности в целом.

Необходимо было заняться распространением письменности на родном языке, что отвечало и требованиям времени – развитие прессы, народного образования, делопроизводства, судопроизводства на родных языках.

У народов Северного Кавказа национальная письменность базировалась на арабской графической основе. Это объясняется тем, что народы Северного Кавказа имели прочные и глубокие связи с арабоязычной культурой Востока, а с другой стороны – религиозная идеология горцев базировалась на устоях Корана и наличии религиозных школ-медресе.

Первые законодательные акты Советской России «О введении новой орфографии (10 октября 1918 г.), «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» (26 декабря 1919 г.) способствовали совершенствованию письменности народов края.

В 1920 г. в Кабарде вышел букварь Т. А. Шеретлокова на арабизированной основе. Вместе с тем, Т. А. Шеретлоковым, А. И. Пшунетовым и Б. Л. Хурановым велась работа и по созданию письменности на латинице. В феврале 1921 г. такая азбука была подготовлена. Балкарцы начали переходить на новую графику письма с 1924 г.

В последующие годы удалось издать и буквари, учебные пособия для обучения кабардинских детей в школах на основе новой графики письменности. В связи с этим в августе 1924 г. заведующий областным отделом народного образования Кабардино-Балкарии Б. Хуранов писал: «Облоно... организовал в г. Нальчике типографию для печатания учебников и учебных пособий на кабардинском языке латинским шрифтом... выпущен букварь... Подготовлены к печатанию арифметика 1 и 2 часть, букварь для ликвидации безграмотности... и разные другие книги». С 1924 г. Кабарда перешла на латиницу.

В 1936 г. в связи с 15-летием автономии Кабардино-Балкарии проводились различные юбилейные мероприятия: конкурс на лучшее художественное произведение, торжественные вечера и шествия, конный пробег Нальчик–Москва и др. В эти юбилейные мероприятия вошло и создание кабардинской азбуки на русской графической основе.

Хотя Кабардино-Балкария к этому времени не имела необходимой для перехода к новой графике полиграфической базы и латинская письменность только начала утверждаться в общественно-политической жизни автономной области, областной комитет партии и облисполком 31 мая 1936 г. приняли решение о переводе кабардинского языка на русскую графическую основу. 16 сентября 1936 г. постановлением Президиума

Совета национальностей ЦИК СССР азбука кабардинского языка на русской графической основе была утверждена.

Начиная с 1937 г. во всех национальных районах Северного Кавказа по поручению областных комитетов партии проводился перевод письменности с латинской на русскую графику письма. В 1937 г. для балкарцев Б. И. Гуртуевым был подготовлен алфавит, одобренный в НИИ языков и письменности народов Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи, и письменность переведена с латинской на русскую графику.

Унификация письменности, создание новой азбуки на латинице, впоследствии и на кириллице, широкое распространение и развитие письменности на русской графической основе у народов Северного Кавказа имело огромное значение в подъеме культуры горцев и их приобщении к достижениям человеческой цивилизации.

Однако частая и поспешная смена основ национальной письменности народов Северного Кавказа имела и пагубные последствия: замедлялось развитие письменности, затрачивались значительные материальные средства, переучивалось огромное количество носителей языка, горцы теряли свою историческую память.

В результате частой смены письменности значительная часть культурного наследия народов Северного Кавказа оказалась недоступной подрастающему поколению.

Дальнейшее изучение и вовлечение природных богатств Северного Кавказа в производственный процесс, изменения в сельскохозяйственном производстве, интеграция экономики края с другими регионами страны потребовали ускоренной ликвидации неграмотности и малограмотности, создания системы народного образования.

Как известно, в 1918 г. на Северном Кавказе началась интенсивная работа по созданию системы управления народным образованием, культурно-просветительными учреждениями и наукой. В марте 1918 г. решением Терского областного Совета был утвержден Отдел народного образования. В течение 1918–1920 гг. и на местах возникли отделы, приступившие к решению задач культурных преобразований.

Гражданская война и иностранная интервенция пагубно отразились на развитии культуры в крае. Правда, и в таких тяжелых условиях военного времени открывались первые школы, организовывались краткосрочные учительские курсы, создавались пункты по ликвидации неграмотности.

После восстановления советской власти государственные органы Северного Кавказа приступили к практической ликвидации неграмотности среди населения. Эта задача на Северном Кавказе отличалась остротой, так как часть населения оставалась неграмотной.

На основе декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» во всех национальных районах Северного Кавказа были приняты соответствующие решения. Так, 24 ноября 1920 г. Терский облисполком издал приказ «Об обязательной ликвидации неграмотности населения республики». В нем были определены пути ликвидации неграмотности.

Повсеместно на Северном Кавказе были созданы чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности. Так, к концу 1920 г. такая комиссия начала свою работу в Кабарде и Балкарии.

В первую очередь свою неграмотность должны были ликвидировать

работники государственных учреждений и общественных организаций, а затем все население в возрасте от 14 до 30 лет.

Пришлось столкнуться и с большими трудностями, так как с 1922 г. финансирование этих мер было передано с государственного бюджета на местный. В связи с этим стали сворачиваться пункты по ликвидации неграмотности, что повлекло резкое снижение темпов решения этой проблемы.

В результате реализации ускоренной программы по ликвидации неграмотности в 30-е гг. уровень грамотности населения народов Северного Кавказа в предвоенные годы резко возрос.

Таким образом, за короткий исторический период была ликвидирована неграмотность народов Северного Кавказа. Однако ускоренная ликвидация неграмотности горцев имела и отрицательные последствия: качество обучения взрослого населения было низким, немало было приписок, в ходе ликвидации неграмотности необоснованно были экспропрированы памятники старины под пункты ликвидации, естественный ход развития духовной культуры был нарушен.

Ликвидация неграмотности на Северном Кавказе иногда принимала принудительные формы. Однако в целом ликвидация неграмотности и малограмотности способствовала приобщению горцев Северного Кавказа к достижениям мировой культуры.

Одним из важнейших направлений в сфере культурных преобразований явилось создание системы народного образования. Программа мер была отражена в первых законодательных актах советского государства и получила конкретизацию в постановлении Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств» (1918), в решениях VIII съезда РКП(б) 1919 г. и в других документах.

Наряду с демократизацией народного образования, уничтожением словесности школы вольно или невольно закладывалась утопическая идея – способствовать созданию бесклассового общества, коммунистического строя, воспитанию ярко выраженного идеологизированного большевистского человека и активного участника всемирной коммунистической революции.

С 1918-го по 1920 гг. в национальных районах Северного Кавказа возникли отделы народного образования, наделенные большими полномочиями по подбору педагогических кадров, по организации их быта, насыщению школ учебно-методической литературой, разработке национальной письменности.

Отделы народного образования в годы Гражданской войны и иностранной интервенции открывали первые школы, организовывали курсы по подготовке учителей, способствовали освобождению педагогов от военной и трудовой мобилизации, проводили значительную разъяснительную работу по привлечению детей в школы.

На местах открывали новые школы, постепенно восстанавливали разрушенную систему народного образования, формировали педагогические кадры, готовили будущих педагогов на краткосрочных курсах. Только в Дагестане в течение двух месяцев 1920 г. было открыто 108 школ.

Образование Горской республики (1921), в правительстве которой имелся Народный комиссариат просвещения, и Северо-Кавказского края (1925) явилось переломным моментом в дальнейшем становлении и развитии народного образования на Северном Кавказе. Укрепляется материальная база, финансирование переводится с местных бюджетов на бюджет Российской Федерации, создаются специальные фонды развития культуры ранее угнетенных народов, централизованно направляются на работу вы-

пускники крупных педагогических институтов, публикуется методическая и учебная литература на языках народов Северного Кавказа.

В первые годы новой экономической политики в связи с резким снижением уровня развития экономики, школьное строительство на Северном Кавказе замедлилось. Только с 1924–1925 учебного года наблюдается некоторый рост численности школ и учащихся.

Переход народов Северного Кавказа к латинизированной азбуке письма (с 1924 г.), коренизация общественной жизни и начало осуществления всеобщего обязательного начального образования способствовали становлению системы народного образования.

В 1930–1931 учебном году в результате принятых мер в Кабардино-Балкарии обучением было охвачено 52 % детей школьного возраста. Необходимо отметить, что в 30-е гг. во всех национальных районах Северного Кавказа проблема всеобщего начального обучения была успешно решена.

В связи с окончательным утверждением советской системы народного образования религиозные мусульманские школы прекратили свое существование. Со второй половины 30-х гг. было положено начало переходу к всеобщему обязательному семилетнему образованию. Этот переход успешно осуществлялся в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Дагестане и Адыгее. Однако в Чечено-Ингушетии и Карачаево-Черкесии этот вопрос был поставлен только в 1940 г. и не был еще решен.

Безусловно, не обходилось и без ошибок и просчетов: выпускники школ получали слабую подготовку, не уделялось должного внимания проблемам национальной культуры и истории, школа превращалась в идеологизированное учебное заведение, в котором подавлялось «инакомыслие».

Что касается проблемы подготовки специалистов народного хозяйства, то начало было положено открытием краткосрочных курсов, в том числе медицинских, сельскохозяйственных, ремесленных и других. Немалую лепту вносили советско-партийные школы, средние специальные учебные заведения. Декретом СНК Терской республики от 5 июля 1918 г. были открыты краткосрочные курсы учителей одноклассных училищ в Ингушетии, Кабарде, Осетии и Чечне. Подготовка специалистов на краткосрочных курсах хотя и способствовала временному обеспечению потребностей народного хозяйства, однако уровень знаний был низким.

В 20-е гг. XX в. в национальных районах были открыты советско-партийные школы, в частности, во Владикавказе, Нальчике, Грозном, а также партийные курсы и краевая партийная школа.

Эти курсы и школы мало учитывали национальные особенности народов края. Поэтому в 20-е гг. XX в. были приняты решения об открытии советско-партийных школ по национальному признаку. Начали функционировать совпартшколы: в Кабардино-Балкарии (с 1923 г.), Чечне (с 1925 г.), Адыгее (с 1926 г.), Черкесии (с 1926 г.), Карачае (с 1929 г.). При этом совпартшколы Кабардино-Балкарии, Чечни не были самостоятельными учебными заведениями, а входили в состав учебных комбинатов.

Выпускники совпартшкол, получая значительную идеологизированную подготовку, стали проводниками административно-командной системы и способствовали ее укреплению.

В начале 20-х гг. XX в. были открыты педагогические техникумы в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. Педагогические техникумы оставались до конца 30-х гг. ведущими учебными заведениями по подготовке учителей в системе народного образования горцев Северного Кавказа.

В связи с введением всеобщего обязательного начального обучения, широким охватом детей школьного возраста учебной резко увеличилась численность педагогических техникумов и студентов.

В первой половине 30-х гг. педагогические техникумы, краткосрочные курсы и частично педагогические вузы подготовили значительное количество педагогов. Во всех автономиях Северного Кавказа численность учителей начальных школ возросла с 596 до 3384.

Наряду с педагогическими техникумами были открыты сельскохозяйственные, индустриальные, медицинские, финансовые, культурно-просветительные, кооперативные и иные средние специальные учебные заведения.

Со второй половины 30-х гг., в связи с заметным подъемом национального самосознания горцев Северного Кавказа, ростом школьной сети, успехами в развитии сельского хозяйства и промышленности, стремительными темпами увеличивается число средних учебных заведений и численность интеллигенции со средним специальным образованием.

Важную роль в подготовке национальной интеллигенции народов сыграли рабочие факультеты.

В Кабардино-Балкарии наиболее крупным являлся педагогический рабфак, открытый в 1931 г., который с 1935-го по 1939 г. подготовил 390 специалистов для народного хозяйства. В 1931 г. на рабфаках Адыгейской автономной области обучалось 179 человек.

Функционировали в этот период и различные коммунистические учебные заведения. В 1923 г. было принято решение об открытии отделений Коммунистического Университета трудящихся востока в национальных районах Северного Кавказа. Они были призваны готовить руководителей колхозов, МТС, совхозов и районов. Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа Кабардино-Балкарии с 1933 по 1936 гг. подготовила 581 специалиста.

Подготовка специалистов со средним специальным образованием из представителей народов Северного Кавказа осуществлялась и за пределами Северо-Кавказского края.

Средние специальные учебные заведения Северного Кавказа сыграли значительную роль в подготовке специалистов народного хозяйства. Вместе с тем следует отметить, что выпускники средних учебных заведений получали недостаточную теоретическую подготовку, не имели навыков самостоятельной работы, обучение носило ярко выраженный идеологизированный характер. И поэтому вклад интеллигенции в социально-экономическое развитие региона оказался слабым.

Большую роль в развитии культуры народов Северного Кавказа играла высшая школа, готовившая специалистов высокой квалификации. Первое высшее учебное заведение было открыто в Северной Осетии, а в других регионах Северного Кавказа в 30-е гг. XX в.

Возросла и подготовка специалистов народного образования в вузах и техникумах страны. Если в 1922 г. в вузах Москвы обучалось 39 студентов из Кабардино-Балкарии, то в 1924–18925 учебном году – уже 318. В 1932 г. только по линии Облоно на учебу было направлено 1397 человек, в том числе 1250 кабардинцев и балкарцев, из которых в вузах обучалось 212 чел., в техникумах – 1036, на рабфаках – 465. В 1937 г. за пределами Кабардино-Балкарии обучались 2183 человека. В 1938 г. в Москве, Ленинграде, Баку, Ростове-на-Дону, Владивостоке, Иркутске, Воронеже, Туле и других городах обучалось более 3 тысяч.

Людмила КУМЫКОВА,
начальник отдела использования,
публикации документов и создания
информационно-поисковых систем УОПД АС КБР

Становление архивного дела в Кабардино-Балкарии в 20-е гг. XX в.

Северный Кавказ в целом, и Кабардино-Балкария в частности, богаты не только естественными дарами природы, но и историческими памятниками, среди которых видное место занимают архивы. Совсем недавно республика отметила 85-летний юбилей Архивной службы. В приветствии президента КБР А. Б. Канокова по этому поводу подчеркнута роль архивов как научно-просветительных и культурных центров народов Кабардино-Балкарии.

Архивные документы помогают исследовать историческое развитие края, этногенез его народов, дают возможность выяснить позитивные и негативные стороны прежнего уклада жизни. Несмотря на важное значение архивного фонда, до 1917 г. архивы не были предметом особого внимания местных властей и научной разработки. В достаточной мере не был выяснен общий объем всего местного архивного материала, отсутствовали объединяющие учреждения, которые бы ведали архивным делом. Любой мало-мальски важный вопрос не может быть изучен без использования архивных данных. Более того, ни по одному вопросу (земельному, сословному, религиозному и т. д.) нельзя говорить основательно, не будучи знакомым с архивами и их данными и не используя их.

До 1917 г. в Нальчикском округе не было своего архива. Поэтому документы здесь не сохранились в полном объеме.¹ Средств на упорядочение документов учреждений не хватало. Многие документы были утеряны при перемещении в Терский областной архив. Например, из 18764 дел фонда «Начальника Кавказской линии» сохранилось только лишь 2109. После февраля 1917 г. Временное правительство не смогло осуществить перестройку архивного дела, не предприняло надлежащие меры по сохранению документов царского периода. Качественно новая организация архивов для широкого научного и практического использования документов была налажена в Кабардино-Балкарии после октября 1917 г. Декрет Совнаркома РСФСР от 1 июня 1918 года «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» устранил ведомственность и положил начало централизации управления архивным делом, обеспечению сохранности всех архивных документов. Его дополнило Положение о губернских архивных фондах от 31 марта 1919 г., что стимулировало строительство государственных архивов на местах.²

Но реально на Северном Кавказе только после окончания гражданской войны предприняты практические шаги по организации государственного архивного дела. 17 августа 1920 г. уполномоченный Главного архивного

¹ Архивы Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2002. С. 11.

² Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917–1941). М., 1961. С. 14, 15.

управления Терской области предложил председателю Нальчикского окрисполкома Б. Э. Калмыкову принять срочные меры по охране архива округа.¹

Первоначально на должность зав. архивом рассматривалась кандидатура известного адыгского просветителя П. И. Тамбиева. Однако его политические убеждения (Тамбиев был сторонником гражданского соглашения в обществе, «третьего» пути развития, и во время гражданской войны открыто занимал позицию нейтралитета, объявляющую эту войну губительной для народа) стали препятствием для назначения его на эту должность.²

В восстановительный период в Кабардино-Балкарии на предприятиях и в учреждениях накапливалось много документов, которые необходимо было систематизировать для их оперативного использования в научных и народнохозяйственных целях. Однако решение об организации архивного дела в области по ряду причин затягивалось. В соответствии с Декретом ВЦИК РСФСР от 14 июля 1921 г. местные государственные архивные учреждения смогли получить все архивные фонды дореволюционного и начала советского периода по истории их народов, отложившиеся на территории данной области.

Реализуя указание Центрархива от 19 апреля 1922 г. «О немедленных мерах по организации периферийных архивов», 1 июля 1922 г. в Кабардино-Балкарии было организовано областное архивное бюро. Его основными целями являлись сбор архивных документов, их учет, хранение и использование для практических и научных целей. Выстраивалась четкая вертикаль управления: Кабардино-Балкарского областное архивное бюро подчинялось соответственно Северо-Кавказскому краевому архивному бюро и Центрархиву.³

15 сентября 1922 г. все учреждения области получили циркуляр Б. Э. Калмыкова с требованием принять меры к охране архивов, проявить заботу по их сохранению.⁴ Но в связи с тем, что дело продвигалось с трудом, 25 января 1923 Кабардино-Балкарский облисполком принял обязательное постановление о сосредоточении в местном архиве всех документов по истории народов Кабардино-Балкарии.⁵ Его комплектование началось с документов дореволюционного периода, который включал более 20 фондов с наличностью около 15 тыс. дел. Среди них наибольшую ценность представляли фонды Управления начальника Центра Кавказской линии, Кабардинского временного суда, Кабардинского конного полка и др.

Становление архивного дела в масштабе области затруднялось тем, что заведующий в единственном числе отвечал как за работу самого областного архива, так и за создание окружных архивов. Между тем только в конце 1923 г. архиву смогли предоставить подходящее помещение. Но условия хранения не соответствовали нормативам, и сотни дел погибали,

¹ УДГОВУ АС КБР, ф. Р-201, оп. 1, д. 14, т. 2, л. 609.

² *Бербеков Х. М.* Советская автономия Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1961. С. 24.

³ УДГОВУ АС КБР, ф. Р-248, оп. 1, д. 2, л. 19.

⁴ Там же, л. 24.

⁵ УДГОВУ АС КБР, ф. Р-248, оп. 1, д. 6, л. 5.

тексты угасали. Большой проблемой являлась текучесть кадров из-за низкой заработной платы. В связи с неудовлетворительным состоянием архивных учреждений в начале 1925 г. были разработаны правила организации архивного делопроизводства.¹

Работа областного архивного бюро в 20-е гг. регламентировалась нормативными документами Центрархива, Северо-Кавказского крайисполкома и Крайархивбюро. Они определяли порядок отбора материалов для постоянного хранения, составления описей, экспертной оценки документов, их комплектование, фондирование и использование. Методика проведения архивных работ публиковалась в отраслевых журналах «Красный архив» и «Архивное дело».

В отчете архивного бюро Северо-Кавказского края за 1925 г. с положительной стороны отмечена организация в КБАО 9 окружных архивов.² Но круг деятельности архивных учреждений с каждым годом расширялся. Поэтому для оптимизации работы и в соответствии с положением «О Едином государственном архивном фонде» от 3 февраля 1925 г. в автономных областях организуются самостоятельные исторический архив и архив октябрьской революции. Весной 1926 г. на основании циркуляра Центрального архивного управления РСФСР архивные бюро организовали передачу им на госхранение документов за 1917–1921 гг.³

Декрет ВЦИК о создании местных архивов Октябрьской революции активизировал работу в 1927 г. архивистов Кабардино-Балкарии, которые приняли на хранение фонды окружных и сельских ревкомов, облисполкома, облплана, милиции, Совета народного хозяйства и др. В результате фонды архива увеличились с 75 в 1927 г. до 105 в 1928 г.

Однако научно-техническая обработка не поспевала за поступающими на госхранение архивными документами. Несмотря на то, что систематизация описания производилась упрощенно, большая часть документов оставалась неупорядоченной и недоступной для использования. Одновременно проводилась кампания по выделению документов, не подлежащих хранению.

Параллельно с государственными архивами на Северном Кавказе создавались комиссии или бюро истпарта. В Кабардино-Балкарии оно было создано в марте 1922 г. в составе Б. Калмыкова, А. Антониковского и Г. Петрова. Первоначально оно находилось в ведении Юго-Восточного, а затем Северо-Кавказского отделения истпарта.⁴

В январе 1927 г., учитывая важность данной работы, VIII областная партконференция приняла решение так наладить истпартовую работу, чтобы к 10-летию Октября издать сборник по истории революционного движения в Кабардино-Балкарии. В июне 1927 г. бюро обкома партии в связи с этим наметило обширную программу, включая поиск и использо-

¹ Архивы Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2002. С. 18.

² Там же. С. 9.

³ Государственные архивы и архивное дело в союзных республиках. М., 1971. С. 8; Архивы Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2002. С. 10.

⁴ Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской партийной организации в 1917–1922 гг. Сб. документов и материалов. Нальчик, 1963. С. 173.

вание документов из архивохранилищ СССР и передачу их в партархив КБАО.¹

Бюро истпарта Кабардино-Балкарии привлекло к исследовательской деятельности представителя дореволюционной интеллигенции Т. Кашежева.²

К 1928 г. работники бюро истпарта Кабардино-Балкарии собрали 105 единиц хранения. В их числе материалы о социально-экономическом положении и освободительной борьбе горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля, об освобождении крестьян, истории культуры кабардинцев и балкарцев XIX – начала XX вв. и др. В эти годы приобретено известное сочинение В. Н. Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе» и неполный комплект первой кабардинской газеты «Адыгэ макъ», материалы о жизни и деятельности Н. Катханова, программу партии «Свободная Кабарда» З. Даутокова-Серебрякова и др.³

Неоценимую помощь оказывали научные и краеведческие организации и работники центра и края, присылая ценную литературу по кавказоведению. Московский институт культуры народов Востока и Дагестанская научная государственная библиотека выделили из своих книжных фондов редкие труды по востоковедению и кавказоведению и коллекцию фотоснимков. По решению Главнауки Государственный книжный фонд направил области около 3000 томов, что позволило составить библиографию о Кабарде и Балкарии на русском и иностранных языках, свыше 500 названий. Достигнута договоренность с известными кавказоведами, проводившими в разное время научное исследование области (Н. А. Буш, И. С. Щукин, В. П. Пожидаев, И. Г. Кузнецов, С. С. Анисимов и др.) о присылке фотоснимков, зарисовок, карт, характеризующих геологию, ботанику и этнографию области. Из Ленинграда прислали фотоснимки редких карт Кабарды XVIII в., а в архиве чертежей облземуправления г. Нальчике была обнаружена редкая карта Кабарды XVIII в. Заказаны ряду кавказских музеев фотоснимки редких экспонатов по Кабарде и Балкарии. Кабардино-Балкарское архивное бюро запросило Центрархивы РСФСР и Грузии о передаче ему кабардинских дел, хранящихся в Тифлисе. Областное архивное бюро приступило текущим летом к разборке архивных дел по годам и учреждениям и дела до 1850 г. Особенно ценны архивы горского словесного суда по землепользованию и землевладению в области после земельной реформы (1867–1873).⁴

Таким образом, видно, что создание архивов в драматический революционный период позволило сохранить для истории народов Кабардино-Балкарии ценнейшие документальные материалы. Неслучайно еще А. И. Герцен говорил: «полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное, идя назад, шагаем вперед».⁵

¹ *Соблиров М. З.* Кадры и историческая наука в Кабардино-Балкарии (1918–1941) // Культура народов Северного Кавказа. Нальчик, 1989. С. 39.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 41.

⁴ Краеведческая работа в Кабардино-Балкарской Автономной Области // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1–2. С. 81, 82.

⁵ Работа по разработке и изучению местных архивов // Вопросы краеведения в Адыгейско-Черкесской Автономной Области. Вып. V. Краснодар, 1926. С. 42, 43.

В номере:

<i>К юбилею С. Хахова.</i> Велга. Глава из повести	3
<i>К юбилею С. Гуртуева</i>	18
Наши юбиляры. <i>Х. М. Кунижсёва</i>	33
<i>Саладин Жилетежесев.</i> Мухаджирство. Поэма	34
<i>Магомет Кучинаев.</i> Третий батальон. Главы из повести	55
<i>Мухамед Кармоков.</i> А тополя все растут. Главы из повести	81
<i>Батыр ас Аланский.</i> Всегда на стремнине. Очерк	96
<i>Юрий Багов.</i> Стихи	99
<i>Заур Канкулов.</i> Светлая копоть. Одно утро Аминат. Рассказы	100
Памятные даты. <i>Кодзоков Л. М., Урусбиев С. И., Урусбиев Н. И., Си- жажесев К. А.</i>	105
<i>Али Байзулла.</i> Поэзия там, где человечность. Миниатюры	110
<i>Дмитрий Лунин.</i> Стихи	115
<i>Салих Эфендиев, Тамара Эфендиева.</i> Мета поиска. Очерк	120
<i>Борис Кагермазов.</i> Встреча. Очерк	123
<i>Галина Кумахова-Шогенова.</i> Она не могла быть другой. Очерк	126
Книжные новинки. <i>Игорь Терехов.</i> Возвращение с холмов	132
<i>Мухаммед Точиев.</i> Адыгский символ. Песня	133
<i>Фатима Хасанова.</i> Стихи	134
<i>Елена Куянцева.</i> Образ «любовь» в лирике А. Кешокова (1940–1980) . . .	135
<i>Зухра Торогельдиева.</i> Особенности стихосложения Инны Кашежевой и его эволюция. Статья	140
<i>Людмила Шауцукова.</i> Манкуртизм или транскulturация? Статья	148
<i>Светлана Тюбеева.</i> «Точь-в-точь как в жизни...» Статья	152
<i>Рафина Шомахова.</i> Аспекты отношения «человек – среда» в кабардин- ской прозе. Статья	157
Творчество юных. <i>Анзор Киржинов</i>	161
<i>Борис Алчагиров.</i> Мир в наноизмерении. Статья	162
<i>Лариса Алоева.</i> «Я будущность свою измерил...» Статья	168
<i>Изабелла Бичиева.</i> Социально-политические условия формирования национальной кабардинской интеллигенции. Статья	171
<i>Залина Дохова.</i> Национальный колорит (обращения-пожелания) в про- изведениях Ахмедхана Налоева. Статья	174
<i>Жанна Тхазеплова.</i> Сохранение эноса и национальных особенностей КБР в условиях глобализации. Особенности национальных и культур- ных процессов в условиях полиэтнического региона. Статья	176
<i>Мухарби Саблиров, Тимур Дзуганов.</i> Советизация системы образования на Северном Кавказе. Статья	182
<i>Людмила Кумыкова.</i> Становление архивного дела в Кабардино-Балкарии в 20-е гг. XX в. Статья	187

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Технический редактор, компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.03.08. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2230 экз. Заказ № 44.

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5. тел.: 47-74-02, 42-75-22.

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением дискеты и личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
